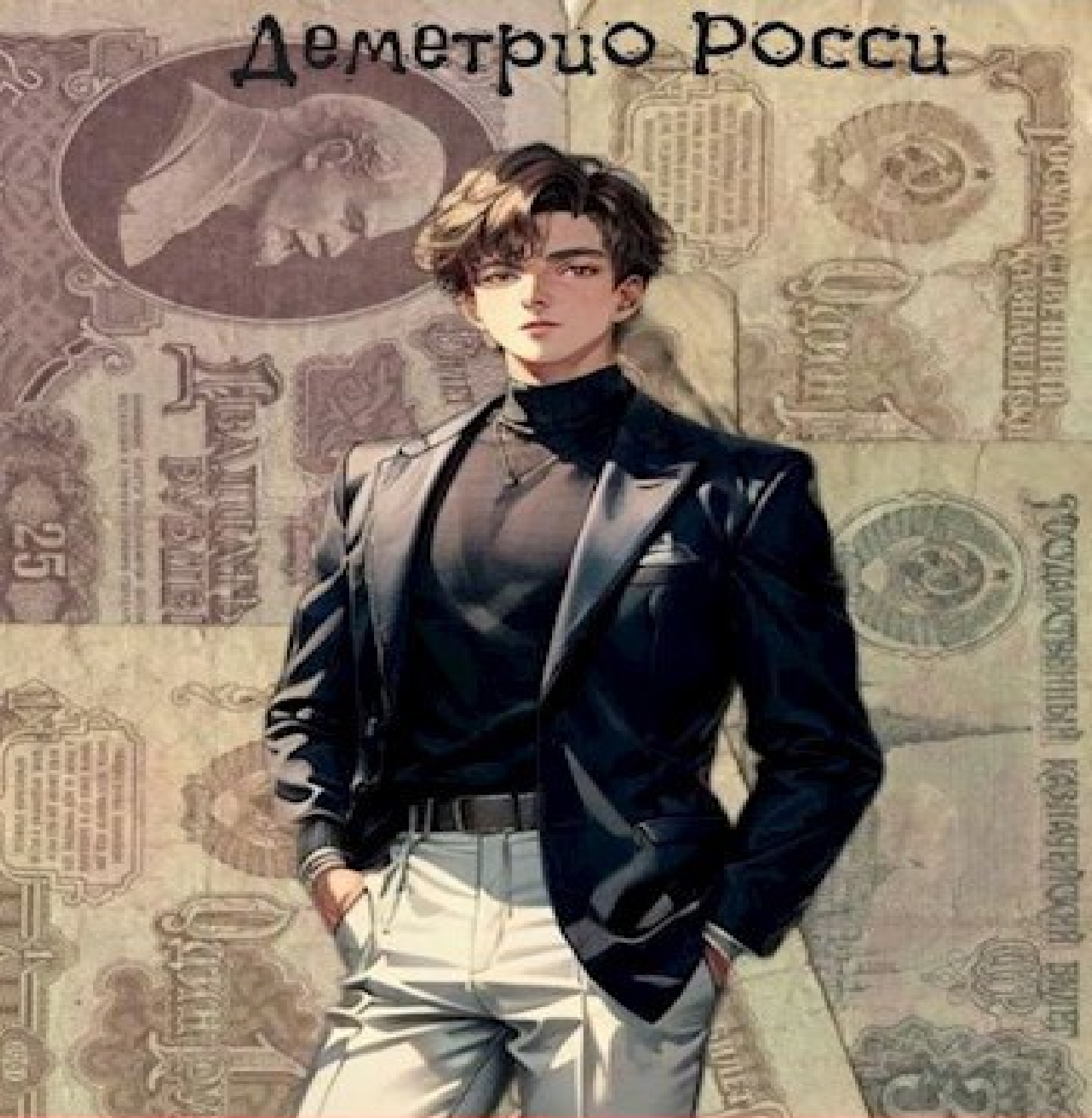

Деметрио Росси

КАПИТАЛИСТ:

Часть 1. 1987

Наш современник очень удивился, обнаружив себя в чужом теле и чужом времени. На дворе 1987-й со всеми его прелестями. Теперь он – Алексей Петров, сын партийного чиновника регионального уровня, ученик выпускного класса и по совместительству – мелкий спекулянт.

На пути к финансовому успеху, герой встречается с самыми разными людьми – мажорами и забулдыгами, гопниками и неформалами, милиционерами и гангстерами, попадая в ситуации иногда смешные, а иногда и опасные...

Глава 1

Первое, что я увидел — белый, в трещинах потолок. Увидел, и тут же зажмурился, смотреть на него было больно. И вообще, голова болела адски, до дрожи и скрежета зубовного, до слёз. Я попытался пошевелить ею, но не преуспел в этом от слова совсем, такое ощущение, что она теперь весит не меньше центнера. Это неосторожное усилие стоило мне дорого — в затылке как будто взорвалось что-то острое и горячее. К подобным испытаниям я определенно готов не был и заорал, что есть силы. Вернее, подумал, что заорал, по факту изданный мною звук был чем-то средним между стоном и хрипом. После этой дьявольской вспышки боли сознание заволкло туманом. Сейчас отрублюсь, подумал я. Отрубаться почему-то не хотелось.

— Захарыч, слышь! Захарыч! — услышал я откуда-то из глубины тумана энергичный и удивленный мужской голос. — Да Захарыч же!

— Чего? — раздалось в ответ недовольное.

— Да кажись новенький простонал чего-то! Надо сестру позвать.

— Приснилось тебе, — буркнул Захарыч, который явно не был настроен совершать лишние телодвижения для того, чтобы помочь ближнему. Экая скотина, подумал я. И снова застонал, пытаясь вложить в этот стон всё негодование в адрес невидимого мне Захарыча. Видел я всё ещё только один лишь потолок, да и то не очень резко, будто туманом его заволкло.

— Кажись, действительно стонет, — с явным интересом в голосе сказал третий участник обсуждения.

— А я чего говорю! — обрадовался первый. — Слышь, Захарыч! Вот и Александр Иванович говорит — стонет! Бери ноги в руки и дуй в ординаторскую!

Кажется, коллективное обращение возымело действие. Послышался скрип пружин, негромкое ворчание Захарыча, который сетовал, что нет ему, больному человеку, покоя даже в сончас, что сведут его в могилу, ироды, не больница, а кабак какой-то и все гоняют его, Захарыча, нашли молодого, черти... Ворчание сопровождалось шарканьем и вскоре затихло. Очевидно, что Захарыч ушёл. Про себя я порадовался — во-первых, тому, что очень хорошо всё слышу и понимаю, а во-вторых, помощи, которая сейчас уже подойдёт. Единственное, чего я не смог сообразить — как я попал в это место с белым потолком. Как только я попытался чего-то вспомнить, головная боль начинала нарастать, словно блокируя доступ к воспоминаниям. Потом вспомню, решил я. Главное — сейчас здесь не склеить ласты, дожидаться квалифицированной медицинской помощи. Придёт человек в белом халате, избавит меня от головной боли и расскажет обо всём, что со мною произошло. Я в больнице, а значит — в безопасности. Голоса вокруг меня переговаривались, но я не особо прислушивался — разглядывал трещины на потолке (ремонта здесь определенно не было давненько) и пытался не отрубиться. Последнее давалось не без труда — мой несчастный организм, кажется, был совсем не против отключить все системы и лечь на дно. Однако я дождался.

— Та-а-ак! — по-хозяйски произнёс басок откуда-то из тумана. — Стонем, значит? В сознание пришёл? Эт хорошо!

В моей несчастной голове почему-то всплыл старинный анекдот о больном, который перед смертью потел. Только было почему-то не смешно. Я попытался поддержать диалог и

снова ни черта не преуспел. Мой очередной жалобный полухрип-полустон врачом был проигнорирован, он, кажется, измерял мне давление.

Мне, конечно, хотелось рассказать о многом. О том, что у меня дьявольски болит башка. О том, что пить хочется до безумия. О том, что я не помню — как сюда попал. И вообще... На этом интересном месте белый потолок посерел и расплылся. Я почувствовал, что сейчас отъеду.

— Сию минуту кольнём, как раз шприцы только прокипятили! — Это было последнее, что я услышал в тот день. Теряя сознание, я успел слегка удивиться тому, что шприцы, оказывается, прокипятили. Хотя, может здесь так и нужно...

Когда я пришёл в себя во второй раз, голова уже не болела. Я открыл глаза. Белый потолок. Но без трещин — хороший потолок, штукатурили недавно и на совесть. Значит, подумал я, есть два варианта. Либо они штукатурили пока я валялся в отключке. Что было бы странно. Или второй вариант — меня перевели в другую палату. Что скорее всего и произошло. Решив эту непростую интеллектуальную задачу, я обрадовался. Голова работает! И не болит. Только пить хочется дико — горло и язык совершенно пересохли, и слабость такая, что головой пошевелить невозможно. Ну и ладно. Не получается пошевелить головой — буду шевелить мозгами. Вспоминать. Значит, что...

Звать меня Антон Ерофеев.

Мне тридцать четыре года.

Работаю я сисадмином в строительной фирме.

Директор — Степан Степаныч.

(В этом месте голова заболела, похоже, что воспоминание о работе на пользу моему организму не шло.)

Живу я с мамой на Тракторном.

Дом шестнадцать, квартира тридцать два.

Отец ушёл из семьи в незапамятные времена.

Столица России — Москва. Город-герой.

Семью восемь — пятьдесят шесть.

Корень квадратный из ноля — ноль.

Волга впадает в Каспийское море.

Вконтакте у меня сто двенадцать друзей.

И трое на Одноклассниках.

Семьи нет.

Очень неплохо, похвалил я себя мысленно. Захотелось срочно позвать кого-то, чтобы поделиться открывшимися воспоминаниями. Я повернул голову на левый бок, стараясь делать это как можно аккуратнее. Стенка! Обои в пошловатый цветочек. Я чертыхнулся и принял исходное положение, передохнул немного, а затем повернул голову направо.

Тумбочка.

Окно, деревянное, с открытой форточкой.

На подоконнике цветы в горшках.

Какой-то плакатик или календарь на стене.

Койка. На ней человек в полосатой пижаме. Мужчина, лет сорок-сорок пять, с усами и пышной шевелюрой. Человек читает книгу. Нужно позвать его!

— Послушайте! Где я вообще и как сюда попал? — Мне хотелось, чтобы голос звучал уверенно и твердо, но по факту голос дрожал и срывался. Однако человек в пижаме меня

услышал и встрепенулся.

— Проснулся! — радостно заявил он. — А мне сказали, чтобы как проснешься — я сразу докторов звал! Пойду, позову!

Так, подумал я. Сейчас они меня опять уколут какой-то дрянью, и я опять отрублюсь. И всё повторится сначала. Так дело не пойдёт. Нужно с кем-то пообщаться. Тем более, что разговаривать я могу. Мне хотя бы узнать — что со мной произошло и почему я здесь. На большее пока не претендую.

Вернулся мой сосед в полосатой пижаме в компании медика — шумного усатого мужчины.

— Ого-го! — радостно вскричал медик, увидев меня. — Проснулись наконец-то, молодой человек! А я говорил вашей матушке, что ничего страшного! Сознание-с! Дело тонкое! Нужно ему выключиться — оно и выключилось на время. А теперь вот включилось! И не нужно профессоров-знаменитостей беспокоить, у нас здесь прекрасная клиника, лучшая в городе. И всё в порядке, нормалёк! Голова-то болит?

— Почти не болит, — сказал я правду. — Пить только хочется.

— И попьешь, и покушаешь! — пообещал доктор. — Тебе сейчас сил набираться нужно. Как сюда попал — помнишь?

— Не помню, — сказал я с сожалением. — Но было бы интересно узнать.

— Бывает-бывает. Под машину вы, молодой человек, угодили! Автомобиль «Москвич». Стукнул он вас порядочно, но не сломал ничего, все кости целы, повезло. И отрубались вы сразу после удара. Водитель перепугался до полусмерти, думал, что вы, молодой человек, того... Переобулись! Вызвал «неотложку», она вас в дежурную больницу и привезла. А уж потом, когда ваши родители (а особенно — матушка ваша!) переполох подняли, так вас сюда перевезли — на «Льва Толстого». А вы, молодой человек, то в себя приходите, то снова в отключку. Но теперь, похоже, что вы в себя пришли окончательно. Спать не хочется?

— Нет, — сказал я.

— А мы вас тут исследовали всяко. И рентген, и анализы... Всё целенькое-новехонькое, никаких гематом, ни переломов, боже сохрани! Я вашей матушке толкую — молодой здоровый парень, ничего с ним не случится, не нужно беспокоиться! Валерьянкой отпаивали, — врач вздохнул.

Что-то было в этом всё странное. И не просто странное, а жутковатое. Что-то... неправильное, как-то не так рассказывал врач, не так, как полагается... И не только врач с его рассказом — вообще всё неправильное, не такое... Очень странно.

— Мне бы позвонить... — сказал я, удивляясь тому, как странно звучит мой голос (вернее — не мой голос, совсем не мой! Впрочем, может быть это травма виновата, черепно-мозговая, не шутка в деле!)

— Никак невозможно! — сочувственно отозвался врач. — Телефон у нас в ординаторской, а вставать вам строго-настрого запрещается. Мы позвоним вашим родителям, не беспокойтесь! Кстати, если по нужде пожелаете, то сестра принесёт судно, а самому вставать — ни-ни! — врач шутливо погрозил пальцем. — Полный покой, молодой человек!

Что за хрень? Телефон в ординаторской?! А мобильник мой где, спрашивается?

«Лаванда-а! Горная лаванда-а-а! наших встреч с тобой синие цветы-ы», — доносилось из стоящего на тумбочке приемника.

— Телефон мой, — сказал я, — разве его не нашли, когда меня машина сбила?..

— Телефон? — удивился врач. — Вы молодой человек, с телефонным аппаратом шли куда-то? Странно! Матушка ваша ничего не говорила.

— Мобильник, — уточнил я. Зря уточнил.

— Импортный, наверное? — заинтересовался врач. — Не слышал о такой фирме. «Мобильник»!

«Лето нам тепло дарило. Чайка над волной парила, только нам луна светила, нам двоим на земле», — пела из старинного радиоприемника певица... как её? Да София Ротару же!

— София Ротару, — сказал я ни к кому не обращаясь.

— Совершенно верно, молодой человек! — подтвердил врач. — Заболтались мы с вами совсем! А между тем, вам показан полный покой. Сейчас я пришлю сестрицу, она всё сделает!

Я хотел ещё раз спросить о телефоне, но не решился. Какой-то он странный, этот врач... Лучше не приставать к нему с лишними вопросами.

Пришла медсестра. Принесла судно, градусник и прибор для измерения давления. Я попросил воды, но медсестра категорически заявила, что нужно потерпеть, ибо я будущий солдат. И спросила — собираюсь ли я после школы сразу в армию, или же поступлю в вуз, а затем уже — в армию. Я очень возмутился и еле сдержался, чтобы возмущение не высказать! Она издевается, эта тетка! Какая школа?! Какая армия?! У кого из нас здесь черепно-мозговая травма, спрашивается?!

Однако же, я сдержался. Мне, как тому капитану Смоллету из мультика «Остров сокровищ», не нравилась эта больница, эта палата, эти врачи... вообще ничего не нравилось!

Нужно признать, что своё дело медсестра делала довольно ловко. Давление у меня оказалось чуть ниже нормы (но ничего страшного, по словам медсестры), температура — в норме, судном я воспользовался по назначению, переборов естественный стыд. В конце концов я получил полкружечки воды и тарелку куриного бульона. Воду я выпил с наслаждением. Хорошо, но мало! Попросил ещё, но сестра сослалась на распоряжение врача — нельзя мне с такой травмой много пить на первых порах и вообще — я будущий солдат (дался ей этот будущий солдат, черт побери!)

Подкрепивши слабые свои силы, я почувствовал себя определенно лучше. Теперь я уже мог не только с хрипом и стоном выдавливать из себя отдельные слова и не слишком членораздельные фразы. Теперь я уже почти нормально разговаривал. Так, например, я поинтересовался у сестры, пустят ли ко мне посетителей. И сестра сказала, что пустят обязательно, сразу после обхода. Отлично. Меня это устраивало.

А потом я попросил у медсестры зеркало. Почему-то захотелось посмотреть, как я выгляжу. Она фыркнула — ну и больные пошли, то вот лежал и помирал, а теперь прихорашиваться собрался. Но принесла всё же, простенькое круглое зеркальце — любуйся, больной!

В общем... зеркало я выронил. Хорошо, что хоть не разбил — примета, всё же. Но удержать не смог, потому что... Я увидел, как в зеркале отражается не моё лицо. На меня смотрел бледный и перепуганный паренек, лет шестнадцати-семнадцати. Голубые глаза. Пышная черная шевелюра. Резко очерченные скулы. Небольшой шрам над правой бровью. Пожалуй, его можно было назвать привлекательным, но в тот момент мне было не до этого.

Был шок. Полное непонимание происходящего. Полная дезориентация. Сон, думал я. Это сон, и я проснусь, и всё будет как раньше. Не мой голос. Не моё лицо. Не моё тело. Странная больница. Приёмник с ретро-музыкой. Нужно просыпаться. Нужно срочно

просыпаться, не может быть, что это не сон, невозможно, немислимо...

«Мы выполним заявки тех, кто любит эстрадную музыку и песни. Вы услышите записи Марка Бернеса, Анны Герман, Игоря Николаева, группы „Интеграл“, а также встретитесь с лауреатом конкурса молодых эстрадных исполнителей Натальей Островой», — сказал радиоприемник.

Для сна слишком много подробностей. Во сне так не бывает. Так только в дурацких фильмах бывает, а ещё в жизни. Я вот, например, не знаю, кто, нахрен, такая Наталья Островая! И что за группа «Интеграл»!

Я лежал. Собирался с мыслями. Вернее, пытался как-то упорядочить хаотично и бессмысленно скачущие мысли. Нужно как-то разобраться... Как-то разобраться — где я, кто я и что вообще, мать его, происходит?!

— Послушайте, — обратился я к соседу по палате, который завалился на койку с книжкой. — Подскажите, пожалуйста, какое сегодня число?

— Девятнадцатое апреля, — охотно отозвался сосед. — Девятнадцатое апреля, года одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого, — торжественно уточнил он.

Восемьдесят седьмого? Интересно, у кого здесь проблемы с головой? У меня или у этого мужика?

Я хотел было возмутиться, попенять на дурацкую шутку и сказать, что с больным человеком шутить некрасиво. Но... почему-то не стал возмущаться. А тут ещё...

«Песня, которой мы открываем передачу, была написана давно. Тридцать лет назад. Впервые она зазвучала на международном фестивале молодежи и студентов в Москве...» — сказал женский голос из радиоприемника.

Я наострил уши. Вот сейчас может быть... Тридцать лет назад — это девяносто второй год. Тальков. Аллегрова. Миша Шуфутинский. «Ласковый май» и всякая мальчуково-девочковая хреновина. Вот, «Мираж» ещё! Или он чуть раньше?.. Я не большой специалист по музыке начала девяностых и вообще — к меломанам себя причислить не могу, но... Что «но» я додумать не успел, потому что из радиоприемника раздалось вот это:

«Если бы парни всей земли
Вместе собраться однажды могли,
Вот было б весело в компании такой
И до грядущего подать рукой»

Ага. Вот в девяносто втором как раз пели про парней всей земли в одной веселой компании! Я шепотом выругался, бессильно откинулся на постели и закрыл глаза. Похоже, я действительно в чужом времени. В чужом теле. Я понятия не имею — как меня зовут и вообще — кто я. Я не знаю, кто мои родители. Я не знаю своих друзей. Я не знаю ничего. Кроме того, что на дворе тысяча девятьсот восемьдесят седьмой.

«Почему я, Господи?!» — взмолился я мысленно.

«Парни, парни, это в наших силах
Землю от пожара уберечь.
Мы за мир, за дружбу,
За улыбки милых,

За сердечность встреч» — пел из приемника Марк Бернес. Я вздрогнул. Мир уберечь от пожара? Мне? Простому сисадмину? Господи Боже мой! Я не спецназовец-агент всесильной разведки. Не ученый. Не профессор. Не супермен. Кого и как я могу спасти?! Я разозлился. Хотелось орать, ругаться и требовать, чтобы вернули всё как было.

Стоп, стоп, сказал я себе. Стадию отрицания я уже проскочил. Ну, почти... На самом деле, я всё ещё не на сто процентов уверен, что происходящее со мною происходит на самом деле. В стадии гнева я нахожусь прямо сейчас. Толку никакого, только сердце колотится как сумасшедшее, да голова начинает болеть. Какая там следующая стадия? Торг? Ну хорошо, пусть будет торг.

Я сюда попал каким-то совершенно непостижимым образом. Значит, есть возможность и вернуться обратно. Должна быть. Как в фильмах о «петле времени». Нужно сделать чего-то. Пройти какие-то миссии. И тогда вернешься обратно. Только один вопрос. Чего делать-то? Меня инструкцией никто не снабдил. Меня снабдили черепно-мозговой травмой. Хвала всем богам, что, судя по всему, не слишком серьезной...

В общем, мои мысли опять начали путаться, перескакивать с пятого на десятое, и я почувствовал непреодолимое желание спать. Вот и прекрасно, подумал я перед тем, как отключиться. Может быть, проснусь, и всё вернётся на свои места. Всё же, надежда умирает последней! На этой оптимистической ноте меня сморило окончательно.

Проснулся я все там же, на больничной койке. Вернее, меня нагло разбудили. Обход. Пресвятая медицинская троица — уже знакомый мне усатый врач, женщина средних лет и средней же комплекции и сухонький щуплый очень пожилой мужчина восточной внешности. Пожилой мужчина оказался заведующим неврологического отделения, он-то всей музыкой и заправлял.

Меня осмотрели, проверили реакции на раздражители и опросили самым подробным образом. Я честно рассказывал о своём самочувствии, которое было, нужно сказать, вполне приличным. Если не считать слабости и сонливости. Впрочем, слабость и сонливость я приписывал не сколько травме, сколько стрессу, связанному с моим перемещением в это место и время.

— Мама ваша звонила, Алексей — вкрадчиво сказал заведующий. — Скоро приедет, вместе с вашим отцом. Очень беспокоилась. Хотела дежурить у вашей кровати, когда вы без сознания были, но мы отговорили.

Я развел руками — вот такие они, эти мамы, беспокойный народ!

— Ну, выздоравливайте, Алексей, — чинно попрощался заведующий и перешёл к моему соседу по палате.

Очень хорошо. По крайней мере, две новости. Первая — я узнал, как меня зовут. Алексей. Ну, хотя бы что-то. Будем надеяться, что фамилия и отчество приложится позже. И второе — визит родителей. Всё же хорошо, что я головой стукнулся, а не чем-нибудь другим. Как вести себя с родителями, которых я в глаза никогда не видел — я не имел ни малейшего представления. В случае чего, все странности можно будет списать на травму. С травмированного подростка что возьмёшь? С травмированного спрос маленький! И вообще, у меня переходный возраст, гормональная перестройка организма, эмоциональные качели и всё такое. Так что, подростку полагается быть странным. Это его нормальное состояние. Решив для себя этот вопрос, я слегка приободрился.

А теперь... а теперь нужно подумать о времени, в которое я попал.

Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. Я не очень хорошо знал историю этого периода. Но и не скажу, что не знал вовсе. Кое-чего знал. Значит...

Горбачев и Раиса Максимовна. Перестройка. Сухой закон (восемьдесят седьмой, кажется уже пошел на спад). Очереди и дефицит. Но холодильники у всех полные! Чернобыль уже бахнул. Чикатило ещё не поймали. Первые кооперативы — совсем скоро, и первые «бригады». Ах, да... молодежные банды устраивают побоища «делят асфальт», я про это смотрел кино, как раз про это время... для меня в этом возрасте — важный вопрос, нужно будет всё хорошо разузнать. Чего там ещё? Мы в Афгане, но скоро уйдём. И из Германии тоже. И вообще — отовсюду, но это позже... Ещё... В моде всё паранормальное и эзотерическое. Кашипровский, Чумак, Глобы — это чуть позже, но уже вот-вот. Ещё Юрий Лонго, НЛО и полтергейст. Барабашки, да. Ещё огромный спрос на импорт. Кино, жратва, шмотки, музыка. «Модерн толкинг». Братец Луи. Абба. Майкл Джексон.

Как странно, подумал я. Весь народ претя от импортного и потустороннего. И похоже, что эти понятия в сознании народа перемешались. Импортное народ воспринимает как потустороннее? Или потустороннее как импортное? Нужно будет подумать на досуге.

Ага... Значит, ещё... Сахаров. Собчак. Ельцин, конечно же. Сейчас он в свердловском

обкоме, кажется? Или депутат? Черт, нужно было историей больше интересоваться!

Ещё скоро будут съезды, вся страна прильнёт к телевизорам в ожидании исторических решений. И она их получит. Ещё — межнациональные конфликты. Нагорный Карабах, да. Вот уже совсем скоро. Армяне против азербайджанцев. Ещё Средняя Азия — Фергана, Ош. но это позже. Землетрясение в Армении это же восемьдесят восьмой? Или восемьдесят девятый? Плохо быть двоечником...

А что у нас за рубежом?.. Так... «Звездные войны» уже сняты. «Скорпионс» уже поёт и «Айрон Мэйден» тоже. В США Рейган. Ещё? СОИ, которая вроде бы фейк. Холодная война практически закончилась. Тэтчер в Англии. В Германии... А хрен его знает, кто там сейчас в Германии, вообще — их в настоящее время две штуки, этих Германий. Эрих Хонеккер! Черт его знает, откуда всплыло это имя, но кажется он был правителем ФРГ. А в ГДР? Не помню! Устал и вообще — у меня травма черепно-мозговая. И сильный психологический стресс, развившийся в последствии моего сюда попадания! Разберусь. Схожу в библиотеку, почитаю подшивку газеты «Труд» и местную прессу почитаю обязательно. Нужно узнать, чем народ дышит.

Но вообще — положение мое незавидное. Я знаю о многих будущих катастрофах и кризисах. И чего мне делать теперь с этим знанием? Писать докладную записку в кровавый КейДжиБи? Так и так, товарищ майор, довожу до вашего сведения, в следующем году в Армении землетрясение будет серьезное, с жертвами и разрушениями. Но это не точно, может оно через год, может я перепутал. А потом начнутся волнения в республиках, а в 91-м, товарищ майор, всё нае... в смысле — накроется медным тазом. Аккурат в августе месяце, в двадцатых числах! В лучшем случае, эту херню никто не прочитает. В худшем — прочитают, обратят внимание и отправят подлечить травмированную голову.

Во время обхода меня, к слову, посетила безумная мысль — открыться врачам, рассказать им о том, что я прямиком из будущего прибыл, делайте со мной что хотите! Но хватило ума сдержаться. Мысленно я похвалил себя за сдержанность. Вот врачи бы меня услышали и отнеслись бы со всей серьезностью — уехал бы на дурку, только в путь!

Ладно, решил я. Не буду заморачиваться сильно. Буду решать проблемы по мере их поступления.

А пока я разговорился с соседом по палате. Оказалось, что зовут его Николай Петрович («Можно просто дядя Коля»), занимает он ответственную должность в облисполкоме, а сюда попал по причине сотрясения мозга, которое благополучно вылечили («Врачи здесь отменные и кормят на убой!») и теперь Николай Петрович собирается на выписку («Летом в санаторий поеду. В Сочи!»)

Николай Петрович, оказывается, неплохо знает моего отца, который — о чудо! — занимает довольно влиятельный пост второго секретаря горкома партии.

— Деловой человек! — сказал он, внушительно подняв указательный палец. — Светлая голова! Партиец высшей пробы, настоящий! Кристалл! Сейчас таких мало!

— Давно знакомы? — спросил я, пытаюсь выведать об отце хоть что-нибудь.

— Ну как знакомы... — замялся Николай Петрович, — по делу пересекались... А насчёт личного знакомства — так где я, а где второй секретарь горкома...

Йес! Значит моего отца зовут Владимир Иванович. А я, соответственно, Алексей Владимирович. Отлично. Ещё бы фамилию как-то выудить.

— А дома-то, — Николай Петрович заговорщицки понизил голос, — дома-то отец, наверное, суров? Строжит?

— Строг, но справедлив, — устало ответил я.

— Он со всеми так! — торжественно объявил Николай Петрович. — Товарищ Петров — он такой, его народ знает! Если с критикой, то всегда по делу! Нет такого, чтобы загнობить человека или там из личных антипатий...

Вот и фамилия, отметил я.

Значит, зовут меня Петров Алексей Владимирович. Главное не забыть! Тут мне почему-то вспомнилась книга Марка Твена о похождениях Гекльберри Финна. Прохиндей Гек Финн часто назывался чужим именем, попадая порой из-за этого в смешные ситуации. Теперь это для меня вполне актуально.

Ситуация потихоньку проясняется. Кто я — более-менее понятно. Когда я — тоже понятно, хоть и поверить в это... сложновато, скажем так. Остается открытым вопрос — где я? Предположим, что меня не занесло на другой конец страны и я всё также нахожусь в родном городе. По крайней мере, у нас (в моём времени и городе) тоже существует улица Льва Толстого и больница на ней...

Мои стройные рассуждения были нагло прерваны. Дверь распахнулась и в палату вошла (впрочем, скорее вбежала) женщина — раскрасневшаяся и запыхавшаяся.

— Алёшенька! — вскричала женщина и на всех парах полетела ко мне.

Я, конечно, напрягся. Судя по всему, родительница очень рада была меня видеть. Что неудивительно. Единственный сын (чёрт, я не в курсе дела — единственный ли я...) попал в такой серьёзный переплёт. Новоиспеченной маменьке моей было хорошо за сорок (скорее даже около пятидесяти), была она женщиной весьма крупной, но в то же время — подвижной, косметикой пользовалась неумеренно, а что касается прически, то определенно маменька имела склонность к химическим завивкам. Одетая маменька была в строгий деловой костюм, на лацкане которого вызывающе красовалась — черт знает зачем! — какая-то совершенно безумная брошь, увидев которую Сваровски наверняка помер бы, но не от восторга, а от ужаса.

Была моя маменька женщиной шумной, несколько взбалмошной, любила на ровном месте закатить сцену, но при этом отходчивой и, не побоюсь этого слова, доброй. Все эти обстоятельства я выяснил, конечно, спустя некоторое время.

А сейчас родительница обнимала и ощупывала меня.

— Ох, сынок! Мы чуть с ума не сошли! У меня давление скачет, у отца язва обострилась! Что же ты с нами делаешь, сынок!

— Всё в порядке, — я попытался успокоить разгулявшееся материнское чувство. Но тщетно. Было много слёз, объятий и упреков. В общем-то, нормальная мама, подумал я. Но мама оказалась передовым отрядом, основные силы, в лице папеньки и уже знакомого мне заведующего отделением, подтянулись чуть позже.

— Вот, Владимир Иванович, — презентовал меня собственному отцу заведующий отделением, — извольте видеть! Молодой человек вполне неплохо себя чувствует, проснулся, покушал, прошёл необходимые процедуры и... Антонина Степановна! Я вас прошу! Молодому человеку строго воспрещается любое волнение и беспокойство. А вы плачете! Может быть, накапать вам волокордину?

Я обрадовался. Спасибо тебе, добрый человек, заведующий отделением! Одним махом избавил меня от объятий, упреков и слез, а кроме того — назвал имя этой шумной женщины с химической завивкой. Мне, как сыну, знать имя-отчество собственной матери просто жизненно необходимо! Значит, маменька моя — Антонина Степановна, а папенька —

Владимир Иванович. Как же замечательно! Мир начинает проясняться и играть новыми красками! Теперь — главное не забыть эту жизненно важную информацию!

— Не нужно волокордину, — объявила маменька голосом человека, который долго, много и незаслуженно страдал и готов страдать ещё. — Мы с супругом очень вам благодарны, Борис Михайлович! Если бы не вы... — маменька всхлипнула, а Борис Михайлович — заведующий отделением — склонил голову в знак глубочайшей признательности.

— Да, товарищ Лейнер, — сказал отец голосом официального докладчика. — Я присоединяюсь к словам жены. За сына вам благодарность. И вообще, — отец сделал неопределенный жест рукой, — отделение у вас, я вижу, в полном порядке. Об-раз-цо-во-е! — Отец назидательно поднял палец. — Спасибо вам, товарищ Лейнер.

Во время этой хвалебной речи, товарищ Лейнер с самым кротким видом кивал, полностью соглашаясь с оратором, мол, что есть, то есть, всё полностью заслужено.

— Можно сказать, отделался легким испугом, — сказал врач с некоторым удивлением. — Мы тут совещались... Даже сотрясения мозга диагностировать не можем. Можем диагностировать аномально долгую потерю сознания, по всей видимости — результат шока. Но ни сотрясения, ни ушиба головного мозга не установлено. Несколько синяков, ссадин — пустяки, до свадьбы заживет. В целом — повезло. Мы, конечно, проколем витамины и все, что полагается, понаблюдаем еще, но мое мнение — все с парнем хорошо.

Родители сосредоточенно слушали.

— Ты-то, Алексей, как себя чувствуешь? — обратился наконец папенька и ко мне. Лучше поздно, чем никогда, обиженно подумал я. Но вслух сказал:

— Всё нормально. Ничего не болит, спать только хочется. И слабость, ещё...

— Слабость, — повернулся папенька к Борису Михайловичу. — Слыхали, товарищ Лейнер? Эх, молодежь, молодежь... перебегают улицу где попало, попадают под автомобили, всё торопятся, спешат. Стукнул-то его пенсионер, инвалид войны, диабетик. Сейчас тоже в больнице с обострением. Я уж сказал т а м, чтобы с него не слишком спрашивали. Сам виноват, оболтус! Ты куда спешил-то, Алексей?

Вот. Начинается. Откуда ж я знаю, добрый папенька, куда я спешил?! Тут нужно осторожнее...

— Не помню, — сказал я. — Что перед этим было — все как в тумане...

Папенька вздохнул и посмотрел на меня с печалью.

— Вот она, молодежь наша, товарищ Лейнер! В тумане! Сплошной туман в голове, — с грустью в голосе сказал мой папенька, неодобрительно покачивая головой. — А вот у нас в их годы — полная ясность была! И понимание текущих задач! — Маменька тяжело вздохнула и всхлипнула.

Не очень-то приятно, признаюсь, получать выговоры и нравоучения от людей, которых первый раз в жизни видишь.

— Ну что вы, Владимир Иванович, — примирительно сказал заведующий, — молодозелено, как говорится. А парень держится молодцом! Да уже и на поправку идёт... Анализы новые мы взяли, послезавтра будут готовы, но я уверен, что всё у него в порядке.

— Ладно, — сменил папенька гнев на милость, — ты, Алексей, поправляйся, мы тебя ждём. Да и в школу пора, нечего по больницам валяться, выпускные экзамены на носу!

— Постараюсь! — заявил я со всей возможной ответственностью в голосе.

— Стараться не нужно, нужно брать и делать, — поправил меня папенька. — До

свидания, Алексей! Всего доброго, товарищ Лейнер. Всего доброго, товарищ, — Последнее было в адрес моего соседа по палате, который вскочил с койки с проворством вполне здорового человека и почтительно откланялся моему родителю.

— Мы, кажется, встречались? — узнал моего соседа папенька. — Вы, товарищ, где работаете?

— Облисполком, — пискнул мой сосед.

— Угу, — сказал папенька, царственно кивнул головой и удалился вместе с заведующим.

Маменька же задержалась ненадолго для того, чтобы одарить меня прощальной дозой объятий. Впрочем, не объятиями едиными, кроме прочего маменька вручила мне тяжеленный, пахнувший цитрусовыми полиэтиленовый пакет и пообещала прийти завтра.

Некоторое время понадобилось мне на то, чтобы перевести дух. Не каждый день знакомишься с собственными родителями. Впечатление они на меня произвели скорее хорошее. Отец — классический «большой начальник» — серый костюм, дымчатые очки, строгий галстук. Возраста он был неопределяемого, как это часто с «большими начальниками» случается — ему можно было дать и сорок пять, и пятьдесят, и даже больше. В общении отец показался мне человеком суховатым и слегка занудным. Впрочем, это тоже можно списать на профессиональные деформации. А в целом — люди как люди эти мои новоявленные «мама с папой».

Когда родители ушли, я, немного оправившись от визита, исследовал содержимое оставленного маменькой пакета. В нём оказались яблоки, апельсины, плитка шоколада и завернутые в бумагу бутерброды с копченой колбасой. Очень приятно, но аппетита особого не было. Из духовной пищи имелась книга Александра Дюма «Три мушкетера». Прекрасно. Терпеть не могу Дюма. И копченую колбасу тоже. Разложив родительские дары по ящикам тумбочки, я задумался.

А так ли ужасно, что я попал в это время? Конечно, время не самое спокойное и комфортное, но с другой стороны — а когда оно было спокойным? Что у меня было такого прекрасного в моём времени? Кредит за ноутбук? Сто двенадцать друзей Вконтакте? Престижная должность сисадмина в фирме, которая со дня на день загнется? Так ли плох второй шанс в другом теле и другом времени? Как знать, может быть это реально второй шанс для такого не слишком успешного, прямо скажем, человека, как я... А раз этот второй шанс предоставился, то грех им не воспользоваться.

К слову, интересно, если я здесь, то что тогда происходит с моим телом, которое осталось в двадцать первом веке? Алеша Петров теперь там вместо меня? То-то у паренька шок должен быть! Ох, Леха, братан, не завидую тебе, честное слово! Честное, так сказать, комсомольское — ведь я же наверняка комсомолец! Подумав об этом, я тяжело вздохнул. Я абсолютно не представлял, к чему меня обязывает почетное членство в рядах ВЛКСМ...

Три дня на больничных хлебах пролетели быстро. Меня кололи какой-то дрянью, дважды в день измеряли давление и температуру, кормили больничными разносолами — не очень вкусно, но очень сытно. Чувствовал себя я вполне нормально — вставал, гулял по серому больничному коридору, общался с Николаем Петровичем — моим соседом по палате, читал Дюма, будь он неладен. В общем, выздоравливал по полной программе.

Выздоровливая, я слегка привык к жизни в новом теле. К слову, тело это хоть и молодое, но совершенно неспортивное. Алеша Петров определенно недолго любил физкультуру и не заморачивался походами в качалку. Впрочем, качалки в то время были местами... как бы это сказать... довольно специфическими. А Алешенька Петров — мажор из хорошей семьи. Но мы это поправим, думал я злорадно. Придётся внезапно полюбить спорт! Одно из упущений моей юности это как раз то, что спортом я не занимался от слова совсем. Потом пришлось наверстывать. Ничего, наверстал. Чувствовал себя вполне комфортно. Вот и здесь наверстаю.

В целом я вполне освоился, но были и «но». И одно из главных «но» это отсутствие, блин, интернета! Пусть у них здесь самый вкусный пломбир (нужно будет попробовать, когда выйду на свободу), но нет ютюба. Гугла. Нет электронных библиотек. Стрима. Нет «Танков»! А порнуха — только за большие деньги, подпольно, с риском присесть лет на несколько. И это, мать его, грустно. Впрочем, деваться некуда. Привыкну.

И я привыкал. Валялся на койке. Слушал радио и болтал о том о сём с Николаем Петровичем, которого переименовал в дядю Колю. Кушал копченую колбасу. Каждый день во время, положенное для посещений, ко мне приезжала маменька. С апельсинами и бутербродами. Папенька более своим вниманием больничные стены не почтил — наверное был занят. Перестраивался и ускорялся. К слову, о текущей политической обстановке я много и со вкусом говорил с Николаем Петровичем. Тот оказался мужиком ушлым, зрил в корень, считал молодого (относительно молодого, конечно) генсека Михаила Сергеевича, трепачом и подкаблучником, и ждал надвигающийся писец.

— Разбегутся все, — отчаянным полупшепотом откровенничал дядя Коля, отхлебнув чего-то остро пахнувшего из фляги, которую он прятал в недрах своей вместительной тумбочки и содержимое которой обновлял с каждым приходом сослуживцев. — Все разбегутся, дружище! И Кавказ, и Прибалтика! И Средняя Азия! Если сейчас не прикрутит гайки, то... Только всё между нами... — Я кивал и показывал, что мой рот на замке.

— Реформы эти ещё... — сетовал дядя Коля. — Ведь всё растянут! У нас на стройках сколько материалов уходит, — дядя Коля дергал головой куда-то налево. Впрочем, он быстро остывал:

— Нам-то что!.. Мы уже пожилые... Вы — молодежь! Вам жить! Вам виднее, как онс лучше. Вот моя дочка всё видик клянчит! Я говорю — дурында, давай лучше в кооператив вступим, с квартирой будешь к концу института, на кой черт тебе этот видик? Нет, говорит, квартиру и от государства можно получить, квартира у любого дурака есть, а вот видиков во всем городе — шпук двадцать! Вынь ей да положи! Кино смотреть американское... Магнитофон ей купили — «Соню». Музыку крутит. Я разок послушал — вопли да завывания, или гремит чего-то, будто металлолом сгружают. Оно может быть и хорошая музыка, но мне не понять. Мы в молодости про Щорса пели. Про Буденного. Ну а во дворе,

когда под гитару, сам понимаешь, — дядя Коля подмигивал, — «Мурку» или там «Ванинский порт»... Отсидевших у нас много было. Оно глупость, конечно, но по крайней мере, все ясно, как божий день. А сейчас — соберутся, включат эту шарманку и прыгают так, что соседка снизу — Анна Петровна — прибегает и сцены устраивает, мол, империалистическая музыка в семье ответственного работника на всю катушку. Начальству, говорит, напишу. Уж если видик появится, то я и не знаю... А покупать нужно.

— Может обойдется дочка без видика, дядя Коля? — интересовался я, сдерживая улыбку.

— Нет, — грустно мотал головой мой сосед, — дочка бы еще ладно. Супруга — туда же! Нужно, говорит, прислушиваться к современности и не быть дикарем. А когда-то ударницей была, в литейном цеху работала! Потом выдвинули ее по профсоюзной линии — в местком.

— И никак не могут задвинуть назад? — ехидно поинтересовался я.

— Во-во! — утвердительно мотнул головой дядя Коля. — Аристократия, мать-перемать! У меня жигуль — «пятерка», квартира — «трешка», на Ленина, сам понимаешь! Санузел — раздельно! Мебель из карельской берёзы. Дача с крыжовником! В Чехословакию три раза ездила и в Болгарию раз. Сочи и Дагомыс мы и не считаем за отдых. Дубленка висит. Шапка норковая и лисья. Живи да радуйся. Нет! Мало.

— Растут потребности, — согласно кивнул я.

— Да не то слово. Мне вот интересно — что они после видика придумают?! Вот специально куплю, чтобы узнать!

Примерно в таких беседах я проводил свои больничные дни, которые тянулись вяло и уныло, как и полагается больничным дням. Впрочем, их было не так уж и много. Заведующий отделением товарищ Лейнер не обманул — три дня я пролежал в больнице, а на четвертый за мной заявила маменька.

Маменька имела радостный вид — еще бы, единственный и любимый сын выписывается после серьезной травмы! Кроме объятий она одарила меня гражданской одеждой. Я получил штаны с горизонтальной надписью «SPORT», спортивную курточку и легкий свитерок неброского серого цвета. Но вишенкой на торте стали кроссовки. «Адидас»! Синенькие, с тремя чудесными белыми полосками! Фирма — с ударением на последнем слоге! Похоже, что парень я продвинутый. Такие кроссовки в то время — это как... это как в моем времени последний айфон. Не меньше. В общем, красиво жить не запретишь.

С некоторым внутренним содроганием я выходил на улицу вместе с маменькой. Одно дело — в больнице, где из контактов только сосед по палате, врачи да медсестры. И совсем другое — улица. Хоть и в моем родном городе, но отстоящая от моего времени на тридцать с лишним лет. В мире, который совершенно отличается от моего. В мире, который я застал в раннем детстве, о котором мало знаю и почти ничего не помню. По сути дела, для меня восемьдесят седьмой год был другой планетой. Да, мне было не по себе.

Вопреки ожиданиям, ждала нас вовсе не номенклатурная черная «Волга», но «Волга» бежевая — обычное такси. Маменька взгромоздилась на переднее сиденье, рядом с таксистом, я расположился сзади... И мы поехали!

Ехать от больницы до дома было недолго — минут десять, не более того. Но сколько впечатлений получил я за эти десять минут! Маменька болтала без умолку, я чего-то отвечал — рассеяно и односложно, а сам во все глаза смотрел в окно. Да, это было в высшей степени странное ощущение. Мой город. Но в то же время — совершенно другой. Без рекламы. Без торговых павильонов на остановках и бесчисленных магазинчиков, что разместились на

первых этажах чуть ли ни всех домов центра города. Без убогих маршруток, которым давно пора на свалку. Без парковок, заполонивших каждый свободный клочок городского пространства. Вообще, без немислимого потока машин на дорогах под этот поток не предназначенных. Зато — куча зелени. Газоны на разделительной полосе. Цветочные клумбы у домов. Мы проехали фонтан на Лебедева-Кумача. В моё время на его месте построили парковку. Желтая бочка с квасом, черт побери, одно из воспоминаний детства промелькнуло перед глазами. Мы проехали здание издательства — люди читают газеты за стеклом на стендах. Машин сравнительно немного, на тротуарах полно пешеходов. Лавочки у городского универмага битком забиты пенсионерами — играют в шахматы, читают, общаются. Молодежь тоже видно — вот, у кинотеатра тусит компания человек десять, чего-то бренчат на гитаре, веселятся. У всех растрепанные прически, из шмоток — линялые джинсы, кеды, простенькие куртки... что-то очень легкое и беззаботное было в этих городских видах, но в то же время... Вот очередь в киоск «Союзпечати» — небольшая, но, похоже, постоянная. Вот очередь у ликеро-водочного — очень разномастная — строгие домохозяйки с авоськами, угрюмые мужики неопределяемого возраста, какие-то неформалы в драных куртках и с металлическими браслетами... Очередь на улице у гастронома — что-то продают с машины, похоже, что только недавно подъехали, народу еще мало, но он постоянно прибывает, очередь растёт прямо на глазах.

Восемьдесят седьмой, думаю я рассеянно. Вся страна в очереди. Деньги есть, а с товарами не так чтобы все прекрасно. Ладно, разберемся. Мне теперь здесь жить. На другой планете, по сути дела. Во все нужно будет вникать и со всем разбираться. Было немного страшно и волнительно.

И вот, мы приехали. Таксист свернул во двор двенадцатиэтажки по улице Ленина и остановился. Довольно приличный двор. Спортивная площадка, совсем новенькая — брусья, кольца, турники, шведская стенка. Это хорошо, это пригодится. Клумбы и газоны. Тополя, совсем молоденькие, черт бы их драл, терпеть не могу тополя! Несколько гаражей. И — совершенно дикое для человека моего времени — ни одной машины в пределах видимости. Никто не паркуется на проходе, на клумбах и газонах! Немисливо! В глубине двора — беседка, и там, кажется, идет какая-то жизнь, детвора тусит. Вообще, в воздухе пахнет весной и свободой. А у подъезда, как полагается, на лавочке заседают бабушки — одна с вязанием, одна с газетой, а две просто болтают. Местная социальная сеть. Увидев нас с маменькой, они моментально переключаются.

— Здравствуйте, Антонина Степановна! Как ваши дела? Всё в порядке?

— Добрый день! — говорит маменька дружелюбно. Я тоже здороваюсь. — Вот, только из больницы, — маменька кивает на меня. — Такое счастье, что всё обошлось! Мы с мужем так извелись...

Бабушки слушают. Впитывают информацию с профессиональной доброжелательностью. Кивают сочувственно. Я неодобрительно смотрю на маменьку. Это что, всё время такой обмен инфой?! Нет, мне это не нравится и категорически не подходит. В конец-концов, маменька выгружает всю необходимую инфу, что занимает у нее примерно две минуты. Бабушки удовлетворены. Новая тема для обсуждений получена.

— Выздоровливайте! — важно говорит старейшая на вид бабушка. — Поправляйтесь! — вторят ей товарки. Чего это во множественном числе, думаю я с возмущением. Вообще-то я один здесь болею! Но я молчу и пытаюсь изобразить вежливый поклон.

— Спасибо, — говорит маменька, — ну, мы пойдём, всего доброго!

— Всего доброго, — говорю я, врубая внутреннего дипломата на максимальный уровень.

— Ох, у меня тоже давление так скачет сегодня, — говорит одна из бабушек и в голосе ее скорбь, требующая немедленного сочувствия. Продолжения этого интересного разговора мы не слышим — заходим в подъезд. Подъезд удивляет меня необычайной чистотой. Все лампочки на месте, на окне два цветка — вот оно, скромное обаяние советской номенклатуры. Никаких излишеств, никакой роскоши, но очень прилично.

Квартира наша на пятом этаже — четыре отдельных комнаты, паркетные полы, две лоджии, телефон на тумбочке в коридоре, ковры на стенах и полах, «стенка» с сервизами, книжный шкаф и многочисленные книжные полки, люстры, хрустальные или подделка под хрусталь — черт его знает! Вообще, всё было довольно прилично, но как-то... по казенному, что ли. Немного походило на хорошо обжитый гостиничный номер. Я передвигался по квартире, как шпион. Осматривал, исследовал и пытался запомнить все, что мог. Блин, я не суперагент и к глубокому внедрению в простую советскую семью меня не готовили! Бегло осмотрел отцов кабинет — письменный стол у окна с россыпью бумаг и каких-то брошюр, над столом — портрет Ленина, все в книгах и газетах, на тумбочке телевизор, на окне радиоприемник. В комнате маменьки — терпкий запах каких-то духов, стопка глянцевого журналов на столике, целая цветочная оранжерея на окнах... Зал совершенно безликий — мебельный гарнитур с сервизами, два кресла, диван, столик...

Моя маменька, нужно отдать ей должное, довольно быстро просекла, что со мною что-то не так.

— У тебя голова не болит, Алёшенька?! — спросила она обеспокоенно.

— Нет, — ответил я, стараясь говорить как можно бодрее. — Устал немного.

— Отдыхай! А я пока на кухню — приготовлю... — маменька сделала неопределенный жест рукой. — Иди в свою комнату.

Вот. У меня есть своя комната. Это хорошо. Я и впрямь, натуральный мажор. Я поспешил последовать маменькиному совету и отправился отдыхать. Впрочем, очень скоро мне оказалось не до отдыха.

Свою комнату я исследовал с особой тщательностью. Могу сказать, что комната была — ничего себе. Жить можно. Просторная, светлая, с лоджией, удобной кроватью и письменным столом. Вид учебника по химии за десятый класс слегка испортил мне настроение. А вид учебника по алгебре — еще больше. Из химии я не помню ничего вообще. Из алгебры — почти ничего. А десятый класс — выпускной. И экзамены на носу. И что с этим делать — совершенно непонятно. А ведь после десятого класса полагается куда-то поступать учиться. И, раз уж я весь такой мальчик из хорошей семьи, то поступать не в ПТУ или какой-нибудь ветеринарный техникум, а в институт. На престижный факультет. Где вступительные экзамены, конкурс из отличников и медалистов, приемная комиссия из хищных зверей и всё такое.

Впрочем, есть и хорошие новости. Я — счастливый обладатель японского магнитофона «Шарп». Двухкассетного, конечно. И целой россыпи кассет. Большею частью — МК-60, но есть и с десятков «Сони» и «Басф». Круто! Что же слушает модный парень Алёша Петров спросил я себя, и принялся изучать вкладки с подписями. Алёша Петров оказался довольно всеядным любителем западной эстрады. Тут тебе и «Модерн Токинг» с классическим в мое время и гипермодным сейчас братцем Луи, тут и «Куин», и «Европа», и «Депеш Мод», и Майкл Джексон. Неплохо, хоть и слишком разнородно. Чёрт, а ведь эти кассеты — это

буквально вся музыка, которая находится в моем распоряжении. А музыку я люблю. И как теперь жить? Без ФМ-станций, без гигабайтов музла из интернета, без музыкальных каналов... Ладно, разберемся.

Я принялся за изучение книжной полки. Тоже ничего особо выдающегося. Совершенно нормальное подростковое чтиво — Жюль Верн, Дюма, Сименон, Гарднер, Буссенар. Еще нашлись Саймак, Шекли и Конан-Дойл. Несколько книг Берроуза о приключениях Тарзана. Тоже неплохо. Но вот я, например, люблю фэнтези. Чтобы драконы и рыцари, гномы и эльфы. Толкиена, вроде бы, издали? Или еще нет? А Железны? Андре Нортон? «Война престолов» вообще еще не написана! Как, всё же, тяжело жить не в своей эпохе, подумал я. Большинство вещей, к которым ты привык, от смарт-часов до «Игры престолов» еще не существуют. Что же мне, самому их, что ли, изобретать?

Впрочем, это все пустяки. Значит, есть молодой человек по имени Алёша Петров. Он любит детективы и фантастику и, скорее всего, не любит химию и всякую геометрию. Что еще? Алёша Петров в том прекрасном возрасте, когда гормоны зашкаливают, начинается бунт, а организм требует самостоятельности и независимости. И еще — у Алёши Петрова есть своя комната. Какой из этого всего мы можем сделать вывод, задал я себе вопрос, покосившись на томик Конан Дойля. А вывод мы можем сделать следующий — где-то здесь, в недрах собственной комнаты, у Алёши Петрова есть нычка. Тайник. Любому, нахрен, подростку полагается иметь тайник! С вещами жизненно необходимыми, но такими, о существовании которых родителям лучше не знать. Тайник обязан быть, а я — обязан его найти. Сделав этот замечательный вывод, я приступил к поискам.

Искал я долго и упорно, стараясь по возможности не шуметь и не привлекать внимания маменьки. Черт, я слишком давно был подростком. Совершенно забыл, где они прячут запретное. Пришлось делать тотальный обыск. В общем, журнал «PLAY BOY» я нашел в ящике, под кучей детских пластинок. Довольно затертая колода карт с обнаженными девицами хранилась в зимнем сапоге. В томике Гарднера нашелся черный конверт, а в нем — фото обнаженных дам, Брюса Ли и группы «Айрон Мейден», черно-белые и довольно паршивого качества, явная кустарщина. Но это все пустяки. Главное оказалось в прекрасной книге Вениамина Каверина «Два капитана». Простой почтовый конверт. Без марок и подписей. А в нем... Хрустящие советские деньги. Шестьсот восемьдесят пять рублей. И еще — двадцать долларов одной купюрой. Брюс Ли и «Айрон Мейден» еще куда ни шло. Тлетворное влияние Запада, конечно, предосудительно, но не ужасно. С каждым может случиться. От прослушивания «Братца Луи» тоже никто не застрахован — музыка, конечно, чуждая, но молодо-зелено, что возьмешь... А вот порнуха (хотя это эротика же, но кто там будет разбираться!), да еще и иностранная валюта... Это, знаете ли, статья уголовного кодекса. И срок заключения. Да еще и приличная сумма советских рублей. У простого (ну ладно, пусть не очень простого) одиннадцатиклассника — откуда дровишки? Нужно еще здесь покопаться. Может у Алёши Петрова здесь где-то «Стечкин» заныкан, а в свободное от уроков время он с корешами выносит сберкассы или грабит подпольных советских миллионеров — нарождающийся класс буржуазии?

— Алёша-а! — раздался призывный голос маменьки. — Алёша-а-а!! Обедать!

Я пошел на зов, тем более, что есть действительно хотелось. На кухне была раскрасневшаяся маменька и приятно сервированный стол, на котором издавала убойные запахи тарелка супа, кажется, харчо. Я опустошил тарелку почти моментально и получил на второе порцию макарон с очень приличной котлетой. Все это было прекрасно, насытившись, я поблагодарил маменьку от всей души.

— На здоровье, сынок! — расплылась в улыбке маменька и поставила передо мною громадную чашку кофе. Без молока. Конечно, есть люди, которые пьют кофе без молока, и делают это с удовольствием. Это, вероятно, какая-то особая порода людей. Им всё ни по чёму. Они могут пить чай без сахара. Или томатный сок с солью. Вставать в пять утра, обиваться холодной водой, завтракать овсянкой и летать в космос. Лично я к этой породе людей никогда не принадлежал. И я терпеть не могу кофе без молока. Казалось бы — чего проще — попросить молока у любящей и заботливой маменьки? Но! Откуда я нахрен знаю, какой кофе любит Алёша Петров?! Может у него непереносимость лактозы? Или он в принципе ненавидит молоко в любых его проявлениях — от кефира до мороженого? Вот она, несчастная доля человека, попавшего в чужое время. Приходится пить и терпеть. И изображать удовольствие.

— Бразильский! — гордо сказала маменька, и я, упоенный своим страданием, не сразу понял, что речь идет о кофе.

— Класс! — сказал я мрачно.

— Валерий Александрович подарил! — похвалилась маменька и замолчала, погрузившись в какие-то мысли.

Я что-то невразумительно промычал. Видимо, я должен знать, кто такой Валерий

Александрович. Но я, увы, понятия не имею об этом достойном муже. Так что, заострять тему я не стал, мирно допил кофе, поблагодарил маменьку и ретировался в свою комнату — переваривать обед и полученную информацию. Все явно шло к тому, что у меня случится информационное несварение.

Закрывшись, я еще немного пошарился по комнате — больше ничего интересного не нашлось, не считая початой пачки «Мальборо». Ну это уж слишком, подумал я. С курением подвязываем. Спорт и здоровый образ жизни прямо с завтрашнего дня.

Я пересмотрел все шмотки, которые смог найти. В общем, Алёша Петров гардероб имел вполне ничего себе. Три пары джинсов, две джинсовых куртки и джинсовая рубашка. «Левайс» и «Рэнглер». Еще — два официальных костюма-тройки, целую кучу свитеров, три пары кроссовок («Адидас» рулит!), два спортивных костюма — невзрачный отечественный и ярко-синтетическая «Пума», это не считая всяких футболок, сорочек, кедров и прочих мелочей. По-моему, для восьмидесят седьмого года вполне прилично.

В общем, обследовав все, что можно, я прилег отдохнуть с томиком Конан Дойля, который совершенно не лез в голову, а лезло всякое беспокойство — вот завтра-послезавтра выходные, а в понедельник начинается школа. А я даже не знаю — КАКАЯ, нахрен, школа — куда идти и чего там делать?

Отдохнуть мне толком не дали. С работы появился папенька и дернул меня на ковер — в свой кабинет. Об аудиенции торжественно сообщила мне маменька:

— Зайди, Алексей! У отца разговор есть!

Ох как я не люблю эти официальные разговоры. Но деваться некуда — пришлось придавать лицу почтительное выражение и топать на прием.

Папенька встретил меня развалившись в кресле. Перед ним на столе лежала газета «Труд» и пепельница со свежим окурком. Вид у папеньки был, как у человека, который много и хорошо потрудился, а вот теперь — заслуженно отдыхает.

— Садись, Алексей, — папенька указал на кресло. — В ногах правды нет!

Я повиновался.

— Значит... выписались? — спросил папенька, глядя в газету.

— Выписались, — сдержанно подтвердил я.

— А врач что говорит?

Я коротко пересказал прощальную речь Бориса Михайловича, обращенную к нам с маменькой. Она сводилась к тому, что мне нужно по возможности избегать стрессов, придерживаться режима и здорового образа жизни. Лично меня это вполне устраивало, особенно в той части, где было о стрессах.

— А ты сам как себя чувствуешь? — спросил папенька.

— Да вроде бы все в порядке, — ответил я, стараясь оставить в этом вопросе некоторую долю неопределенности, — голова почти не болит. И вообще...

Папенька мрачно покачал головой и надолго задумался. Что-то определенно было не так. Я поднял глаза на Владимира Ильича, который смотрел на меня с портрета. Кажется, Ильич смотрел на меня с некоторым подозрением — наверное, с присущей ему пронизательностью, разглядел в простом советском комсомольце пришельца из иного времени. Из темного царства капитализма.

— А скажи мне, Алексей, — подал вдруг голос папенька после паузы, которая сделала бы честь любому районному драматическому театру. Я вздрогнул от неожиданности. — А скажи мне, Алексей, только честно, даже не как отцу, а как старшему товарищу.. Ведь мы

же товарищи?

Я энергично кивнул, что должно было означать — мы определенно товарищи.

— Вот! — сказал папенька удовлетворенно. — Скажи мне по-товарищески... Мне позвонили из милиции. Николай Николаич. По твоему делу.

По моему делу?! Вот это поворот! Что за дело еще?! Я заерзал на кресле.

— По поводу ДТП.

Ах, по этому делу... Меня же сбил автомобиль «Москвич», я и забыл совсем. Ох, дорогой товарищ папенька, доведете вы меня до инфаркта, подумал я. А мне нервничать нельзя. Строго запретил товарищ заведованием!

— Значит, — продолжил папенька, — тот шофер дает показания. И свидетели дают показания. В общем, получается так, что ты это специально. Под машину. Вот так. — И папенька надолго замолчал, глядя то ли в газету «Труд», то ли просто в стол.

Я тоже притих, слегка ошарашенный. Нормальный расклад. Значит, Алёша Петро решил самовыпилиться. И даже попытался это сделать. И почти преуспел, только не полностью. Малолетний придурок, теперь мне за ним все это прекрасное расхлебывать! Я очень злился на парня, в теле которого очутился. Нельзя же так инфантильно и безответственно! Собрался выпилиться — хоть бы записку оставил. А то, как мне отмазываться теперь, вот в чем вопрос?! Короче говоря, все отрицаю.

— Сам?! — воскликнул я. — Да ничего подобного! Я плохо помню тот момент, как в тумане. Но чтобы сам — да зачем мне?! Да я никогда!

— Вот я и хотел поговорить, Алексей, — сказал папенька задумчиво. — Возраст у тебя сложный, как сейчас говорят. Переходный. Это мы в семнадцать лет и на фронте, и у станка, и в шахте... А вы другие. Может ты рассказать чего хочешь? Поделиться? И вообще — сам понимаешь. Выпускной класс. Определяться нужно. А я — отец, но не знаю, чего ты в жизни хочешь? А, Алексей?

Боги, боги, ну и тоска. Папенька мой порядочный зануда, оказывается. Впрочем, наверное, ответственным работникам так и нужно. Лично я понятия не имею — в какую сторону мне определяться. И кем я хочу быть. Если честно, то я не знал этого даже в той своей жизни. И даже будучи взрослым. А тут предлагают семнадцатилетнему пацану с ветром в голове и «Модерн толкингом» в магнитофоне — определяться. Ага. Вот прям сейчас! Педагоги хреновы! Это все пронеслось у меня в голове, но ничего подобного я конечно не сказал.

— Ну... Еще же время есть, — сказал я смущенно, — я же думаю об этом... А насчет того случая — что я, совсем ненормальный, под машину кидаться? С чего бы?!

Папенька и Владимир Ильич с портрета смотрели на меня с осуждением. Мне явно не хватало революционной решительности. И еще чего-то, не знаю чего.

— А может какая красавица тебе голову вскружила? — заговорщицки понизил голос папенька. — А, Алексей? Ну скажи честно, было? И ты сторяча... — молодежь сейчас нервная, горячая! А?

Все может быть, папенька, дорогой. Только вот проблема — я не в курсе!

— Нет, — покачал я головой со всей возможной решительностью. — Никто мне голову не вскруживал. Во всяком случае, — добавил я, — так, чтобы под машину кидаться. И вообще!

— Ох, хорошо бы, — сказал папенька с явным недоверием, — Ну ладно. Будем надеяться, что все так. Я там скажу Николай Николаичу. Что поводов для такого у тебя нет.

И быть не может. Хорошо, Алексей... Не буду тебя задерживать. Отдыхай. А впрочем... Может тебе нужно чего-то? Говори! Я — твой отец и старший товарищ. Чем могу, сам понимаешь.

Вот. С этого, добрый папенька, начинать нужно было! Кое-что мне определенно нужно.

— Врач сказал, что для нормального выздоровления нужны умеренные спортивные нагрузки. Вот я и хотел начать...

— Тебе на сколько освобождение от физкультуры выписали? — перебил меня папенька.

— До конца учебного года, — сказал я. — Но физкультура, которая в школе — это же не то. А нагрузки все равно нужны. Я давно хотел на бокс или на борьбу.

— Хорошо, — сказал папенька величественно, — Бокс это хорошо, Алексей. И борьба — тоже неплохо. Спорт дисциплинирует и укрепляет тело и дух (как все же мой папенька любит изрекать банальности, у меня мысленный фейс-палм залип). Я узнаю. Завтра позвоню Игорю, в горком комсомола. Пусть своих инструкторов спрашивает — куда тебе можно с твоим диагнозом. А вообще, это хорошо, что ты о спорте задумался. Давно пора! Ну иди, отдыхай, Алексей!

— Спасибо! — искренне сказал я. Все-таки мой папенька хоть и несколько зануден, но по всему видно — человек неплохой, невредный.

И я пошел отдыхать.

Нет, не так. Человек из двадцатых годов двадцать первого века пошел к себе в комнату, в которой нет интернета, телевизора, смартфона-планшета, электронной книги и прочих прибулд. В которой нет даже радио! Вот это я попал, так попал...

Остаток того дня прошел без особых приключений, спокойно и размеренно. Мы всей семьей за каким-то чертом посмотрели программу «Время» — повсеместное внедрение передовых методов хозяйствования, важность ускорения, плюрализм не только в общественной, но и в производственной сфере, как важнейший фактор борьбы за качество продукции, Михаил Сергеевич среди колхозного актива Нечерноземья разносит бюрократию, а новый подход в партийной работе — превозносит и вообще — поворот всей нашей политики к человеку. Короче, полнейший трэш. Что интересно, мой папенька никак не комментировал происходящее. Я заметил одну особенность его организма — как только в кадре появлялся Горбачев с супругой, родитель начинал дышать глубже чем обычно, а по лицу его бежали судороги, будто от скрываемой зубной боли. Как только Горбачев и Раиса Максимовна пропадали с экрана, папенька начинал дышать нормально и судороги мгновенно прекращались. Очень интересно, подумал я. Наверное, отец мой недолюбливает чету Горбачевых. Чутьем старого номенклатурщика чувствует, куда дует ветер. Ладно. Нужно будет изучить этот вопрос поподробнее — поговорить по душам с папенькой. Маменька моя за новостями следила рассеяно. Зато после прогноза погоды оживилась — началась программа «Музыка в эфире». М-да, подумал я. Ну, зато без рекламы. Хоть что-то хорошее. А вот через три года — понесется. От АО «МММ» и до тампонов «Тампакс» Музыку в эфире я уже вынести не мог — отпросился спать.

На следующее утро я поднялся в семь часов и отправился на пробежку. Когда я сказал об этом маменьке, она на несколько секунд потеряла дар речи, а потом развела руками — мол, беги, раз приспичило. Папенька наоборот отнесся к моей спортивной инициативе вполне доброжелательно. И я побежал!

Что могу сказать... Меняхватило на три круга вокруг стадиона. К концу второго круга дыхалка отказала, ноги как будто налились свинцом, а сердце колотилось так, что я сказал

— ну его нафиг, для первого раза достаточно. На спортплощадке были турники и брусья, но я решил, что на турнике мне ловить определенно нечего. Вот гантели — разборные, хотя бы от «единички» до «пятерки» мне быгодились. Нужно будет решить этот вопрос, сходить в «Спорттовары». А пока я, уставший и вымокший, потихоньку гулял по центральной нашей улице и глазел по сторонам. Город давно проснулся. К стадиону спешили спортсмены от пятнадцати и до семидесяти. Пенсионеры и подростки гуляли с собаками. У дверей шахматно-шашечного клуба уже тусовка — и не спится этим шахматистам субботним утром. Из пельменной, которая так и называется «Пельменная» (креативненько, че...) доносятся запахи, которые напоминают о том, что я еще ничего не ел сегодня. И очереди! Уже очередь за свежим хлебом — в магазин, именуемый «Хлеб». Очередь в «Промтовары» ждет открытия магазина — терпеливо, но чувствовалось в этой терпеливости какое-то тихое ожесточение. И даже небольшая очередь к автоматам с газировкой — к ней я присоединился и получил за копейку стакан газировки без сиропа. Напившись, я отправился домой, разглядывая полужнакомые улицы и людей, очень похожих на людей нашего времени, но в то же время — совершенно других. Люди производили такое... очень противоречивое впечатление. С одной стороны — большинство людей как будто старалось выглядеть максимально неприметно и серо. Реально, какой-то перебор с темными цветами одежды, особенно у старшего поколения. Темные, серые, коричневые кепки, брюки, юбки, кофты, рубашки... В то же время — максимальная простота. Такое ощущение, что старшее поколение одежде если и придавало значение, то очень небольшое. Есть — и ладно. Но вот у молодежи — всё с точностью до наоборот. Стремление максимально выделиться — цветами шмоток, фасоном, прической. Что касается причесок, то складывалось ощущение, что большинство молодых людей дали клятву — никогда не стричься и не причесываться. Захипповали и запанковали. Стиля, как такового, похоже, не было вовсе. По крайней мере, я не заметил его проявлений. Одевались кто во что горазд, кто что смог достать. Впрочем, подумал я, суббота, утро. С чего бы народу так уж наряжаться...

В общем, домой я пришел уставший, но все же полный впечатлениями. До сих пор в голове не укладывалось — я в другом времени. Было уже начало десятого, папенька уже отбыл на службу — похоже, ответственные работники работают и по субботам. А маменька, осведомившись о моем самочувствии и обрадовавшись тому, что ничего у меня не болит, предложила пойти завтракать. Я с удовольствием воспользовался предложением и последовал на кухню, но тут зазвонил телефон. Трубку сняла маменька.

— Алло! Да, Виктор. Да, дома... Сейчас позову... Одну минуту!

Ну вот. Меня к телефону. Какой-то Виктор. А ведь день неплохо начинался...

— Алло! — сказал я как можно более беззаботно.

— Здорово, Лёха, — ответил мне напряженный голос из трубки. — Вышел уже из больнички?

— Вышел, — сказал я. Между прочим, чистую правду.

— И чего думаешь делать? — Звонивший мне человек явно был чем-то озабочен. Еще бы понять, что он имел в виду...

Глава 5

— Разберемся, — сказал я уклончиво, надеясь, что мой собеседник хоть немного введет меня в курс дела. И он таки ввел. Даже больше — телефонная трубка просто взорвалась:

— Да ты что, гонишь, Лёха?! «Штуку» нужно было отдать еще в понедельник! А сегодня суббота уже! Они же нас на счетчик поставят! Они же...

— На счетчик? — переспросил я, собираясь с мыслями.

— А ты думал! Ты пока там в больничке валялся, ко мне уже два раза подходили!

— Кто подходил? — поинтересовался я мрачно. Похоже, Алёша Петров влип в какую-то историю. А разгребать мне. Что ж им спокойно-то не живется, номенклатурным деткам?!

— Кузя подходил! — нервно ответил мой собеседник. — И с ним еще двое, не знаю, как их там... Интересовался, за бабки, когда мы внесем.

— А ты чего сказал?

— А что я скажу?! Как есть, так и сказал. Ты на больничке, а бабки у тебя. И без тебя я решить не могу.

— А он?

— А что он?! Сказал, что хана нам, если бабки до конца недели не внесем! А уже суббота! Лёх, они не шутят же... Надо что-то думать.

— Послушай, — сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее, — я вообще-то в больнице был, понимаешь?

— Угу. — Было мне ответом. Мой собеседник, похоже, большой эмпатией не отличался. Ни звука сочувствия к травмированному!

— Я вообще-то несколько дней без сознания валялся, — сказал я с напором.

— Угу. — Было мне ответом.

— Я, Вить, головой стукнулся сильно, — сказал я, подготавливая почву.

— Ну?! — ответил мой совершенно бесчувственный собеседник. Ни капли участия.

— И забыл некоторые обстоятельства. Как в том кино. «Джентльмены удачи». Тут — помню. А тут — не помню. Ты не мог бы мне напомнить обстоятельства нашего дела? Чего этому Кузе надо? А?

Мой собеседник надолго замолчал. Видимо, переваривал полученную информацию. А переварив, спросил:

— Ты чего, Лёха, правда сильно башкой стукнулся? — В голосе его звучало искреннее беспокойство. Но, по всей видимости, не за меня. — Тут, походу, не «Джентльмены удачи», Лёх. Тут «Кошмар на улице Вязов».

— Так я тебе о чем! Я в общих чертах помню, а вот в деталях — все как в тумане.

Собеседник опять надолго замолчал.

— Ладно, — сказал он задумчиво, — я за тобой зайду. Через полчаса где-то. Сходим прогуляемся.

— Жду! — сказал я и повесил трубку. Какая все же неудобная штука — проводные телефоны. А мобилок еще ждать и ждать...

— Как там Виктор? — поинтересовалась у меня маменька. Она смотрела какой-то классический концерт по телеку и пила кофе.

— В порядке, — соврал я. После нашего разговора Виктор явно был не в порядке. — Он за мной зайдет скоро. Мы прогуляемся.

— Только не допоздна. Тебе долго гулять пока вредно.

— Хорошо.

Через полчаса появился Витя. Витя Пахомов. Мой одноклассник и, как выяснилось, лучший друг. И бизнес-партнер. И вообще — мы с первого класса вместе. Витёк был на вид вполне безобиден — классический очкарик-ботаник, средненького роста, с полагающейся по возрасту россыпью прыщей на лбу, одетый модно, но как-то неряшливо, так что самые модные шмотки на Витьке смотрелись как седло на корове. Но это на вид Витёк был безобидным ботаником. Жизнь показала, что хваткой мой друг обладал бульдожьей. Жил Витёк в соседнем доме — с родителями, какими-то торгово-общепитовскими деятелями и весьма состоятельными людьми. Витя Пахомов, или Пахом, как мы его называли, сам был прирожденным коммерсантом. Наверное, предками его были какие-то купцы или промышленники — родители пошли по их стопам, а Витёк, в свою очередь — по родительским. Преемственность поколений. Начинать Витя со школьной фарцовки — жвачка, кассеты, импортные сигареты и другие, очень нужные старшеклассникам из приличных семей мелочи. И все у него срасталось, все получалось очень лихо — достать, купить, продать и при этом не спалиться — воистину Витёк обладал торговым талантом просто выдающимся. И конечно же, в свою бурную деятельность он втянул и лучшего друга — Алёшу Петрова. То есть, меня. Судя по всему, не только по дружбе, но и из расчета — Витя всегда чего-то рассчитывал и выгадывал. Расчет был, впрочем, вполне верным — если Витя вдруг попадает в неприятности, связанные с коммерцией, то это один разговор, а если Витя попадает в неприятности на пару с сыном второго секретаря горкома — то это уже другой разговор. И во втором случае дело могут запросто спустить на тормозах — милиционеры не захотят ссориться с партией из-за мелочевки. Одним словом, придумано было неплохо, но реальность внесла свои коррективы. Что касается Алёши Петрова, то, насколько я понял, он особого рвения в коммерческих делах не выказывал, был больше «на подхвате» и хранил у себя часть заработанного.

О заработанном... Вначале это были десятки рублей. Затем — сотни. Неугомонный Витя все время стремился расширить деятельность. От кассет, жвачки и сигарет мы перешли в более серьезную лигу — к продаже маечек и кепочек «под фирму». В то время, когда я оказался в теле Алёши Петрова, мы уже во всю торговали джинсами и псевдоамериканскими часами «Монтана». Впрочем, от мелочевки — жвачек с Дональдом Даком и сигарет — Витя Пахомов не отказывался. Беда пришла откуда не ждали — вовсе не со стороны милиции...

В общем, Витю встретили, когда он радостно шел с очередной закупки — с партией часов «Монтана». Его остановили. Коротко расспросили о том, кого он знает. Витя назвал несколько кличек пацанов из местной шпаны, которых время от времени снабжал сигаретами и на которых мог рассчитывать в таких ситуациях. На злоумышленников названные Витей клички никакого впечатления не произвели, от слова «совсем». Ему слегка насовали под ребра, отобрали часы «Монтана», оставшиеся деньги, сняли джинсы и кроссовки — взамен Витя получил «сменку» — какие-то чудовищные больничные кальсоны и тапочки. Кроме того, Вите категорически заявили, что он есть барыга — спекулянт, и по этой причине, чтобы спокойно ходить по улицам и не бояться, он должен внести порядочным пацанам в качестве штрафа еще «штуку». А если Витя этого не сделает, то будет плохо. На прощание Вите элегантно ударом пустили кровь из носа, а один из гангстеров, представившийся Кузей, показал нож. В общем, первые ростки рэкета пробивались сквозь

асфальт плановой советской экономики. Ростки пока еще хилые — всякие Кузи с перочинными ножами. Пока они еще ничего не понимают, перспектив не видят, «крыши» не предлагают, стремятся урвать по возможности как можно больше. Это лет через пять они поумнеют, организуются, заберут все, до чего смогут дотянуться, станут кумирами и хозяевами жизни. А в благословенные восьмидесятые... Что-то такое вроде бы уже есть в Москве, Ленинграде, Днепропетровске. А у нас — пока еще Кузя с корешами. Не так страшно. Будем бодаться!

Удар был сильным. Витя, перетрусивший не на шутку, прошелся по своим знакомым из местной шпаны. Как и оказалось, никто из любителей импортных сигарет на халяву, с грозным Кузей и его корешами связываться не хотел. «Ну его к... Порезать могут», — мрачно заявил один из Витиных приятелей. А тут еще со мною случилась неприятность — с попаданием сначала под автомобиль «Москвич». А затем и в больницу.

— Я сначала думал, что это они тебя... машиной... — сказал мне Витя.

Мы тусили в парке, на улице было тепло, светило оптимистичное апрельское солнце, вокруг куча детворы по песочницам, на лавочках — пенсионеры с газетами и шахматами. Мир, безопасность и оптимизм. Но и в этом безмятежном мире есть свои скелеты в шкафах.

— Не, Витёк, — сказал я беззаботно, — не все так ужасно, не преувеличивай. Это меня какой-то дедок на «Москвиче» приложил.

— Так чего делать будем, Лёха? Эти нас в понедельник по любому после школы поймают. Надо или бабки собирать, или решать чего-то. У тебя там сколько осталось вообще?

— Осталось немного, — сказал я уклончиво. — Ты подожди с бабками. Давай обсудим. Ты чего узнал об этом Кузе?

— Поспрашал пацанов, — мрачно ответил Витя. — Коля Лось с пятого дома говорит, что у него ходка по малолетке за хулиганку. Ему лет восемнадцать, вроде. Сам с Рабочего, но тусит у нас — на Театралке, на Комсомольце, на дискаче в ДК. Пацаны говорят, что опасные — этот Кузя банду собрал, таких же обмороков, человек десять. Все время то лупят кого-то, то чего-то отбирают. И не закрывают их нихера, потому что у кого-то из них то ли батя в ментовке, то ли брат... Вот они и гуляют.

— Значит, к ментам идти — не вариант? — уточнил я.

— Ни в каком месте, — угрюмо сказал Витя. — Чего мы им скажем? Хулиганы ограбили, отобрали товар для перепродажи? Да меня за такое дома батя... Сам понимаешь, — Витя мрачно сплюнул на землю.

— У меня не лучше, — вздохнул я. — Сами подставимся, еще и родителей подставим. Нужно самим решать.

Витек мрачно молчал некоторое время — думал о делах наших скорбных.

— У тебя курить нет? — спросил он глядя, под ноги.

— Не курю, — машинально ответил я.

Витя устремил на меня долгий изучающий взгляд.

— Врачи, что ли, запретили?

— Ага, — сказал я, — врачи. И вообще — надоело. Вредная же привычка.

Снова изучающий и немного изумленный Витин взгляд.

— Слушай, Лёха... У тебя вообще, как? Голова не болит? Что-то я тебя не узнаю сегодня. Ты... не такой, какой-то! То ты память потерял. То курить бросил. Что за хрень, Лёх? Может расскажешь?

А ведь пронизательный малый, подумал я одобрительно. Нет, Витя, рассказать я тебе ничего не могу, уж извини. Все равно не поверишь, даже если и услышишь.

— Понимаешь, — сказал я, стараясь выразиться как можно осторожнее, — меня этот дедок на «Москвиче» сбил. Ведь повезло, что инвалидом не остался. Или вообще не насмерть.

— Это да, — согласился Витёк.

— И вот я без сознания в больничке валялся, а потом в себя пришел... И подумал — может я как-то неправильно живу? Может чего-то изменить нужно. Сигареты эти.

— Спортом еще неплохо заняться, — сказал Витёк скучающим голосом.

— И спортом займусь, — сказал я с напором. — И тебе советую. А то к нам всякие Кузи лезут, а мы и отбиться не можем! Как малолетки какие...

— А бизнес? — спросил Витя с беспокойством. — Ты походу полностью на путь исправления встал? С бизнесом завяжешь? А чего? Давай. После школы в институт, а там — по комсомольской линии. Папа поможет... — Витя мрачно усмехнулся.

— Нет, Витёк, комсомол — тема глухая, во всяком случае — для нас с тобой. Бесперспективна-я! — отчеканил я по слогам. — А вот бизнес — другое дело. Но делать нужно по уму. Чтобы без таких вот ситуаций.

— Твои предложения? — спросил Витя. Он был явно заинтригован.

— Давай рассматривать все варианты, — пожал плечами я. — Бабки отдавать — не вариант. Если каждому давать... Да у нас столько и нет. К ментам — не вариант. Сами отбиться мы не сможем. Не сможем же?

— Не сможем, — подтвердил Витя. — Они на прошлой неделе пацана в парке порезали.

— Ну вот. И под ножи подставляться мы тоже не хотим. Это все были очевидные варианты. Теперь давай рассматривать неочевидные. Есть у нас такие?

Друг мой Виктор снова надолго замолчал. Задумался над неочевидными вариантами.

— Вообще есть, — сказал он после долгого и сосредоточенного раздумья. — Я тут спрашивал у своих поставщиков... В общих чертах им обрисовал ситуацию. Так вот... они говорят, что Саша Щербатый может вопрос решить.

— Кто такой? — заинтересовался я.

— Ну как кто? Вообще, он у нас в городе главный... у этих, — Витя судорожно сглотнул, — у уголовников. Если он скажет, то никакой Кузя к нам на пушечный выстрел... У него то ли три, то ли четыре ходки, Кузя для него ничего не значит... Ему одно слово сказать — и все.

— Ну так елки-палки, — оживился я, — давай встретимся, переговорим с этим Щербатым! Твои поставщики рассказали, где его найти можно?

— Рассказали. Они каждый вечер в «Софии» гуляют. Там у них типа приемной.

«София» — наш центральный ресторан. Самый известный, старейший в городе, открыт чуть ли ни в шестидесятые, гремел в восьмидесятые и девяностые и даже каким-то непостижимым образом дотянул до моего времени. В конце десятых годов двадцать первого века там преимущественно собирались пожилые комсомольцы-бизнесмены, отставные милиционеры и бывшие гангстеры — вспомнить молодые годы, как гонялись друг за другом.

— Ну так нужно идти и договариваться! Хуже-то точно не будет!

— Как сказать, — возразил Витек. — Жулики — сам понимаешь. Народ ушлый. Могут так все вывернуть, что вообще не расплатимся. Но, походу, придется пробовать этот вариант. Только я в «Софию» не пойду. Там половина сотрудников — батины знакомые. Сразу ему

стукнут, с кем общался. Придется тебе.

— Ага, — возмутился я, — а моего бати, значит, знакомые там не гуляют? Меня, значит, можно под танки?!

— Да не бойсь, — успокоил меня Витя. — Если твоего бати сотрудники в «Софии» и зависают, то Щербатого они по любому не знают. Ну сам подумай — где Щербатый, а где горком.

— Это да, — согласился я.

Действительно, в то время власть еще не срослась с откровенными уголовниками. Ничего, через пару-тройку лет все процессы ускорятся. Ведь Михаил Сергеевич объявил ускорение!

— Сделаем так, — сказал Витёк, в голове у которого, видимо, сложился план. Пойдем вместе. Только я сначала зайду. Там осмотрюсь — за каким столиком Щербатый сидит и вообще, по ситуации. Потом сразу выйду и тебе все обрисую. А потом уже пойдешь ты — на разговор. Нужно будет ему денег дать. Рублей двести-триста. Типа, с уважением, все дела. И рассказать про ситуацию. И подвести так, что по беспределу забрали товар, де еще и платить заставляют. Говорить вежливо. Если спросит — кто такие, то рассказать. Завтра воскресенье. Вот завтра вечером — самое лучшее, они по любому в «Софии» будут. Годится?

— Сделаем, — отозвался я, почувствовав даже некоторый азарт. Ситуация была непростой, но интересной! В той моей прошлой жизни все было намного скучнее. Сплошные будни и никакого адреналина. Хотя, здесь у меня впереди времена такие, что адреналина хватит жизней на десять, минимум! — А он меня не пошлет?

Витек пожал плечами.

— По идее, не должен. Если бы мы к ментам сначала пошли, тогда да. А так — пришли как полагается, чтобы нас рассудили по справедливости. А про Саню я слышал, что мужик он справедливый, явного беспредела не допустит.

— Тогда договорились, — сказал я. — Пообщаюсь с твоим Саней. Деваться все равно некуда.

Некоторое время мы сидели молча. Витёк чего-то думал, а я глазел по сторонам. Вот пионерский отряд при полном параде — белые рубашечки, фартучки, пилотки, красные галстуки — куда-то весело спешит во главе с вожатой. Вот мужики — наверное рабочие с вагоностроительного — сдвинули две лавочки и громко обсуждают чего-то. Может свои заводские дела, а может решения последнего партсъезда. А быстрее всего — матерят Горби за сухой закон. А вот идет представительный мужчина в пиджаке и при галстуке. На пиджаке — орденские планки. На вид ему около шестидесяти, и это так странно... Я привык, что ветераны — старенькие. И вообще, их почти не видно, очень мало осталось. А здесь — пожалуйста! Беззаботность, подумал я. Вокруг разлита беззаботность. И это какой-то парадокс, потому что забот у людей восемьдесят седьмого года — не счесть. От Афгана, который отнюдь не закончен и стабильно поставляет «груз 200» и до банального — купить покушать. Насколько я помню, в восемьдесят седьмом это тот еще квест. А люди все равно выглядят беззаботными. Кроме нас с Витьком, опередивших свое время по меньшей мере лет на десять. Суббота. Никто никуда не торопится. Все гуляют, общаются, смотрят друг на друга, а не в гаджеты... Другая планета!

— Слышь, Лёха, — отвлек меня от наблюдений Витёк, — ты вот что скажи. Я же вижу, что с тобой что-то не то. Что произошло, а? Может расскажешь?

А все же сообразительный у меня друг, снова удивился я. Рассказать-то мне есть что. Ой как много я могу рассказать человеку восьмидесятых, да такого, что отродясь не поверит. Реальность, она же круче всякой фантастики получилась... Тут другая проблема — как, зная вот это все, сдержаться и не рассказать? Не вывалить на кого-нибудь страшную правду о грядущем? А сдерживаться нужно. Потому что... зачем же неповинных людей травмировать?

— Может и расскажу, — сказал я. — Но точно не сегодня. Других дел хватает.

— И это не связано с той аварией?

Я задумался. Черт его знает — связано оно с аварией или нет!

— И да, и нет, — ответил я уклончиво.

— И ты теперь будешь т а к о й? — спросил Витек.

— Какой?

Витек пожал плечами:

— А я знаю?! Не такой, как раньше.

Вот это интересно.

— Не понимаю, — сказал я. — Объясни. Какой я был и какой стал?

— Какой-то взрослый, — сказал Витёк задумчиво. — Не знаю. Как будто за неделю лет на десять повзрослел. Или даже больше. Разговариваешь как взрослый.

— Сильно заметно? — спросил я с некоторым замешательством.

— Мне заметно, — сказал Витёк, — но мы же с тобой общаемся близко. С остальными в школе ты особо не сходилась, они и не обратят внимания. Вообще. У нас ведь возраст такой. Переходный и трудный. Мы же чуть ли не каждую неделю меняемся, так что — все как полагается. В курилке заметят, что курить бросил...

— Скажу — врач запретил.

— Это да, — кивнул Витёк и вдруг подозрительно прищурился: — А скажи, Лёха, ты же помнишь, как мы мою последнюю днюху отметили? Помнишь?

— Ну помню, чего пристал? — недовольно сказал я.

— Нихрена ты не помнишь, — торжественно вынес вердикт Витёк. — На мою днюху ты с ангиной дома валялся. А Юльку Голубеву? Помнишь?

— Вить... — сказал я, твердо посмотрев ему в глаза. — Ты мне друг или нет?

— Ну друг... — нервно отозвался Витёк.

— Друг или нет?!

— Да друг, друг! Но ты мне друг, а ничего не объясняешь! Морозишься! У нас тут серьезная тема, а я не в курсе — то ли у тебя крыша поехала, то ли еще что...

— Не поехала у меня крыша. Доктора говорят, что здоров полностью. Но рассказать я тебе всего не могу. Пока не могу. А ты, если мне друг, то не лови меня на слове, а лучше помоги.

— Чем помочь-то?

— Я про школу почти ничего не помню, — сказал я со вздохом, — учителя, одноклассники — вот это все. В понедельник для меня — как первый раз в первый класс.

— Нормальный расклад, — выдохнул Витёк. — Ладно. Сейчас я тебе в общих чертах расскажу, что к чему. А в школе тоже постараемся разрулить. Но только и ты пообещай...

— Чего пообещать?

— Рассказать. — Витек смотрел на меня требовательно и с любопытством.

— Честное комсомольское, — сказал я торжественно. И перекрестился на памятник Щорсу. Витя тяжело вздохнул, pokrutil пальцем у виска и начал рассказывать...

К ресторану «София» мы подтянулись в воскресенье, к шести вечера. При полном параде — никаких джинсов и кроссовок, костюмы, начищенные ботинки. Правда без галстуков. Встреча предстояла неофициальная.

— Аншлаг сегодня, — Витя кивнул на парковку перед рестораном, на которой стояли четыре автомобиля. Три «Жиги» и «Форд Скорпио». Я улыбнулся про себя.

— «Форд» видишь? Это Саша Щербатого, — со знанием дела сказал Витя. — Ты стой тут. А я внутрь — разведую.

Витя исчез в дверях ресторана, а я остался снаружи. Был теплый апрельский вечер, прекрасное время, когда ничего не хочется делать, а хочется гулять, вдыхать весенние запахи, ни о чем не думать. На кой черт мне это все, подумал я лениво. «София» призывно светилась огнями. «На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу. Машу рукой, а сердце замирает, и ничего поделывать не могу!» — доносилось изнутри. Народ веселился перед началом новой трудовой недели...

Минут через десять из ресторана выскочил взволнованный Витёк.

— Короче, там они. Столик на втором этаже, в углу, возле пальмы. Но сам к ним не лезь! Подойдешь к бармену — он там типа секретаря, дашь ему чирик и скажешь, что по делу, к Саше. Он там отмаячит кому нужно и к тебе подойдет. Все понял?

— Понял, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно уверенней.

— Давай, дуй! Ни пуха! Вот, дашь швейцару за впуск два рубля, больше не нужно!

— К черту!

Ресторан «София» встретил меня неласково.

— Местов нет, гражданин! — строго обратился ко мне швейцар с внешностью отставного полковника. И взгляд его был таким суровым и официальным, как будто переступив порог ресторана я совершил очень нехороший, порочащий всякого честного советского человека проступок.

— Мне местов не нужно, у меня встреча, — сказал я, протягивая швейцару две рублевых бумажки. Взгляд швейцара мгновенно потеплел, в нем появилось что-то отеческое, заботливое.

— Пр-р-ошу, молодой человек! — Двери передо мною гостеприимно распахнулись.

Мда... Могу сказать одно — советские рестораны сильно отличались от наших. В лучшую сторону или в худшую — вопрос спорный. Бесспорно одно — они были другими. Наши рестораторы из двадцать первого века напирают на куртуазность и интимность — полумрак, легкая тихая музыка, максимальная уединенность. В «Софии» все было с точностью до наоборот. Море света. Сизые облака табачного дыма поднимаются к люстрам а-ля-Версаль. Множество столиков — чуть ли ни вплотную друг к другу и множество людей — местов действительно не было, строгий швейцар не обманул.

«Ягода-малина нас к себе манила,

Ягода-малина летом в гости звала,

Как сверкали эти искры на рассвете,

Ах, какую сладкой малина была» — пела с эстрады облаченная в сверкающее серебром концертное платье певица. Перед эстрадой танцевали парочки, и я диву давался, как они не врезаются друг в друга в такой тесноте. И еще — был запах. Даже не запах, а настоящая

атмосфера — смесь кулинарных, сигаретных и прочих сложноопределяемых запахов. Атмосфера порока, подумал я. Все-таки хорошо, что в мое время в кабаках нельзя курить. Ведь аллергику находиться здесь как-то вообще невыносимо...

Я поспешил на второй этаж, где обнаружил бар и засевавшего в нем бармена. Бармен, облаченный в белоснежную рубашку и галстук-бабочку мужчина лет тридцати, с роскошными усами и ранними залысинами, имел озабоченный вид занятого важным делом человека, и обратил на меня внимание далеко не сразу. Только после того, как я засунул сложенную вчетверо десятирублевую бумажку под графин с каким-то соком.

— Что вы хотели, молодой человек?

— По делу. К Саше разговор есть, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже.

— М-м-м... — довольно неопределенно ответил мне бармен. — Я так понимаю, у вас, молодой человек, здесь встреча назначена?

— Встреча, — согласился я.

— А если встреча, — сказал бармен внушительно, — то посидите здесь. Может быть, ваш знакомый скоро придет. Подождите.

Я согласно кивнул. Еще я заметил, что десятка, которую я сунул под графин, каким-то непостижимым образом исчезла. Бармен завозился с посудой и, кажется, совсем забыл про меня. Я, тем временем осмотрелся по сторонам. На втором этаже было менеелюдно, Ванесса Пароди пела из магнитофона легкомысленную песенку о таксисте Джо, который знает наизусть каждую улочку, каждый маленький бар и все темные уголки и не любит содовую... Здесь никто не танцевал, почти не было пьяных, столы не ломились от салатов и закусок, а присутствующие преимущественно общались за кофе.

— Чего хотел, щегол? — Хриплый прокуренный голос раздался сзади так внезапно, что я вздрогнул. Передо мною стоял парень, лет двадцати пяти — двадцати семи. Высокий, но не особенно крепкий на вид. Белая рубашка, короткая стрижка, бакенбарды, небольшие усики. Поза его была расслабленной (судя по запаху, парень был прилично выпивши), но взгляд — острый и сосредоточенный, абсолютно трезвый.

— К Саше, по делу, — оттарабанил я.

Парень усмехнулся.

— Так что хотел? Можешь мне сказать в общих чертах.

— Мне лично сказать нужно. И передать кое-что надо.

— Передать? — парень насторожился. — Ну давай мне, я передам.

Я задумался на секунду. Витёк никаких инструкций по этому поводу не давал. Впрочем, деваться было некуда. Из кармана пиджака я достал простой почтовый конверт с изображенными цветами и лозунгом. Лозунг гласил, что «Первое Мая — день международной солидарности трудящихся». Весьма иронично, подумал я. Трудящиеся солидаризируются друг с другом. А мелкие спекулянты — с уголовниками. Конверт я протянул парню. Тот осмотрел его, не заглядывая внутрь, хмыкнул и велел мне обождать. Дитер и Томас запели о кадиллаке Джеронимо, при виде которого у девчонок появляется грусть в глазах. В общем, парень ушел и унес конверт, в котором лежали три коричневые сторублевки. Куча денег, если вдуматься. Месячная зарплата квалифицированного рабочего.

Бармен поставил передо мною стакан с молочным коктейлем. Довольно вкусный. Я попивал коктейль, слушал «Модерн Толкинг» и думал о том, как скучно и спокойно мне жилось в мое время. Но допить и додумать мне не дали.

— Молодой человек! — призывно произнес приятный женский голос. — Чего вы сидите один, скучаете? Не нужно скучать, пойдёмте!

На этот раз передо мной стояла блондинка. Высокая и довольно приятная на вид. Если бы не явный переизбыток косметики, то, наверное, можно было бы назвать ее красивой. В восемьдесят седьмом умеренность в употреблении косметики явно была не в моде — или почти полное ее отсутствие, или боевая раскраска апачей, вышедших на тропу войны.

Блондинка улыбалась и манила меня. Я растерянно посмотрел на бармена. Тот коротко кивнул — можно, мол, все нормально. Что же, кажется, мои приключения продолжаются. Я последовал за блондинкой в небольшой закуток — наверное, самое тихое место во всем ресторане, там стояла бочка с пальмой, а за ней спрятался от посторонних глаз столик.

— Вот! — торжественно сказала блондинка. — Привела вам молодого человека! Знакомьтесь!

— Что же, будем знакомы, — сказал мне сидящий во главе стола мужчина. — Я — Саша. С Игорем ты уже общался, — он кивнул на парня, который унес конверт с деньгами. — Это — Андрей, — представительный мужчина кивнул на бритого налысо здоровяка в светлом костюме. А привела тебя к нам Ирина, прошу любить и жаловать!

— Очень приятно, — кивнул я. — Меня Алексей зовут.

— Алексей — Лёха, значит? — залихватски спросил меня бритый здоровяк. — Садись, Лёха, с нами! В ногах правды нет! Садись, чего ты? Поднимем за знакомство!

Я сел за свободный стул, мне тут же вручили рюмку, до половины наполненную коньяком.

— За знакомство! — провозгласила Ирина. Чокнувшись со всеми присутствующими, я отхлебнул коньяка. Крепкий, зараза! Я не большой любитель крепких напитков, да и вообще — к спиртному равнодушен. Но чего не сделаешь для бизнеса! Очень хотел не закашляться, но не получилось — коньяк обжег горло так, что выступили слезы, а горло свело непроизвольным спазмом. Мои собутыльники заулыбались.

— Ты, Алексей, закусывай, — Ирина придвинула поближе ко мне тарелку с каким-то салатом. Некоторое время я сосредоточенно жевал, пытаясь унять разгоревшийся в желудке коньячный пожар.

— Закусывать — закусывай, а все же — рассказывай, — назидательно сказал Саша. — По какому делу к нам?

Саша Щербатый меньше всего походил на уголовника. Скорее, его можно было принять за какого-нибудь доцента или ведущего инженера. Элегантный светлый костюм-тройка сидел на нем идеально. Черные волосы были зачесаны назад и смазаны каким-то гелем. Голос Саша практически никогда не повышал, говорил грамотно, фени и матерной лексики не употреблял, обладал мощной харизмой и умел расположить к себе почти любого собеседника, а насилия терпеть не мог, отдавая предпочтение дипломатии, в которой ему не было равных. В восемьдесят седьмом ему было около тридцати пяти.

— Мы с приятелем тут небольшой бизнес устроили, — осторожно начал я, — джинсы, маечки, кассеты. Понемногу зарабатываем...

— Ну, ясно, — перебил меня долговязый Игорь. — Спекули, короче. Ну рассказывай, чего случилось, не тяни кота за яйца.

— Есть такой Кузя, — сказал я. — С Рабочего. Лет восемнадцать-девятнадцать.

В этом месте Саша Щербатый и лысый Андрей переглянулись, и Андрей тихонько кивнул.

— В общем, этот Кузя у моего партнера часы отобрал. «Монтана». Тридцать штук. И денег еще — две сотни.

— Нормально, — усмехнулся Игорь.

— И мало того, — продолжил я, — подгрузил нас еще на «штуку». Если не принесем до завтра, то грозился порезать.

— В милицию не ходили? — быстро спросил Игорь.

— Нет. Мы сразу к вам.

— Это правильно. — Игорь улыбнулся. — Чего граждан начальников по пустякам отвлекать?

— Несчастный человек этот Кузя, — сказала Ирина, отхлебнув вина из бокала.

— Чего это? — спросил Игорь настороженно.

— Ну как же! Загреб столько часов... А ведь известно, что счастливые часов не наблюдают! — Ирина засмеялась громко и пьяно.

— Ну, хватит шутить над пареньком, — сказал наконец Саша. — И так сколько проблем ребята заработали. В какой школе учишься?

— В сорок пятой. Выпускной класс.

— А живешь где?

— На Ленина, — ответил я. — Пятнадцатый дом.

Саша молчал и смотрел на меня изучающе. Я чувствовал себя неловко — словно какой-то экзотический жук, попавший на стол к опытному энтомологу.

— Ладно, Алексей, — сказал он, подумав секунд пять. — Значит, если все так, как ты нам рассказал... Резать вас никто не будет. И «штуку» отдавать тоже не нужно. Это уже беспредел. И теперь с часами этими... как их...

— «Монтана», — подсказал я радостно.

— С часами что делать? Какие будут мнения у профсоюза? — Саша оглядел сидящих за столом. Профсоюз начал высказываться.

— На кой хер им тридцать штук котлов? — усмехнулся Игорь. — Барыжить, что ли, собрались? И вообще, от этого Кузи... как от свиньи! Визгу и вони много, а шерсти... Достал уже всех, чуть ли ни каждый день народ с предьявами идет. Вообще охренел, получать с малолеток! Ну не терпится тебе в зону — приди к ментам, скажи — так и так, закройте меня, на воле невмоготу...

— Ладно, — перебил его Саша и взглянул на лысого Андрея: — А ты что скажешь?

— Вообще, они работали — пожал плечами Андрей. — Они же скажут — что ж теперь, ничего ни у кого не отобрать, никого не побить... Они скажут — мы живем этой жизнью... — Я так понял, что Андрей косвенно заступался за Кузю.

— Оборзел этот Кузя, — неожиданно и зло сказала Ирина. — У самого такие куражи, а все в одно рыло жрет. Не уделяет. Бакланская рожа, с боку припеку!

— Мда-а... — сказал Саша неопределенно. — Такие дела, Алексей. В общем, сделаем так. У вас сколько часов забрали? Тридцать, говоришь?

— Тридцать.

— Ну вот. Значит, две штуки они себе оставят, а остальные вернут. И бабки, которые забрали, тоже вернуть не выйдет. Сам понимаешь — у вас своя работа, а у них своя. Устраивает тебя такое решение?

— Полностью устраивает! — радостно воскликнул я. — Спасибо вам!

Ирина, Игорь и Андрей рассмеялись, Саша усмехнулся.

— Вообще, ты пацан правильный, — Игорь хлопнул меня по плечу, — пришел к нам, а не к ментам, правильно рассказал, как было. И то, что чего-то с бизнесом мутить пробуете — молодцы, сейчас так и нужно.

— А то развелось малолетних балбесов, — поддержал его Андрей, — лупят друг друга почем зря. Район на район — кому оно надо? Мы всегда говорим — чего так просто драться-то? Если лупить кого-то, то так, чтоб польза от этого была! Нет же! Устраивают Куликовские битвы! Уже нормальному человеку и на дискотеку не приди — толпой забуцают ни за что, шмотки отнимут... Эх, молодежь! Еще комсомольцы-пионеры!

Последнее замечание лысого Андрея вызвало бурное веселье за столом.

— Одно вы неправильно делаете, — продолжал учить меня жизни Андрей, — о завтрашнем дне не думаете, когда бабки зарабатываете! Вот если бы вы раньше к нам пришли, рассказали за свой бизнес, уделили бы по возможности, то никто никогда у вас ничего не забрал бы.

— Ну ладно, Андрей, — вступился за меня Саша. — Пацаны молодые совсем. Тут и взрослые в непонятное попадают. Время такое... А ты, Алексей, имей в виду — для того, чтобы спокойно работать и вообще как-то двигаться в городе — нужно общаться с людьми. Вы можете общаться с нами.

— Я понял, — кивнул я.

— Ну вот и хорошо. В таких ситуациях, как у вас была с этим Кузей, можешь ссылаться на меня, Игоря Швилю и Андрея Магадана.

— Если кто полезет, то сразу дергай их сюда к нам, на разбор! — важно сказал уже прилично захмелевший Игорь, по кличке Швиля.

— И вообще, сам заходи при случае! — Ирина подмигнула мне и потянулась за бутылкой вина — наполнить опустевший бокал.

Я попрощался со всеми и направился к выходу. «На теплоходе музыка играет...» — гремело на первом этаже. Народ потихоньку расходился, воскресный вечер подходил к концу. Я с огромным облегчением выскочил из прокуренного зала. Снаружи меня нетерпеливо ожидал Витёк, который уже скурил, наверное, полпачки дорожного «Мальборо».

— Ну, рассказывай! — потребовал Витёк.

Мы сидели на лавочке под ивой, и я рассказывал. Витёк внимательно слушал. Как мне показалось, без особой радости. А когда я рассказал все, то и вовсе тяжело вздохнул, и сказал многозначительное:

— М-д-а-а...

— Тебе что-то не нравится? — поинтересовался я.

— На первый взгляд все ровно, — сказал Витёк мрачно. — И ты молодец. Все правильно подвел и разложил. И с Кузей вопрос решили. Но теперь нам с этими жуликами дело иметь. А они поопаснее Кузи.

— Слушай, — сказал я раздраженно, — если не хочешь таких знакомых, то завязывай с бизнесом. Иди пионервожатым. Или на стройку завербуйся. На БАМ. И не трахай мне мозги.

Витёк тяжело вздохнул.

— Нет, старик. На БАМ я не поеду. Мне не интересно, понимаешь? Мне интересно деньги делать. И себе и другим пользу приносить. Вот чего ты смеешься? «Левайсов» даже в комиссии нет. А у нас — есть. И часы, и кассеты. Нам люди «спасибо» говорят, не забыл? Вот почему я не могу спокойно этим заниматься?

— Витя, — сказал я ласково, — ты мне лекцию по политэкономии решил прочесть?

— Да просто тошно от всего этого, — мрачно сказал Витёк. — Весь мир торгует. Покупает, продает. Уважаемое занятие. И только у нас — спекулянт, преступник. С одной стороны менты. С другой — уголовники. Ну что за хрень, в самом деле?

Ох, Витя, Витя, подумал я. Знал бы ты, к чему все придет через пару-тройку лет...

— А насчет комсомола, — сказал Витёк, — в это все давно никто не верит. Ты посмотри вокруг. Вся молодежь сама организуется. Металлисты, панки всякие. Шпана по районам. Все на комсомол болт большой забили. Никому это не интересно. Только большинство на музыке и на бухле повернуты. Ну или еще — какой район кому навалает. А мы, Лёха, все правильно понимаем. Мы бабки делаем! Вот сейчас «Монтану» распродадим...

— Ты погоди, — перебил я Витька, который явно вошел в коммерческий азарт, — ты их сначала назад получи, а потом уж распродавай...

— Не, ну раз Щербатый сказал, то вернут без вопросов, — авторитетно заявил Витёк. — У жулья дисциплина — тот комсомол и рядом не стоял!

— Завязывай антисоветский базар, — сказал я, улыбаясь, — слышал бы тебя сейчас мой батя!

— Да ладно, — отмахнулся Витёк, — батя у тебя мировой, все понимает не хуже нас, а может и лучше. Куда все катится.

— И куда же? — наивно поинтересовался я.

— А вот спроси у него сам! Я тебе говорю — будем все делать правильно, будем первыми людьми!

На этой оптимистической ноте, преисполненные энергии и пьяные от будущих перспектив, мы двинулись по домам. «На теплоходе музыка играет» — крутилась в голове навязчивая песенка...

С понедельника началась школа. Я попросил Витька, чтобы он в подробностях рассказал мне, как себя вести, чтобы не привлекать внимания. Витёк ответил, что если я не хочу привлекать внимания, то не нужно себя вообще никак вести.

— А если чего-нибудь спросят? — спросил я.

— Скажешь, как есть, — пожал плечами Витёк, — что после травмы. Не отошел еще.

В общем, для меня — взрослого мужика, хоть и запертого в теле тинейджера, возвращение в школу было достаточно серьезным стрессом. Я волновался. У многих взрослых людей, в число которых я определенно входил, существует куча страхов, родом из детства и ранней юности, связанных со школой, учителями и одноклассниками. Одним словом, снова в школу мне категорически не хотелось. Вот просто до тошноты. Но деваться было некуда.

Наша школа оказалась вполне приличной и, к удивлению моему, даже уютной. Класс, располагавшийся на третьем этаже, был просторным и светлым, недавно отремонтированным, со множеством цветов на окнах — наша классная руководительница Тамара Фёдоровна была фанатом «зеленых уголков».

Одноклассники на мое появление после больницы отреагировали довольно сдержанно, как, впрочем, и учителя. За окном бушевал апрель, и на уроках все откровенно скучали и маялись. Зато перемены пролетали как одно мгновение! Для нас с Витьком школьные перемены были самой горячей порой — мы делали деньги. У мужского туалета (в простонародье — «параша») орудовал Витёк — принимал заказы и получал с покупателей деньги. А уже я, у входа в спортивный зал, передавал им товар. От клиентов — любителей американских сигарет и жвачки — не было отбоя, мы просто не успевали обслужить всех желающих!

— У нас не кишневское фуфло, у нас реальное «Мальборо» с привоза! Такого вы хрен найдете в городе! — распинался Витёк. И соблазненные медовыми речами старшеклассники из номенклатурных семей платили за «настоящий „Мальборо“ с привоза» аж по тройку. Брели и поштучно — так выходило еще выгоднее. Еще хорошо, просто на улет, уходили фирменные зажигалки «Винстон» — по червонцу за штуку. В среднем, за перемену мы зарабатывали до десяти рублей. Все-таки, школа для детей ответственных работников — это само по себе большой бизнес.

— Интересно, учителя в курсе нашего бизнеса? — спросил я у Витька после пятого урока, когда все уже собирались домой.

— Может и догадываются, — пожал плечами Витёк. — Только всем параллельно. Наш директор у моих поставщиков шмотки покупает. У нашей классной костюм итальянский — из «Дома одежды», что ли? Жора Петровский у нас сегодня две пачки «Мальборо» взял. А у Жоры папа — кгбшный чин. Че ж он так херово Жору воспитал, что тот курит, да еще и не «Ватру», а «Мальборо». И бабки у него откуда вообще? Кто нам чего скажет, если все замазаны?

— Уже совсем скоро, — сказал я вдохновенно, — можно будет легально торговать.

Витёк в ответ только тяжело вздыхал. Он не верил в чудеса.

Возле школы нас встретили. Два мрачных парня, на год-два старше нас, с испитыми физиономиями. На одном из них Витя узнал собственные джинсы.

— Вот, — один из парней протянул мне полиэтиленовый пакет. — Ваше барахло. Все как добазарились.

— Было бы из-за чего кипиш поднимать, — сказал второй презрительно. — А ты, — отнесся он отдельно к Витьку, — если Сашу Щербатого знаешь, то должен был так и сказать, а не морозиться. И ребра бы целее были. — Парни заржали, но как-то не очень весело.

— Ладно, проехали, — сказал я, принимая пакет. — Пересчитывать не будем, верим на слово.

— Ну ладно, давайте, расход, — сказал парень, на котором были Витьковы джинсы. Как мне показалось, сказал со сдерживаемой угрозой.

— Ничего, пусть бесятся, — Витёк радостно тряхнул пакетом, — все равно ничего сделать не смогут. И как быстро Щербатый с ними вопрос решил! Никакой бюрократии, совещаний, согласований! Вчера поговорили — сегодня часики дома! Вот таких людей нужно в руководство двигать! Может тогда и изменится чего-то.

Будет, подумал я. Но вслух ничего не сказал, огорчать моего довольного друга не хотелось. Часов в пакете, который отдали нам Кузины кореша (сам Кузя, по всей видимости, счел ниже своего достоинства унижаться перед малолетками) было тысячи на три с половиной. Почти весь наш основной и оборотный капитал.

— Сегодня минимум две штуки заберут! — хвастался Витёк. — Вечером пойдем к «Строителю» — я там «пассажирам» встречу назначил.

Вечером мы пошли к кинотеатру «Строитель», где все происходило примерно также, как и в школе — простые советские люди подходили к Витьку, договаривались и платили деньги, а затем шли ко мне — за часами «Монтана». В среднем мы продавали по семьдесят рублей за штуку. Чистой прибыли с часов — тридцать пять рублей. Накладные расходы — примерно ноль. Рай для молодого спекулянта.

В тот вечер мы легко и непринужденно продали пять часов, заработав сто семьдесят пять рублей. Примерно месячная зарплата инженера.

Что меня поразило, так это мощь и эффективность «сарафанного радио» в Советском Союзе. Мы не искали клиентов, ни за кем не бегали и никого не уговаривали. Искали и уговаривали нас. Что касается спроса — продать что-либо не представляло проблемы. Мы могли продать буквально все, что угодно. Особенно с импортным лейблом. Советский народ был совершенно не избалован товарным изобилием, а мы — мелкие спекулянты — давали народу возможность какого-никакого, а выбора. Предлагали альтернативу тому, что лежало в свободной продаже — недорого и убого. А молодежь, она на то и молодежь, чтобы нарядиться, погулять, потусить весело, послушать модную музыку...

Отработав, мы пошли в кафе «Мороженное», в котором подавалось, что характерно, мороженное. И там устроили настоящий купеческий загул с крем-брюле и молочными коктейлями. Загул обошелся нам в астрономическую сумму — три рубля. За мороженым обсуждали дела.

— Стабильных поставок нет, — сетовал Витёк. — Ничего не можем контролировать: ни ассортимент, ни количество. Херня, а не работа. Вот часы. Сегодня есть, а завтра нет. И когда будут — неизвестно. Может послезавтра, а может через полгода. Зато есть джинсы. Зимние. «Ливайс». Все размеры. В апреле месяце. А зимой как раз кепочки «Адидас» и маечки «Пума» подъедут — ништяк! Так и работаем...

В общем, день прошел продуктивно. Когда я пришел домой, то имел разговор с маменькой и папенькой. Сначала за меня принялась маменька. Она прочла мне короткую,

но очень эмоциональную лекцию о том, как опасно в наше время гулять допоздна, кругом рыщут маньяки, которым без разницы — мальчик или девочка, и вообще — нужно заниматься учебой, выпускной класс! Я стоически слушал и думал о том, что с маньяками действительно нужно что-то делать. Затем меня на деловой разговор вызвал папенька. Была прочитана лекция на тему «Ответственность выпускника перед собой, страной и будущим». Лекция довольно занудная. Папенька предлагал идти в местный универ. На экономиста («Экономика это, понимаешь, всегда экономика!»). Я сказал, что не возражаю. На самом деле, мне было все равно. Очень скоро все начнет сыпаться и будет совершенно неважно — учусь я на экономическом, транспортном или электротехническом факультете. Сейчас реально важна наша тайная коммерческая жизнь — моя и Вити Пахомова.

В тот день я почему-то долго не мог уснуть. Было так странно... Моя жизнь — настоящая жизнь офисного клерка из двадцать первого века — теперь казалась какой-то ненастоящей и тусклой, фрагментарной и неотчетливой, как наполовину забытый сон. Такое ощущение, что я переставал быть Антоном Ерофеевым, а становился Алексеем Петровым не самом деле.

И еще — у меня так и не появилась цель. Или, если не цель, то хотя бы понимание того — что делать? Понимание того — почему я здесь? Это какой-то глюк Мироздания? Или же, я должен что-то сделать? Стать лучшей версией себя? Спасти Советский Союз? Стать на пару с Витьком олигархами? «Что мне делать?!» — мысленно кричал я куда-то в ментальную пустоту, но пустота молчала. Ей было все равно. Спал я в ту ночь плохо и нервно.

Валера Литвинов был нашим одноклассником. Вообще, как он попал в школу для номенклатуры — никто не мог понять. Кажется, даже сам Валера был не в курсе. Он был из очень простой семьи, его и сестру тянула одна мать-одиночка, работавшая то ли библиотекарем, то ли где-то в архиве на должности пыльной и малоденежной. Избытком карманных денег Валера похвастаться не мог, одевался хуже всех в классе, учился посредственно, в комсомоле состоял рядовым членом, а из хобби у него был только бокс, которым он занимался с раннего детства и вроде бы достиг каких-то успехов. При этом все девушки (ну, почти все...) нашего класса были дружно влюблены в Валеру. Все дело было в харизме. Валера был прирожденным лидером. Вождем. Из него просто перла самостоятельность, решительность, да и вообще — он явно отличался от прочих пацанов из класса. Та самая печать харизмы, которая черт его знает, в чем выражается. В любой другой школе он обладал бы непререкаемым авторитетом. Но не у нас. У нас Валера был королем без королевства. Социальный статус, который в СССР вроде бы и не имел значения, на самом деле имел еще какое значение. Крутые курят «Мальборо», а «Приму» — лохи. Такие дела... Валера, впрочем, вообще не курил. А к своей популярности у девчонок относился философски и никогда ею не злоупотреблял.

Проблема заключалась в том, что Валера Литвинов был влюблен в Юльку Голубеву. И Алеша Петров был влюблен в Юльку Голубеву. Об этом мне, человеку с амнезией, рассказал, конечно же, Витёк. А Юлька Голубева...

Юлька Голубева была звездой. Ее отец был начальником громадного строительного треста. А мать — районным прокурором. В семье Голубевых было две (!) личных (!!)-машины — «двадцать четвертая» черная «Волга» и бежевая «восьмерка». И личный водитель товарища Голубева каждый день останавливал черную «Волгу» у школьного порога, и из роскошного салона выпархивала Юлька Голубева и неспешно, с аристократически

неприступным видом шла через школьный двор. Курилка, таящаяся за углом спортивного зала, завистливо и молча вздыхала. Да и что тут говорить? Подкатывать пробовали многие, но облом и облом... В Юльку Голубеву влюблялись тщетно и бесперспективно, понимая тщетность и бесперспективность и соглашаясь с ними. В нее влюблялись, как в идеальный объект — просто для того, чтобы влюбиться и страдать, взаимодействие с объектом не предполагалось и было даже немыслимо. Я думаю, что если бы Юлька даже и ответила кому-нибудь из претендентов взаимностью, то навряд ли претендент этой взаимностью смог бы воспользоваться. О таком им, претендентам, и подумать страшно было. Сам факт влюбленности являлся прикосновением к чему-то прекрасному и высшему, и этого было вполне достаточно.

— С кем-то она мутит! С кем-то не из школы! — говорил Тарик Кикорашвили — наш самый богатый одноклассник, происходящий из семьи потомственных торговцев мандаринами и цветами. Один из лучших наших покупателей. Потрясающе понтовый парень. Начитавшись о жизни золотой молодежи на загнивающем Западе, Тарик пытался подражать своим заокеанским собратьям по духу. Как Эллочка-людоедка из «12 стульев» подражала Вандербильтдихе. Я лично не видел, но Витёк рассказывал, как Таризэл прикуривал сигарету «Мальборо» от пятидесятирублевки. Большое и шумное семейство Тарика обитало в двухэтажном (!) особняке, обнесенном кирпичным забором. По слухам (которые Тарик не подтверждал, но и не опровергал), в недрах усадьбы Кикорашвили находился гараж, в котором стоял настоящий «Мерседес» в 123-м кузове. Говорили, что отец Тарика купил его у цыганского барона, но ездить опасался — слишком приметная машина, может вызвать вопросы. Так что, спрятанный «Мерседес» был не средством передвижения, а скорее памятником коммерческому успеху Кикорашвили-старшего.

Тарик Кикорашвили был последним, кто пытался подкатить к Голубевой. После него не пытался уже никто, потому что зачем же?

— С кем-то она мутит не из школы, — говорил Тарик, — может с кем-то из старших.

Пацаны согласно кивали и затягивались дорогим американским дымом — если Тарик приходил в курилку, то щедро одаривал сигаретами всех нуждающихся — широкая кавказская натура. Но относились к нему так себе. Примерно, как родовая аристократия относилась к выскочкам-скоробогатеям, сколотившим состояние на торговле рабами и пряностями. Таризэла терпели, охотно пользовались его деньгами, курили сигареты, но и только-то.

И вот, случилось так, что Алёша Петров и Валера Литвинов влюбились в Юлик Голубеву. Влюбились почему-то в одно и то же время, так что острые стадии их влюбленности совпали. Юлька, которой вся эта романтическая свистопляска надоела до чертиков, как водится, послала обоих. Харизма, бицепсы и боксерские навыки Валеры Литвинова ее совершенно не трогали. Равно как не трогали деньги и будущие перспективы мажора Алёши Петрова. В общем, Юля отреагировала на потуги двух соискателей как обычно — с усталой раздраженностью. И Алёша, и Валера ушли в депрессию, как это и полагается в юном возрасте при несчастной любви. При этом, почему-то каждый из них затаил зло на соперника, считая, что ему, сопернику, светят какие-то перспективы с Голубевой.

— Она вас, лохов, обоих послала, — удивлялся и негодовал Витя, рассказывая эту печальную историю любви. — А вы друг на друга ядом дышите.

— Да. — Ответил я задумчиво, — прямо «Санта-Барбара», так ее нафиг...

— Чего? — переспросил Витя.

Ах, да. Любовных сериалов еще не завезли. Народ мучается без мыльных опер. Прозябает без Марии и Марианны. И без рабыни Изауры. Последняя, впрочем, появится вот-вот. Если я, конечно, ничего не путаю.

— Фильм такой, — объяснил я, — американский. Типа как наше «Любовь и голуби», только длинный очень.

— Я говорю, заканчивай херней заниматься, — поучал меня Витя, — любовь-морковь и голуби, вот это все. Делом заниматься нужно. А захочешь любви, если уж так припекло — так вон сколько девчонок нормальных по улице ходит, с нашими бабками каких захотим, таких и выберем! А когда тачки купим, так и вообще! — Покупка личного автомобиля была заветной мечтой Вити Пахомова, Он был довольно скромен в своих мечтаниях — хотел простецкую «восьмерку». Не «Линкольн» и не «БМВ». Но, обязательно чтобы с магнитофоном. Подъехать к дискотеке, чтобы из окон гремела какая-нибудь «Абба» и тогда... И тогда все будет необыкновенно хорошо!

Я послушно кивал, демонстрируя высшую степень готовности закончить заниматься херней и начать заниматься делом. Но возникла одна проблема...

Несколько раз я ловил на себе взгляд Юльки Голубевой. И была в этом взгляде задумчивость и заинтересованность. Большого значения я этому не придал. А зря.

Могу сказать, что всеобщего увлечения Голубевой я не разделял. Мягко говоря, не до того было, да и типаж не мой. Девчонка шестнадцати лет. Выглядит, как полагается, на пару лет старше. Брюнетка. Роста — выше среднего, стройная, глазищи огромные, черные. Одевалась прилично, держалась особняком, училась хорошо, но как-то нехотя. В общем, не героиня моего романа.

И вот, дней через десять после того, как я пошел в школу и более-менее обжился в теле Алёши Петрова, одним прекрасным вечером, когда мы всей семьей смотрели «Следствие ведут ЗнаТоКи», раздался телефонный звонок. Маменька, будучи в нашей семье человеком, ответственным за взаимодействие с телефонным аппаратом, поспешила в прихожую и сняла трубку.

— Алёша! Тебя к телефону!

Я чертыхнулся про себя. Не дадут досмотреть приличный фильм! Теперь я не увижу, как именно Знаменский и Томин прищучит балбеса из хорошей семьи, пошедшего по тропе порока и грабанувшего с подельниками кассу городского универмага — режим паузы пока еще не предусмотрен.

— Де-вуш-ка! — громким шепотом сказала маменька и с многозначительным видом удалилась.

— Алло, — сказал я.

— Привет. — Конечно же, это была она. Юлька Голубева.

— Привет, — сказал я немного растерянно. Я, конечно же, понятия не имел об особенностях взаимоотношения Алексея и Юлии.

Глава 8

— Ты как себя чувствуешь? — спросила она после небольшой паузы.

— Ничего. Врач сказал — осложнений быть не должно.

— А чего не звонишь? — спросила она с вызовом. — Раньше каждый день звонил. А сейчас замолчал.

— Да как-то... — начал я, пытаясь придумать отмазку попримичнее, но она меня перебила:

— Понятно, — и, помолчав, добавила: — А знаешь, ты изменился.

— Это как же? — спросил я заинтересованно.

Она долго молчала.

— Я не знаю. Просто изменился. Какой-то другой стал. А ты сам не замечаешь?

— Может быть что-то такое есть, — сказал я осторожно.

— А вы с Витькой все так же дурью маетесь, — то ли спросила, то ли констатировала она.

— В каком смысле?

— Вся эта ваша коммерция... — Слово «коммерция» она произнесла с чисто аристократическим ледяным величием.

— А может у нас все серьезно.

Она весело рассмеялась.

— Мелкая спекуляция? Только неприятностей наживешь, родителям и себе.

Эх, девочка, подумал я. Пройдет каких-нибудь три года, и моя мелкая спекуляция станет занятием почтенным и уважаемым. А вот трест твоего папы, скорее всего, перестанет существовать. Вместе со всем городским строительством. Но, конечно, ничего подобного я вслух не сказал.

— Спасибо за заботу, — сказал я сухо. — Ты что, об этом поговорить хотела?

— Нет, — сказала она. А потом добавила: — Я рада, что у тебя все в порядке.

После этого в трубке раздались короткие гудки. Вот только всякой романтической чуши мне не хватало, подумал я с досадой.

Больше я не ловил на себе задумчивых и заинтересованных взглядов Юльки Голубевой. Мой друг Витёк, которому я рассказал о произошедшем, очень критично отнесся к нашему с Юлькой разговору:

— Ну и дурак, — сказал он мне, — она же тебе САМА позвонила, понимаешь? Мог бы пригласить куда-то. Бабки же есть! Она же никому никогда САМА не звонила! Хотя, может и правильно, что не пригласил. Начнется эта вся херня — любовь-морковь. Я ж тебя знаю!

— Спасибо, Витя! — сказал я саркастически. — Ты настоящий друг!

— Да ты погоди! — Витя снова начал чего-то соображать и прикидывать. — Значит, к Юльке ты ничего такого больше не чувствуешь? Точно?

— Ничего, от слова «вообще»! — торжественно заявил я.

— Вот и классно! Ништяк! — похвалил меня Витёк. — Это вот от твоей травмы хоть какая-то польза. Хоть немного дури вылетело! Теперь это хорошее дело нужно нам как-то использовать.

— Это как еще?! — удивился я.

— А вот так, — Витя торжественно поднял указательный палец, — предлагаю в наше

движение Валерку подтянуть.

— Зачем?

Витя посмотрел на меня с сожалением и жалостью, словно я страдаю легкой формой умственной недостаточности. А может и не очень легкой.

— Ты же против него ничего не имеешь, в принципе? — уточнил он.

— С чего бы мне иметь против него чего-то? — удивился я. — Пацан как пацан. Нормальный, вроде.

— Третий нужен, — сказал Витя торжественно. — Двое это ни о чем вообще. А трое — уже фирма!

— Организованная преступная группа, — усмехнулся я.

— Только нужно быстро, — сказал Витя. — Сейчас ведь Юлька чего сделает?

— Чего? — не понял я.

— Сейчас она на Валерку переключится — рупь за сто! Вот прям сразу — чтобы ты видел и мучился.

— А... — сказал я безразлично. — Ну тогда ладно. Буду мучиться, чего уж. Раз надо.

— И нам нужно первыми успеть. До того, как Юлька начнет... Понял?

— Чего-то не особо, — сказал я.

Витя тяжело вздохнул.

— Ты, Леха, все-таки тяжело соображаешь теперь. Раньше как-то лучше было. Все же, травма повлияла. Позовем Валерку на разговор. Ты ему скажешь, мол, на Юльку не претендуешь, и что на самом деле он ей нравится. И, типа, попутного ветра пожелать. Без обид и все такое. Можем мировую распить, у меня пиво немецкое есть, баночное.

— А он ей нравится?

— Да похрен. Главное, чтобы он в это поверил. А он поверит, потому что сам от нее без ума. И дальше мы ему предложим с нами работать.

— А он согласится? — усомнился я. — Валерик, вроде бы, примерный комсомолец.

— Куда он денется, с подводной-то лодки? — усмехнулся Витек. — Если к Голубевой клинья бить, то ему бабки по любому нужны будут. У нее представляешь, какие запросы? И вообще, школа кончается, выпускной класс, дальше институт ему светит — какой-нибудь электротехнический факультет. Или транспортный...

— Почему именно транспортный?

— Туда конкурс самый маленький у нас, — пояснил Витёк. — Больше всего шансов проскочить. А к институту тоже приодеться нужно. В школьном костюме идти в институт — не комильфо. Так что, согласится Валерик, некуда ему деваться.

— Ты объясни, в чем нам выгода — его подтягивать?

— Ну смотри, — сказал Витёк терпеливо, — во-первых, полную долю мы ему давать не будем на первых порах. Пусть за зарплату поработает. Все лучше, чем ничего. Во-вторых, помощник нужен. И часть товара у него сможем хранить. У меня уже опасно — предки могут спалить и гараж батин не резиновый. И еще, Валерик же боксер. В случае чего может хорошо ударить. Да еще и своих из боксерской школы подтянуть, если понадобится. Ты думал, Саня Щербатый это на все случаи жизни?

— А разве нет?

— Нет, Лёха. Он сегодня в «Софии» пирует, а завтра в Соликамске телогрейку греет. У них жизнь такая. Нужны запасные варианты.

— Ну ОК, — сказал я. — Все правильно, давай делать, как решили.

С Валерой Литвиновым мы поговорили на следующий же день. Все произошло по плану Витька. Я сказал, что Юльке нравится именно он, Валера Литвинов, и что мешать я не буду. В этом месте Валера просто просиял. Потом Витёк, в сумке которого соблазнительно громыхали банки немецкого пива, предложил отметить примирение. Валерка сначала заотказывался — он спортсмен с режимом питания и все такое, но почти сразу согласился. После первой банки Витек стал раскидывать сети:

— Ты пойми, Валер, сейчас времена такие, что без бабок на тебя ни одна девчонка не посмотрит. Тем более — Голубева. Ты ж знаешь, кто ее предки? Ну вот! А с нами поработаешь — хватит и на кабак, и на цветы. Ты сам понимать должен!

— Я вообще не знаю, — растерялся Валерка, — времени особо нет. Спорт, и к экзаменам готовиться нужно.

— А у нас не завод, — сказал Витёк важно. — Рабочий день не нормированный. Сходить принести, передать, помочь — времени сильно много не займет.

— А менты? — тревожно спросил Валерка.

— Связями с общественностью в нашей фирме занимаюсь я, — сказал я, скромно потупив глаза.

— Лёхин батя прикроет, в случае чего, — подтвердил Витек. — Ты же знаешь, кто у него батя?

— Что-то слышал, — сказал Валерка. — Так значит — фирма?

— Фирма! — торжественно подтвердил Витёк.

— Фирма! — поддержал я.

Вот в этот самый момент наша фирма и родилась. Мы откупорили еще по банке немецкого пива — выпить за будущие успехи нашего бизнеса. Как по мне, немецкое пиво было слишком горьким, но ребята пили с явным удовольствием. Видимо, потому что немецкое. Восьмидесятые годы — преклонение перед импортом достигло исторического максимума.

Одним словом, Валерка согласился работать с нами.

Прошла еще неделя. Я понемногу научился жить в восьмидесятых годах двадцатого века. Не скажу, что это было легко. Жизнь очень сильно отличалась от той, к которой я привык. Отличалась как в лучшую, так и в худшую сторону. К некоторым вещам было привыкнуть сложно. Например, к аристократическому поведению работников торговли и сферы услуг. Клиент начнет становиться всегда правым через год-другой, а пока — всегда прав продавец, таксист, бармен, сантехник, парикмахер. «Вас много, а я одна» — на верность этому девизу, похоже, присягал каждый из этих почтенных людей. Такого зашкаливающего пафоса обслуживающего персонала я не встречал в самых гламурных заведениях двадцать первого века.

Наши советские продавщицы... О! Это были высшие существа! И даже более того — это были высшие существа, хорошо знающие о своем превосходстве и демонстрирующие его каждым движением и словом. Потребитель же является существом низшим, одним своим существованием отвлекающим высших существ. Что самое интересное — деньги для этих высших существ — продавцов и официантов — мало что значили. Даже если ты приходил с большими деньгами, отношение к тебе не сильно менялось. В те прекрасные времена деньги, как я многократно убедился, не были столь уж ценным ресурсом. Гораздо более ценным ресурсом были связи. Или, как тогда говорили, — блат. Советские люди постоянно выстраивали отношения. Отношения необходимо было выстраивать для того, чтобы

получить доступ к необходимым товарам и услугам и с теми людьми, которые эти товары и услуги могли предоставить. Отношения выстраивались с начальником авторемонтной мастерской. С библиотекарем. С сантехником и вообще — с ЖЭКом. С маникюршей. С продавщицей, а лучше — с директором магазина. С портным. Со всеми, чьи услуги могли потенциально понадобиться. Уметь выстраивать отношения — означало уметь жить. И соответственно — наоборот. Те, кто не умели обзаводиться связями, часами стояли в огромных очередях, довольствовались скудным магазинным ассортиментом одежды, неделями ждали жэковского сантехника — одним словом, не были успешны.

Большие начальники выстраивали, конечно, отношения друг с другом. Начальник железнодорожного вокзала мог достать билеты в Крым. В августе. Начальник универмага мог позвонить и сказать, что приехала партия финских сапог или плащей. Директор кладбища мог выделить нормальное место на вверенной ему территории. А мой папенька, например, мог наслать комиссию партийного контроля, а мог и не насылать. Или же, на партийной комиссии нерадивого начальника за одну и ту же провинность могли пожурить по-товарищески, а могли и исключить из партии, что автоматически означало конец карьеры и вылет из системы.

Моя маменька, конечно же, в очередях за вареной колбасой не стояла. Она просто звонила в наш центральный крупнейший гастроном, который так и назывался — «Центральный» и делала заказ. И через некоторое время получала его на дом, с курьером. Маменька умела выстраивать отношения, например, с начальником управления торговли Валерием Александровичем, и поэтому ей не приходилось стоять в очередях.

С нами, мелкими спекулянтами и фарцовщиками, тоже выстраивали отношения. В это поразительное время продавцу не нужно было искать покупателя. Покупателю приходилось искать продавца с нужным ему товаром. Для меня, прибывшего из двадцать первого века, это было каким-то зазеркальем.

Любимым телевизионным зрелищем моих родителей были выступления Петросяна. Я тоже посмотрел пару раз — не впечатлило, как-то очень просто. Безыскусные шутки про невкусную колбасу и пьяниц. Но народу заходило — просто на ура. Простых советских людей беспокоила колбаса, и они охотно смеялись над тем, что сакральная колбаса по два двадцать не имеет вкуса и запаха. Да и Петросян в то время был живой, подвижный, не разведенный и не ставший символом пошлости и безвкусицы. Из прочих зрелищ маменька охотно смотрела музыкальные комедии, а папенька — остросюжетные детективы, впрочем, советское телевиденье баловало зрителей развлекаловкой не так уж и часто. Преобладали программы серьезные — «Сельский час», «Человек и закон», «Международная панорама». Музыка тоже крутилась большей частью не для того, чтобы человек расслабился, но для духовного роста человека. Что характерно, духовно расти под симфонии и оратории советский человек не сильно хотел. Предпочитал чего-нибудь полегче и поритмичнее. Моя маменька, например, любила итальянскую эстраду и имела неплохую коллекцию пластинок с записями Аль Бано, Рикардо Фольи, Челентано, Кутуньо и бог знает кого еще. Папенька был проще в своих музыкальных предпочтениях — любил выступления Кобзона, Пугачевой и даже Валентину Толкунову слушал с искренним удовольствием.

Работать втроем действительно было удобнее. Товарный голод проявлял себя все больше, ассортимент магазинов становился все скуднее, а очереди — все длиннее и озлобленнее.

— Мы, как можем, помогаем нашему государству удовлетворить растущие потребности

населения! — довольно цинично рассуждал Витек после очередного удачного торгового дня. А удачным считался день, в который мы продавали все, что у нас было. Действительно, для бизнеса это были золотые времена. Много денег на руках у населения. Мало товара в магазинах. Лучшее, что может быть — высокий спрос при почти отсутствующем предложении. В нашей общей кассе всегда лежало две-три тысячи — на случай внезапной закупки.

Что касается Валеры, то он очень быстро и органично вписался в наш дружный коллектив. Ему понравилось. Заработать тридцать, а то и целых пятьдесят рублей за вечер было для него чем-то из области фантастики. Боксерские навыки Валеры тожегодились.

Однажды, теплым майским вечером, мы продавали часы около кинотеатра «Комсомолец» компании подвыпивших парней нашего возраста. Электронные часы парням понравились, даже очень. А вот цена в семьдесят рублей их сильно возмутила.

— Семьдесят?! Да я тебя за семьдесят колов прямо здесь отмудохую... — гневно выпалил верзила в линялой кепке. Он источал негодование и пары плодово-ягодного шмурдяка.

— Ваще фарца охренела, — поддержал его товарищ по плодово-ягодному, внешне являвший собой странную смесь гопника и металлиста. — Шкуродеры, мать их! Давить их, козлов!

— За козла ответишь, — вмешался Витек, сообразивший, что расплачиваться за «Монтану» ребята явно не настроены.

— Бери котлы, Серёга, — решительно скомандовал третий, — наглый типок в солнцезащитных очках, который, судя по всему, был в компании за главного. — Ребята нам их подарят. Они же не хотят проблем? Правда, ребята? От потери одних котлов сильно не обеднеете. А то щас все заберем нах. Еще и по чайнику настучим.

На пути у наметившейся социальной справедливости встал Валера. Быстрым, очень точным и почти незаметным ударом в солнечное сплетение он вывел из строя верзилу в линялой кепке.

— Убью! — заорал наглый типок. Он встал в боевую стойку и попытался изобразить какой-то пируэт, подражая то ли Брюсу Ли, то ли Ван Дамму. Валера легонько стукнул его в подбородок, и наглый типок мирно улегся на газоне под ивой.

— Нокаут, — с удовольствием констатировал я.

Гопник-металлист понял, что на халяву разжиться «фирмой» ему явно не светит, и решил со всей возможной скоростью отступить, не принимая бой и бросив поверженных друзей. Мудрое решение.

— Еще увидимся! — крикнул нам гопник-металлист. Наверное, это должно было прозвучать грозно, но вышло скорее жалко.

Увы, социальная справедливость на этот раз не восторжествовала, часы «Монтана» вернулись к законным хозяевам.

— Это, походу, шпана с Фабричного, — сказал Витя озабоченно. — Как бы не было проблем. Соберут кодлу, человек в двадцать...

— Слышь ты, жертва аборта, — обратился я к здоровяку в линялой кепке, который уже начал приходить в себя, — вообще, люди в курсе, что мы тут работаем. Еще раз сунетесь — дернем на разбор, в «Софию». Понял?

Здоровяк издал несколько жалобных звуков, которые должны означать понимание.

— Вот и хорошо, — подвел я итог. — Пойдемте, парни. А то, как бы дружинники не

прицепились.

И мы шли по домам — готовиться к экзаменам, которые были совсем скоро. Родители требовали от меня срочно определиться с будущим вузом, их нервировало мое безразличие к собственной дальнейшей судьбе. Мне же было на самом деле все равно, в какой из институтов поступать. Если поступлю сейчас, то выпущусь как раз в девяносто втором. Прекрасное времечко для инженера. Или учителя истории. Или агронома. Лучше не придумаешь. Так что, подготовка к экзаменам у меня шла по остаточному принципу — почти все время съедала коммерция. А еще я влюбился.

Нет, я влюбился не в Юльку Голубеву. И, раз уж на то пошло, влюбился не я. Влюбился Алёша Петров, только вошедший в пору ранней юности. Вернее — не так. Не сам Алёша Петров. А его организм, доставшийся мне, человеку зрелому, уставшему и циничному. Слишком нормальному для того, чтобы взять и влюбиться в ученицу выпускного класса.

Думаю, что я открыл забавный «эффект попаданца». В нормальной жизни тело зреет вместе с сознанием, не без перекосов в ту или иную сторону, но примерно так. Все более-менее гармонично. А у меня получилось так, что зрелое сознание оказалось в теле, мягко говоря, не совсем зрелом. И это тело жило и функционировало по своим биологическим законам, ровно так, как ему и полагается природой. Сознанию же моему многострадальному приходилось быть не только наблюдателем, но и непосредственным участником всех этих штук, которые выкидывало тело.

Скажу я, попасть в только-только сформировавшегося юношу — то еще удовольствие. Никому пожелать не могу. Полдня ты ходишь в депрессии, а полдня — счастлив каким-то детским и непосредственным счастьем. Эйфория зашкаливает. А потом опять — резко хочется умереть. Иногда захлестывает агрессия так, что хочется всех убить. Ну или на худой конец набить пару рож. Все время хочется жрать! Спать тоже хочется — целый день, но почему-то не хочется спать ночью. Еще ты как-то странно потеешь. А голос твой звучит совершенно по-идиотски. Ну и в качестве бонуса идет прекраснейшая штука — половое созревание. Охрененная история, на самом деле. Особенно, когда у тебя мозги сорокалетнего в теле семнадцатилетнего. Твое измученное сознание дает команду телу — остановись, успокойся, не нужно так! А тело отвечает — иди ты... Лучшая аналогия здесь — потерявший управление автомобиль, у которого ушли тормоза. Он несется куда-то на полной скорости, не разбирая дороги, напролом, тупо потому, что может нестись, движок позволяет и бензина полный бак залит, а несчастный водила крутит бесполезный руль и офигевает от стремительно меняющегося за окном пейзажа. Этим несчастным водилой был, увы, я.

Все началось с вечеринки, которую устроил наш главный тусовщик — Вадик Мушинский. Вадик происходил из семьи ответственных обкомовских работников — не с самого верха областной номенклатуры, скорее из золотой ее середины, но тем не менее, набор номенклатурных благ им полагался. И в этот набор входила, конечно, дача. Государственная, естественно. Предмет гордости и зависти. Собственно, дача представляла собой довольно скромный полутораэтажный домик в живописной местности — до леса десять минут хода, до речки — и того меньше. Родители Вадика, по причине постоянной своей занятости, дачей почти не пользовались, а отпуска предпочитали проводить в ведомственных санаториях. Так что, номенклатурная дача большую часть сезона была к услугам Вадика. Чем пользовались и мы. Не скажу, чтобы часто, но пару раз в месяц там собиралась тусовка — человек семь-восемь. Жарили шашлыки, слушали музыку, пили всякую гадость типа импортных ликеров, собирали грибы, купались, курили — делали все, что полагается делать приличной номенклатурной молодежи.

Завсегдатаями тусовок были мы с Витьком, Тарик Кикорашвили и Жора Петровский, еще двое-трое парней появлялись время от времени. А вот девушки... С девушками было все непросто.

Вторая половина восьмидесятых была временем сравнительно пуританским, несмотря

на запоздалую секс-революцию, заглянувшую в наши края из стран разлагающегося Запада. Невинную эротическую драму «Девять с половиной недель» народ смотрел как жесткое порно. «Интердевочки» существовали, конечно, но, большей частью в местах, простому советскому человеку недоступных — гостиницах, где водились иностранцы, валютных барах и ресторанах. А что касается наших одноклассниц, то они были очень приличными девочками — все. И поехать на дачу с мальчиками было для них... чем-то экстремальным. Впрочем, иногда ездили, но без какого-либо намека на интим. Потусить, потанцевать, выпить ликера, похожего на микстуру от кашля... Инка Копытина — отличница-медалистка, тайком покуривала «Мальборо» и на даче у Вадика иногда отводила душу. И все. Что касается наших пацанов, то они, хотя и осуждали такое некоммуникабельное поведение одноклассниц, но черту никогда не переходили. Сплошное джентльменство.

Однако же, юным организмам было нужно романтики. Чего-то такого, как в «Девяти с половиной неделях» у Микки Рурка с Ким Бессинджер. Короче, нужен был секс. А его не было.

Дела обстояли печально: одноклассницы недоступны, проституток нет, службы знакомств отсутствуют, а до появления «Мамбы» и «Тиндера» ждать еще долго. Дефицит рулит. В свободном доступе нет не только водки, но и секса.

Предприимчивый Витёк установил контакт с пэтэушницами из общаги швейного училища, чем привнес некоторое разнообразие в нашу маленькую компанию. Пэтэушницы были девушками простыми, свободных нравов, они любили иностранную попсу, сигареты «Мальборо» и сладкие ликеры. А поездка на номенклатурную дачу была для них событием экстраординарным. Но даже с простоватыми пэтэушницами дальше страстных поцелуев под звездным небом дело не шло.

— Вы же с нами по серьезному все равно не захотите, — сказала как-то одуревшей от ликеров и возбуждения компании мажоров рассудительная девушка Валя. — У вас институт впереди, и все такое. А у нас — фабрика литьевой обуви. Сами ж должны понимать, не маленькие... Вот залетит кто из нас — чего тогда?

Мажоры пристыженно молчали. Валя говорила страшную правду — про «залет» и последующие перспективы не хотелось даже думать! Так что, тусовки с девочками из швейного общежития желаемого тоже не давали. Но народ все равно продолжал собираться на даче у Вадика Мушинского, потому что — все равно скучно и нечего делать.

Я впервые оказался на этой номенклатурной даче где-то через месяц после «попадания», уже более-менее освоившись в новых условиях. Ехали на пригородном «Икарусе» развеселой компанией — Вадик Мушинский, мы с Витьком, Тарик Кикорашвили, Инка Копытина. И еще — Инкина подруга, Марина. Она была не из нашей школы, а с Инкой их сдружила общая беда — музыкалка по классу фортепиано, которую они ненавидели со всей возможной страстью и были несказанно рады ее завершению. При себе у нас был магнитофон «Весна», полдюжины кассет с модными записями, бутылка ликера «Амаретто», бутерброды с сыром и дефицитной сырокопченой колбасой, которую я терпеть не мог, газировка «Буратино» — все необходимое для счастья нормальным советским подросткам. Витёк украдкой показал мне пачку презервативов, на которой были изображены обнимающиеся силуэты мужчины и женщины.

— Индийские! — похвастал Витёк.

Я укоризненно покачал головой и покрутил пальцем у виска.

— А вдруг! — Витёк был настроен оптимистически. — Вообще, нет женщин, которые

не дают, вот так!

— Не, Вить, — сказал грустно Вадик Мушинский, — дохлый номер! Сам подумай — с кем тут мутить? Копытина — ну ее нафиг. Если что — у нее папа — судья, сам знаешь. Упрячет во глубину сибирских руд, куда ворон костей не доносит, в Севлаг какой-нибудь! Вот там-то ты, Вить, активной половой жизнью и заживешь. В смысле — активно заживешь пассивной половой жизнью, с такой-то статьей. Я ее вообще приглашать не хотел, но что ж делать, если больше не ведется никто? Самим ехать и друг на друга смотреть? Мы даже тех пэтэушниц приболтать не смогли!

— Нудный ты человек, Вадик, — ответил Витёк с горечью. — Умеешь друзей подбодрить в трудную минуту, чего уж... А пэтэушницы — это все херня. Я фишку рублю — сейчас самая тема это неформалки. Те со всеми — направо и налево.

— Это металлистки всякие? — заинтересовался Вадик.

— И они тоже. — Витя назидательно поднял указательный палец. — На «Подснежнике» они тусят — и металлистки, и хиппи, и прочие! Вот где охотничьи угоды!

«Подснежник» — это наша знаменитая городская молодежная кафешка. Открылась как раз незадолго до моего прибытия в восемьдесят седьмой, но уже полюбилась городским неформалам — от панков до любителей восточной философии. Неформальная молодежь устраивала на «Подснежнике» живописные сборища и, если верить молве, нравы у них там были весьма свободные. Милиционеры и гопники смотрели на собирающийся контингент как на свою законную кормовую базу, а «Подснежник» в их представлении был определенно вражеской территорией. Однако так уж вышло, что директором молодежной кафешки оказался бывший афганец, а афганцев в восемьдесят седьмом побаивались и уважали, так что, правдами или неправдами, но «Подснежник» работал вполне успешно и даже в каком-то смысле был олицетворением «поветрия нового времени». Гопники, впрочем, все равно гоняли неформалов при молчаливом одобрении милиции.

— Охотничек, — недоверчиво хмыкнул Вадик. — Видел я этих неформалок, ничего интересного. Все стремные какие-то. Еще наградят чем-нибудь... экзотическим!

— Вайме! — дурашливо сказал Тарик. — Не хочу неформалок! Хочу нормальных девушек! Блондинку и брюнетку! Почему дефицит?! На каком складе хранятся? Как достать?! Ничего не пожалею!

— Вот тебе блондинка и брюнетка, — Вадик махнул рукой в сторону Инки и ее подруги-брюнетки, которые сидели в конце салона и наших разговоров, к счастью, не слышали.

— Вах! — сокрушенно воскликнул Тарик и покачал головой. — Нет, не то пальто! Вообще, с малолетками хуже нет дело иметь. Тем более с одноклассницами, сам знаешь, зачем издеваешься?!

— Хорош вам, мои сексуально озабоченные друзья, — сказал Витёк. — Мы вообще-то отдыхать едем, расслабьтесь и получайте удовольствие перед экзаменами.

— Кто хоть одно слово об учебе заикнется — зарежу! — грозно сказал Тарик. — Вот ты про экзамен сказал и у меня все дрожит внутри и ничего не хочется. В обморок готов упасть, клянусь мамой!

— Ни блондинок, ни брюнеток не хочется? — уточнил Вадик.

— Ничего! — Тарик сделал страшные глаза. — Вот как вы сказали про экзамен — всё! Перед глазами наша классная стоит, с журналом. Говорит: «Кикорашвили, я тебе напишу такую характеристику, что в ПТУ не возьмут! За то что ты, лоботряс и лодырь,пил крове

мою и других учителей все десять лет!»

— Не бойсь, Тариэл, ниче она тебе не напишет, на второй год не оставят, — сказал я. — Всяко сдашь. А потом в институт...

— Пищевой промышленности! — Тарик важно поднял указательный палец. — Будем порядок в пищевой промышленности наводить. Что такое — советскому народу в магазине нету покушать?! Все из-за бюрократии, правильно Горбачев говорит. Надо нормальных людей ставить — едой управлять, едой заниматься!

— Тарик, — встревоженно сказал Витя, — одумайся. У нас и так кризис, жратвы трудящимся не хватает! Куда тебе с твоим аппетитом в пищевую промышленность? Подумай о стране, Тарик! Ты же скушаешь всю пищевую промышленность, до какой дотянешься! Империалистам на радость, Тарик! Какой ты после этого комсомолец?!

Мы заржали на весь автобус. Тарик важно покачал головой.

— Я уже все придумал, — сказал он, понизив голос, — вот, смотрите... Вместо пельменных вонючих, где продавщица все мясо ukrала из пельменей и где одни алкаши собираются, нужно открыть шашлычные и чебуречные. Чтобы сразу и шашлычные, и чебуречные — в одном месте. Не в разных! Это важно, чтобы в одном месте! Понимаете?

— И чтобы сациви там же готовили? — ехидно уточнил Витёк.

— Вах, не смейся! — возмутился Тарик. — Кто у вас здесь понимает сациви? Вот чебуреки и шашлык — хорошо пойдут вместо пельменей. А сациви у вас не понимают.

— Хорош вам, — перебил хозяйственно-экономический спор Вадик, — конечная, приехали.

Мы гурьбой высыпали из автобуса и весело двинули по проселочной дороге. Места здесь действительно были живописные, сплошная пастораль — лесок, луга, речка, чистый воздух — полный набор природных благ для измученного урбанизацией горожанина.

— А здесь красиво. Никогда в этих местах не была, — сказала Марина, оглядывая окружающее благолепие. — А грибы в лесу есть?

— Грибы в лесу есть, — галантно заверил Вадик.

— И даже условно съедобные, — язвительно уточнил Витя.

А Инка Копытина хмыкнула и заявила, что грибы мы точно собирать не будем, мы не пионеры и не пенсионеры!

— Мы здесь по-другому развлекаемся, — сказал Вадик и подмигнул заговорщицки. Марина ничего не ответила, но одарила Вадика озадаченным взглядом.

— Да вы их не слушайте, Марина, — вдруг неожиданно сам для себя сказал я. — Это они шутят, у нас все всегда культурно на самом деле. Все свои, не один год друг друга знаем...

— Ну я-то здесь впервые, — ответила она и улыбнулась растерянно. А я в ту самую секунду заметил, что глаза у нее — небесно-голубые и что она невысказанно похожа на актрису... известную, американскую, блондинку... как ее... забыл же! Вот если ее омолодить до семнадцати лет, то как раз и получится она — Марина.

И еще, я почувствовал, что отягощенный пост-знанием житель двадцать первого века Антон Александрович Ерофеев как-то померк, потускнел, почти стерся, а вот юный обитатель перестроечных времен Алёша Петров вышел на тропу войны.

Гормоны, обреченно подумал я. Здоровый юный организм вырабатывает бешенное количество тестостерона и прочего прекрасного. Но терять самоконтроль нельзя. Ни в коем случае! И тут же подумал о том, что ну его к черту, этот самоконтроль. Я только-только

вышел из подросткового возраста. Мне полагается быть безбашенным, веселиться и не думать о последствиях! Ага, сказал я себе, ты еще влюбись в эту семнадцатилетнюю. Педофил хренов. И влюблюсь, с ожесточением ответил я. Подростки влюбляются — всегда несчастно и глупо. А я чем хуже? Тем, что ты не подросток. Твое сознание — сознание взрослого человека. Да ну? А тело не в курсе! Тело кричит — вот она, влюбляйся немедленно, твое время пришло! Оно меня не спрашивает, понимаешь ты или нет?! Оно действует так, как его запрограммировала природа! А как же твое сознание?! Ведь у тебя есть сознание, чтобы контролировать природные программы! Есть сознание... слушай, иди ты знаешь куда?! Я спокойно жил и не просил, чтобы мое сознание оказывалось в другом мире, в другом человеке! Ты не имеешь права! Ты не такой как эти подростки, ты должен быть ответственным! Ответственным? Я, конечно, постараюсь. Сделаю все, что смогу. А могу я не так уж много. Вот так, раздираемый противоречиями, я опомнился только тогда, когда Вадик сказал, что все, пришли. Я ошарашенно огляделся по сторонам — оказалось, что мы действительно пришли.

Оглядев скромный полуторазэтажный домик, я не смог сдержать улыбки. Что же, номенклатура советских времен особой тягой к роскоши не страдала. По крайней мере, на том номенклатурном этаже, где обитало семейство Вадика Мушинского. Впрочем, для большинства и такой скромный домик — за гранью возможностей, а для номенклатуры — показатель статуса. Как в мое время — пентхаус в элитном комплексе или дворец в соответствующем поселке.

И была вечеринка. С приторным ликером в хрустальных бокалах для шампанского и приторными турецкими шоколадками на закуску. С приторным по-восточному Тариком Кикорашвили, источавшим приторные комплименты нашим дамам, от которых у меня залип фейс-палм. С приторным «Модерн Толкингом» из магнитофона.

— На кой хрен мы сюда приехали, ты можешь объяснить?! — кричал я в ухо Витька, пытаюсь перекрыть сладкоголосых Томаса и Дитера.

— А че такое? — округлил глаза Витек. — Веселись давай. Нормально же сидим! Сейчас вот танцевать...

Веселиться? Танцевать? Ликер определенно не лучшим образом сказался на моих способностях к перемещению в пространстве — то есть, встать-то я мог, но что касается танцев, то тут у меня были серьезные сомнения. Я хотел сказать Витьку, что он дурак. И не лечится. Что лучше учить основные тригонометрические тождества, чем заниматься медленным самоубийством с помощью ликера, «Мальборо» и «Модерн Толкинга». Но не сказал. Потому что мне помешали.

Она подошла ко мне и сказала:

— Пойдем на воздух.

Сказала тихо, но я почему-то услышал, несмотря на гремящий магнитофон. Я поднялся и, почти не шатаясь, двинулся к выходу. По пути отметил, что Витёк уже в дрова, а Вадик с Тариком запивают «Амаретто» немецким баночным пивом, закусывая турецкой шоколадкой. От увиденного мне стало нехорошо, желудок возмущенно заворочался, так что удержать в нем все употребленное мне стоило больших усилий.

На воздухе было лучше, чем внутри. Намного лучше.

Она спросила:

— Ты не куришь?

Я хотел ответить, что нет, не курю, но слова, похоже, застряли где-то в желудке, пришлось отрицательно помотать головой.

— И я не курю! — сказала она удивленно-радостно. — У нас девчонки почти все курят, и в школе, и даже в музыкалке. И учителя тоже. В смысле — женщины. Мужчины — это само собой. А я попробовала раз — вообще не понравилось. Какая-то глупая мода, правда?

Я энергично кивнул.

— Думают, что так они на взрослых похожи! — сказала она возмущенно. — Глупость! И Инна вот курит, хотя и нормальная девчонка. Мы с ней вместе музыкалку прогуливали. А тебя же Алексей зовут, да? Можно просто Лёша?

— Ага, — сказал я. — Можно.

После этого наступило неловкое молчание. В голове у меня не было ни одной мысли, ни единой, только сердце колотилось как сумасшедшее.

— Может прогуляемся? — спросила она. — Так хорошо... Свежо, тихо.

Я издал несколько не очень членораздельных звуков, из которых следовало, что я категорически одобряю идею прогуляться. Тем более, что возвращаться к вечеринке не хотелось от слова «совсем».

Мы гуляли. Разговаривали. Перескакивали с пятого на десятое, как и полагается подросткам. Впрочем, говорила в основном она. Она рассказывала о том, что очень рада — школа заканчивается, музыкалка позади, что впереди институт — родители настаивают на консерватории, а она хочет в педагогический, ей дети нравятся. Но родители — музыканты, семейная династия и все такое. Так что, придется, наверное, в консерваторию.

— А ты куда планируешь поступать? — спрашивает она.

— На экономический, — отвечаю я наобум.

— А потом? На завод, экономистом?

Я усмехаюсь.

— Знаешь, — говорю я, — так далеко я не планирую. Это же пять лет. За пять лет многое может измениться...

— А знаешь, — перебивает она, — ты как-то не очень похож на твоих друзей... Как-то странно...

— Что именно странно? — спрашиваю я.

— Не знаю, — говорит она, — просто ты кажешься другим... Может быть старше... Я сама не пойму. Глупости говорю, да? Это все от ликера, наверное.

— От ликера, — соглашаюсь я.

— У нас многие выпивают, — говорит она растерянно, — особенно на дискотеках, наши мальчишки, не все, конечно, но многие... даже комсомольцы! Только там не ликер, а еще хуже... А потом дерутся, да так жестоко... Однокласснику моему три ребра сломали и голову пробили в двух местах. Ужас!

Мы разговаривали о подростковых пустяках, а вокруг был свежий и теплый майский вечер, и была легкость... и свобода... а еще — ощущение непонятной, но очень красивой тоски, желание того, чтобы это все не заканчивалось, ни в коем случае, но длилось и длилось...

С обсуждения одноклассников мы внезапно перескакиваем на книги Булгакова — она читала «Мастера и Маргариту» и была, конечно, в восторге от книги и еще — от того, что я ее читал тоже... Как жаль, говорит она, что мы это на литературе не проходим, а я отвечал, что нельзя — бог, дьявол и прочая мистика.

— А ты слышал, есть такая питерская группа «Кино»? — спрашивает она, и глаза ее наполняются восторгом.

— Слышал, конечно, — отвечаю я, — там у них солист Виктор Цой. Классная группа.

Так. Здесь нужно быть осторожным. Я не большой фанат Цоя, но знаю, что главные его тексты еще не написаны.

— И «Видели ночь» слышал?

Я киваю и улыбаюсь. Мы, не сговариваясь, хором начинаем орать: «Видели ночь, гуляли всю ночь, до утра-а-а!» Она смеется, и глаза ее горят. Я говорю, что песня очень в тему.

— А «Последнего героя» тоже слышал? И «Восьмиклассницу»?

Я — продвинутый молодой человек, в курсе последних трендов — утвердительно киваю. Слышал, конечно.

Светит луна, мы поем «Восьмиклассницу», а потом она говорит с сожалением, что по телеку такое не покажут. Я загадочно улыбаюсь и говорю, что все может быть.

Затем мы обсуждаем песни «Наутилуса», у них есть целый альбом, из которого я слышал только «Князя тишины». Впрочем, этого вполне достаточно. Акции мои не просто растут, а взлетают!

Мы разговариваем, но слова и их смысл не имеют значения. Имеет значения звук ее голоса, интонации. Я пьян — ее голосом, глазами, майским вечером, луной. Ну и этим проклятым ликером, конечно. Хочется рассказать ей все. Облегчить душу. Но я сдерживаюсь, я обречен сдерживаться, это мое проклятие...

— ...у подруги смотрели фильмы... ты вообще какие фильмы любишь?

— Хорошие, — говорю я автоматически. — «Полицейская академия», «Назад в будущее», «Зубастики», — я пытаюсь вспомнить чего-нибудь из годного голливудского ретро, но голова соображать отказывается категорически. — «Пятница 13», — добавляю с отчаянием в голосе. — И «Индиану Джонса», конечно!

Она смеется.

— Понятно, как все мальчишки... а вот мы с подругой смотрели «Голубую лагуну». И еще «Девять с половиной недель». Это... для взрослых фильмы. Понимаешь?

— Понимаю. — Я улыбаюсь. Такое древнее ретро, почти антиквариат. — Видел и «Лагуну» и «Девять с половиной недель».

— Серьезно? — говорит она и смотрит на меня с удивлением.

А я начинаю тихонько напевать что-то из «You Can Leave Your Hat On» Джо Кокера.

— Потрясающий фильм, — говорит она. — И этот артист...

— Микки Рурк, — подсказываю я.

— Да. Микки Рурк. Он вообще фантастический. Нет, у нас тоже есть классные артисты но это... совсем другое... ты же понимаешь, да?

— Понимаю, — говорю я. — Другой мир. У нас такого нет. Это я очень хорошо понимаю.

Я обнимаю ее за талию.

— А ты классный, — говорит она, и наши лица сближаются...

... потом мы возвращаемся обратно. Искать дачу приходится долго — все номенклатурные домики похожи один на другой. Как счастливые семьи. Но мы все же находим: «Gimme! Gimme! Gimme!» — гремит «Абба» из распахнутого окна.

— Запомнил телефон? — спрашивает она перед тем, как зайти. Я киваю. Запомнил.

Когда мы вошли, нам открылось печальное зрелище. Переполненная окурками пепельница. На столе пустые бутылки, а под столом — смятые пивные банки. После ликера и пива наши друзья решили догнаться «Советским шампанским». Не самое мудрое решение.

Инка Копытина мирно спала на диване — по всей видимости, такой убойной дозы веселья ее организм не выдержал и отключился.

Витёк сидел за столом. Увидев нас, он здорово удивился:

— Лёха?! И ты... и вы приехали?! Вот молодцы! Правильно. А мы здесь... — Витёк осмотрелся по сторонам, пытаясь понять и сформулировать, что же они здесь делают. Но понять и сформулировать, похоже, не получалось.

— А мы — здесь! — подытожил Витёк, придав предложению законченную форму. — И вы — здесь! — Тут Витёк радостно улыбнулся, как человек, решивший сложную и важную задачу. — Мы все — здесь!

Вадим и Тарик лихо, но не очень уверенно отплясывали под «Аббу». У Тарика получалась какая-то модернизированная лезгинка, а Вадим изображал нечто плавное и восточное, при этом, ребята изо всех сил старались сохранить равновесие и не на жизнь, а на смерть боролись с бездушной земной гравитацией. Очень жаль, что видеокамеры в те славные дни не получили массового распространения! Если бы заснять танец моих одноклассников и выложить в сеть в мое время, то миллионы просмотров были бы гарантированы железно, а видосик стал бы вирусным.

Мы с Мариной долго смеялись, и потом она сказала, что хорошие у нас все же ребята. Я согласился. Хорошие ребята, тем временем, устали танцевать и Тариэл категорически потребовал еще шампанского. Наверное, возомнил, что находится в ресторане. Я попытался вернуть заблудшего одноклассника с небес на землю и строгим голосом напомнил ему, что в стране объявлен сухой закон, а он, Тариэл, — комсомолец, дававший соответствующую клятву. Тариэл выслушал нотацию очень скептически, а когда я закончил — выругался на двух языках, причем, слово «перестройка» так и не смог произнести ни на одном, хотя и пытался несколько раз, добравшись в самой удачной попытке до третьего слога. Впрочем, Тарик не растерялся, а смело заменил его наиболее подходящим по смыслу коротким синонимом — «х...я».

Натанцевавшись, мои друзья начали засыпать и делали это в наименее подходящих для отдыха местах — Витя уронил голову на стол, Тарик пристроился на украшенном восточными узорами ковре, а Вадик попытался отыскать диван, но не преуспел в этом и покорился судьбе возле входной двери.

Мне, как наиболее трезвому, пришлось раскладывать одноклассников по кроватям. Марина задремала в стареньком велюровом кресле, а вот мне не спалось — я вышел на улицу и присел на неудобной садовой скамеечке без спинки. Здесь-то меня и накрыло, эмоциональным качелям надоело лететь в сторону позитива и они, как полагается, обрушились в негатив.

Я чувствовал себя... абсолютно чужим. Вокруг был чужой мир, живущий плохо или хорошо, но по своим законам и правилам. А я — нарушение этих законов и правил. Я неуместен. Меня не должно здесь быть. И вообще, кто знает, к каким катаклизмам может привести сам факт моего здесь существования. Мне вспомнился рассказ Бредбери о путешественнике во времени, который раздавил бабочку в эпоху динозавров. Так вот, каждым своим словом и действием я давлю бабочку. Совершаю то, что определенно отклонит будущее. И чем масштабнее будет моя деятельность, тем больше будет отклонение. От этого просто голова шла кругом и очень сильно хотелось обратно, в суматошный и безумный двадцать первый век. К интернету, смартфонам и торговым центрам. Впрочем, во всем был виноват проклятый ликер...

Утро, конечно, было тяжким. Мои похмельные друзья были угрюмы и молчаливы, они в огромных количествах поглощали воду и жевали жвачку «Дональд», несколько упаковок которой взял с собой предусмотрительный Витёк. Более-менее прилично чувствовали себя я и Марина.

— Нет, ну что это за отдых? — сетовал Вадик. — Отдыхали, отдыхали вчера, а сегодня не помню ничего, только башка раскалывается...

— А все потому, что вы, русские, не умеете пить, — назидательно сказал Тарик. — Пить — это искусство! Как балет — «Лебединое озеро» танцевать. У нас на Кавказе с детства учатся! А у вас... — Тарик махнул рукой.

— Ох, Тарик, — поддел я приятеля, — а кто под утро еле до туалета добежал шайбу метать, эксперт ты наш кавказский?

Тарик снисходительно покачал головой.

— Это все от того, что пьем всякую дрянь! Нормальный человек от такого вообще помирает. Это мы — мутанты!

— Сухой закон, — вздохнул Вадим.

Похмельное утро мы провели, приводя в порядок дачу — Вадик боялся, что в любой момент могут нагрянуть родственники, а у нас тут бордель и кабак.

Еще, утром я увидел Марину. Я думал, что за ночь все пройдет и то, что возникло у меня во время прогулки — исчезнет, выветрится, как ликерные пары. Но оно не исчезло, не прошло.

— Я позвоню, — сказал я ей, улучив момент, когда все были заняты сборами.

— Буду ждать, — ответила она.

На обратном пути мои одноклассники были молчаливы, а вот я чувствовал себя очень даже неплохо.

Следующий день оказался тоже праздничным. У моих родителей, оказывается, годовщина свадьбы, маменька организовала небольшой фуршет на дому с избранными приглашенными. Папенька недолюбливал шумных и многолюдных застолий в ресторанах, поэтому решили отметить дома — по-семейному и тихо. Приглашены были самые близкие знакомые — ответственные работники среднего калибра с супругами, давние друзья семьи. Единственная кандидатура, которая вызвала у родителей разногласия — это Валерий

Александрович Герцин, начальник управления торговли в исполкоме.

— Опять этот торгаш, — морщился папенька. Он, как истинный партийный аристократ, недолюбливал причастных к торговле людей, считая их всех поголовно жуликами. Впрочем, не без основания.

— Валерий Александрович — порядочный человек. Честнейший! Интеллигентнейший! — отвечала маменька и в голосе у нее звучал металл.

— Ну как его звать?! Мы же пригласили Николая, а Николай его терпеть не может! И Григорий Степанович его недолюбливает! — взывал к здравому смыслу папенька.

Николай Николаевич был начальником городской милиции и действительно недолюбливал начальника управления торговли. И тоже не без оснований. Валерий Александрович даже не старался скрывать растущее свое благосостояние. Или, может быть, скрывать старался, но благосостояние росло такими ударными темпами, что скрыть это было действительно непросто. При этом, Валерий Александрович был искуснейшим дипломатом, прирожденным царедворцем, умевшим произвести самое лучшее впечатление, он был вхож в самые высокие кабинеты и даже на семейные праздники первых лиц города и области, так что Николай Николаевич со своим праведным гневом был бессилен. Номенклатура нуждалась в Валерии Александровиче, волей-неволей прощая ему мелкие и не очень грешки. Одним словом, маменька победила, начальник управления торговли на наш семейный праздник был приглашен.

Валерий Александрович пришел ровно в шесть, как и было назначено, причем пришел с помощником, груженным сумками. Выглядел Валерий Александрович весьма поджентльменски — был моложав и приятен на лицо, судя по осанке — явно занимался спортом, роскошный светлый костюм сидел на нем великолепно, и вообще — он больше был похож на кинозвезду, чем на торгового начальника. Валерий Александрович принадлежал к мощному номенклатурному клану — его тесть был директором крупной автобазы, теща — заместителем директора завода, а жена формально занимала какую-то мелкую должность в общепитовском тресте, но по слухам — занималась делами за гранью закона — валюта, золото, камешки и прочее прекрасное.

На праздник народу собралось порядочно — человек двадцать. Все ответственные работники были, как водится, с супругами, кроме милицейского полковника Николая Николаевича, супруга которого подхватила грипп. Я вежливо раскланивался со всеми гостями, которые — все как один! — удивлялись тому, как я вырос и спрашивали — куда я собираюсь поступать. Я, потупив глаза, говорил истинную правду — что еще думаю.

— Ох, Алексей! Плюнул бы ты на это дело — институты, факультеты! Шел бы сразу в армию. А после армии — к нам! Нам такие орлы нужны — ну просто позарез! Мы вот университетов не кончали. У нас университеты были такие, что... — толстенький добродушный на вид коротышка в сером костюме-тройке и с явными признаками алкоголизма на лице не стал рассказывать, что там у него были за университеты, потрепал меня по плечу и отправился к столу. Как я выяснил впоследствии, добродушный коротышка оказался представителем госбезопасности и давним, чуть ли ни школьным, приятелем отца.

Что касается праздничного нашего стола, то по меркам времени, из которого я прибыл это был вполне обычный стол. Но для конца восьмидесятых стол был, конечно, шикарен. Копчености, балыки, два (!) вида сыра, бутылки с молдавским коньяком «Белый аист», грузинская «Хванчкара», советское шампанское — все от щедрот начальника всея торговли. Котлеты по-киевски, мясо по-французски, салаты — это великолепие привезли из «Софии»

— самого большого и популярного нашего ресторана. Оттуда же прибыл и громадный пражский торт. Любители экзотики могли побаловать себя бананами, целая связка которых желтела на блюде, и даже фантастическим совершенно ананасом.

Гости приходили с цветами и подарками, которые меня, признаться, совершенно разочаровали. Какие-то безвкусные сувениры в антураже соцреализма и книги. Впрочем, по всей видимости, скромность подношений была регламентирована внутренней номенклатурной этикой.

Официально праздник начался, когда прибыл непосредственный начальник моего папеньки — первый секретарь горкома партии Григорий Степанович Бубенцов с супругой, естественно. Он торжественно вручил папеньке бронзовую статуэтку молотобойца, обнял сначала маменьку, а затем папеньку и, исполнив все полагающиеся формальности, чинно двинулся к столу. Производил Григорий Степанович впечатление человека в высшей степени солидного и представительного. Он был высок, полноват, одет в очень приличный, определенно на заказ сшитый, костюм, говорил мало, но веско, поздоровался за руку только с кбшником и милиционером, а остальным гостям досталось лишь официальное «Здравствуйте, товарищи!». В общем, товарищ Бубенцов стал для меня олицетворением сферического в вакууме начальника.

Праздник начался. Меня, конечно, отправили в свою комнату, потому что неприлично молодому человеку сидеть за столом, где пьют спиртное. Эх, знали бы мои родители о том, как весело их сын провел вчерашние вечер и ночь...

Мне, конечно, было очень интересно узнать — о чем и как общаются в непринужденной обстановке сильные мира сего, так что я не стал закрываться в своей комнате, как это сделал бы любой нормальный подросток, а затаился в коридоре, откуда было все довольно неплохо слышно.

В начале все было очень чинно, прилично и почти официально. Звучали тосты за супругов, которые вместе уже столько лет — отдельно за каждого и за обоих сразу, за семью вообще, которая — крепкий тыл, за дальнейшие свершения на семейном фронте и тому подобное. Разговоры начальники вели самые обычные, застольные, в основном одаривали комплиментами виновников торжества.

Где-то после пятого тоста языки у гостей развязались. Так, товарищ Бубенцов сообщил, заговорщицки понизив голос (мне приходилось вслушиваться!), что у Ивана Ивановича — неприятности. И что большой вопрос — усидит ли Иван Иванович.

Иван Иванович Сысоев был первым секретарем обкома, фактически — полноправным хозяином области. Я читал о нем в местных газетах, еще будучи Антоном Ерофеевым, и вспомнил, что его действительно сняли примерно в это время, вот только за что — вспомнить не мог. В девяностые годы Иван Иванович попытался «сходить в политику» — то ли в мэры, то ли в депутаты, но ничего у него не вышло, успешно конкурировать с молодыми и голодными претендентами он, похоже, уже не мог.

Немного позже я узнал от маменьки, что за всемогущим Иваном Ивановичем действительно обнаружились серьезные косяки. И даже не за ним самим, а за некоторыми его подчиненными, обкомовскими работниками разного уровня. Вернее — за их великовозрастными детишками-студентами. Детишки, то ли от скуки, то ли от вседозволенности, начудили. Организовали тайную организацию — клуб поклонников Адольфа Гитлера. И было у них там весело — чтение самиздатовской «Майн кампф», эсэсовские руны, кожаные плащи «под гестапо», железные кресты вместо комсомольских значков и даже факельное шествие на территории городской свалки — в честь дня рождения любимого вождя. Конечно же, никакой тайной организации у балбесов не вышло, им даже накосплестись толком не дали — тайное быстро стало явным. Разразился скандал — подковерный, но очень неприятный для обкома, о произошедшем узнали в самой Москве. Делу, конечно, серьезного хода не дали, несмотря на гласность, несостоявшихся наци турнули из института и комсомола — кого в армию, а кого — в психдиспансер, родителей тоже турнули с насиженных мест, с понижением. Дошло до того, что под самим Иван Ивановичем зашатался трон — ему предъявили развал работы с кадрами. И вот, областная элита была озабочена возможными кадровыми изменениями и перестановками.

— Ждут комиссию из ЦК...

— Первого, говорят, в августе в отпуск, а после отпуска — на другую работу, каким-нибудь заводом руководить...

— Да, упустили мы молодежь... Упустили!

— Много позволено стало, перестройка эта... — недовольно гудел товарищ Бубенцов.

— Ходят, патлы отрасли, не поймешь — девка или парень!

— Раньше бы, при Леониде Ильиче, обрили бы прямо в отделении, да пятнадцать суток!

— Глава городской милиции Николай Николаевич был суров и тосковал о прошлом порядке.

— Валерий Александрович, говорят, у нас стенки завезли югославские?

— Если первый уйдет, кто же будет? Боже сохрани, чтобы не Аржанов!

— Имеется Югославия, как ни быть, Юрий Петрович, дорогой! Вы скажите, вам в каком часе удобно, чтобы привезли?..

— Ни в коем случае нельзя, чтобы Аржанов... Тогда нас всех... Фанатик!

— Инквизитор!

— И дурак. На Горбатого молится.

— Ах, Валерий Александрович, что бы мы без тебя делали!

— Есть на него что-нибудь? Илья Константиныч, ты чего молчишь? Захмелел, что ли?

Есть у твоего ведомства на Аржанова материалы? Должны же быть!

— Говорят у него там... Короче, на сердечном фронте. Моральный облик! А реальные вещи — у Николая должны быть...

— С секретаршей, говорят? Это хорошо, конечно. Но мало. В таком кто не грешен...

— Петя, ты чего?! — раздается возмущенный женский голос. — Что такое говоришь, да еще при людях?!

— Наташа, да успокойся! Ну сказал человек не подумавши (молчи, Петя!), ну что ж теперь! — вступила в беседу маменька.

Неизвестный мне Петя чего-то примирительно и неразборчиво бубнил.

— И вообще, — негромко, но веско сказал кто-то, — дорогие дамы, не могли бы вы нас оставить? Нам тут некоторые скучные вещи обсудить надо.

Маменька зашебетала чего-то, и дамы небольшой, но шумной толпой проследовали в ее комнату.

— Товарищи, ну что вы, в самом деле! Давайте поднимем бокалы!

— Тост! Товарищ Бубенцов! Григорий Степанович! Просим!

— Кгм... Этот бокал я хочу поднять за всех нас, товарищи! И за нашу дружбу! Чтобы мы, как в том фильме... помните, товарищи? Мушкетеры! Один за всех и все за одного! Стоять друг за друга! Насмерть! Как под Москвой в сорок первом!

— Браво!

— Прекрасный тост!

Звон бокалов и небольшая пауза. А потом чей-то вкрадчивый голос сказал задумчиво:

-... и уж если Иван Иваныч уйдет... как ни жаль — хороший человек и честный партиец!

... то лучшей кандидатуры т у д а, чем наш Григорий Степанович и не найти! Нет, не найти!

Григорий Степанович что-то довольно загудел в ответ, я не смог разобрать — что именно.

— А с Аржановым нужно решать вопрос, товарищи. Николай Николаевич! Коля! Ну рассказывай!

Милицейский начальник шумно откашлялся.

— Там есть еще по линии ОБХСС... Колхозы заказывали наглядную агитацию... у какой-то артели. У частных. По звонку из отдела агитации и пропаганды — чтобы только у этой артели заказывали.

— Отлично! — с восторгом в голосе заявил кто-то. — Это уже серьезно, товарищи, это не шуры-муры с секретаршей!

— Те артельщики набрали заказов тысяч на двести... А работы там, наши эксперты говорят — много если тысяч на шестьдесят.

— Значит, почти полтора ста тыщ в карман?! Ловко! — изумился мой папенька.

— Но это, товарищи, информация, так сказать, с колес. Его причастность еще доказать нужно, — сухо сказал Николай Николаевич.

— Так доказывай, Коля, елки зеленые! — обрадовался папенька. — Пусть эти артельщики показания дадут — так и так, делились с отделом агитации, под их покровительством! Главное, чтобы протокол был! Сам знаешь!

— Да знаю я, — мрачно отвечал Коля, — но и ты, Володя, пойми — мне уже из прокуратуры звонили, мол, что за репрессии, подавление частной инициативы? А прокурор у нас — такое... Ежовщину, говорит, развел...

— Да-а... — мрачно протянул папенька.

— А вообще, товарищи, — вкрадчиво сказал Владимир Александрович, — в обком сейчас плевать нельзя. Даже в Аржанова. Потому что любой плевков в обком — это лично в Иван Иваныча плевков. А может он усидит еще. Мы ж не знаем точно!

— Торговля дело говорит, — согласился товарищ Бубенцов. — Тут нужно осторожно работать! Ювелирно!

— В общем, товарищи, предлагаю таким образом, — сказал папенька, — ты, Коля, крутись как хочешь, но чтобы показания от этих артельщиков были. Ход им пока давать не обязательно, пусть будут в качестве страховки. Не пригодятся — и хорошо! Но думаю, что пригодятся. В общем, не нам тебя учить. И в газете нужно тиснуть статейку — мол органы разоблачили расхитителей, многие тысячи ущерба... Сейчас о мафии любят говорить — вот вам мафия! Спайка жуликов и ответственных товарищей. Без имен, без имен! Сделаем статейку, Петр Васильевич?

— Это легче легкого, — отозвался совсем хмельным голосом Петр Васильевич, — спасибо гласности — матери нашей!

— Ну вот и славно, — подвел итог товарищ Бубенцов, — тогда давайте, товарищи, еще по одной, и позовем дам, а то они заскучали, наверное...

Я переваривал полученную информацию. Значит, трон под первым секретарем обкома шатается. И если рухнет, то весьма вероятно, что его займет некий Аржанов, которого мой папенька и его друзья терпеть не могут. И у которого рыльце, некоторым образом, тоже в пуху. Еще бы — урвать сто пятьдесят тысяч на одной только наглядной агитации! Нашей мелкоспекулянтской братве такие доходы и не снились! И вот, горьком начинает боевые действия против обкома. Очень интересно, но не очень понятно — чем дело кончится. Я пошел на кухню заварить чай и заодно послушать, о чем судачит в маменькиной комнате женская половина собравшихся. Там все еще успокаивали Наташу — супругу Петра Васильевича, который, как выяснилось, не считает супружескую измену чем-то слишком предосудительным.

— Нет, он пьяный только правду и говорит, — всхлипывала Наташа, — из трезвого из него слова не вытянешь! Молчит как суч!

— Вот говорят — номенклатура, номенклатура! А Серёжа день и ночь на работе! В шесть утра уже на ногах, в одиннадцать домой приезжает! На нем лица нет... Номенклатура! Да мы без отпуска четвертый год. Уже заговариваться начал!

— А у моего язва. Третий год в отпуск не идет — стройки, планы... Заседания! Ему воды надо пить, а он коньяк хлещет.

— Допинг... У моего то же самое. А у самого — гипертония.

— Дочь без отца растет... отец все заседает! Я ему говорю — ты заседай — не заседай, никто спасибо не скажет!

— Так что ты, Наташа, успокойся. Работа у них — сама знаешь!

— Все говорят — номенклатура! Привилегии! Да я когда крановщицей работала, так себя человеком чувствовала! А сейчас я кто?

— И не говорите, Елена Сергеевна! Меня с преподавательской работы и отпускать не хотели, а студенты просто плакали. И вот, в профкоме сижу, как дура распоследняя! Глаза б мои не видели этот профком! В лицо-то все улыбаются, а уж за глаза... Знаю!

— Машины, говорят, у нас государственные! Да он за мной машину сроду не присылал — сплетни, говорит, пойдут! Сама сумки тягаю... Номенклатура! В очередях не стою, правда, спасибо Валерке...

— Валерий Александрович просто маг и волшебник! — с восторгом в голосе сказала маменька.

— Ты, Тоня, осторожнее с ним! Соблюдай дистанцию, что ли... — сказала супруга кгбшника. — Он торгаш — продаст и купит.

— Ну что вы, Елена Сергеевна, как можно...

— А вот так. Его предшественник, Михаил Семенович, знаешь где?

— ...

— Вот то-то. А предшественник предшественника Прохор Митрофанович? Тоже. А он, между прочим, боевые ранения имел, ордена. А на суде плакал, боялся, что «вышку» дадут. Пожалели, «червонец» припаяли. Смотри, Тоня, осторожнее. Это должность такая, оттуда на пенсию редко уходят. Все больше — куда Макар телят не гонял. И ладно если сам туда уедет, так он же и других замарает и за собой потянет.

— А говорят, Валерий Александрович — подпольный миллионер... — Плачущая Наташа наконец успокоилась и включилась в увлекательное обсуждение.

— Говорят, что кур доят... — хмыкнула жена кгбшника. — На такой должности имеют столько, сколько захотят. Вообще, на кой черт ему резанная бумага, если он и так всей торговлей областной рулит? Сортир ими обклеивать? Но мужик, конечно, зажиточный, спорить не о чем... Вот «стенку» вам завтра привезут от него, югославскую?

— Привезут, — довольно сообщила Наташа.

— Еще, небось, заплатите полную стоимость?

— Госцену заплатим. А как иначе? — удивилась Наташа.

— Ой, девки, девки... — жена кгбшника тяжело вздохнула. — Закурю я. С вами как не закуришь?.. И вроде все вы должны понимать, давно в этой каше варитесь... А нету у вас понимания!

— А я думаю так, — сказала одна из жен, — если даже мой и гуляет — ну что же! Не монах какой, мужик самый обыкновенный, хоть и при должности — все они такие! Главное, что он все в дом, а не из дома. И что не знает никто.

— А я в своем уверена, — сказала маменька, — вот уже сколько лет вместе — никогда чтобы от него духами там пахло... Или по телефону чтобы женский голос незнакомый — никогда! Столько лет вместе, с общаги начинали, сына подняли!

— Алёшка твой уже жених! — отнеслась на мой счет одна из дам. Я наострил уши.

— Гляди, Тоня, приведет тебе невестку...

— Да брось, — маменька рассмеялась, — чтобы Алёша с девицами... Рано ему еще. Все музыку слушает, да с другом своим, Пахомовым, гуляют.

— Рано... Они сейчас все ранние! Нужно глаз да глаз!

— А Пахомов — это Пахомова Аркаши сын?

— Его, — подтвердила маменька, — одноклассник моего Лёшки. Парень вроде бы серьезный, ни в чем таком не замечен...

— Тоже торгашеское семейство, — мрачно сказала жена кгбшника. — Вот тянет вас к этим... Говоришь вам, говоришь — как об стенку горох...

— Дамы, дамы! — раздался голос папеньки. — Что же вы спрятались, давайте все к столу, мужчины скучают!

Дамы охотно покинули маменькину спальню и присоединились к супругам, которые, нужно сказать, были уже изрядно во хмеле, но требовали продолжения банкета. И банкет продолжился, а я отправился спать — время было уже позднее, да и как-то устал я. Какое-то похмелье на чужом пиру второй день подряд.

А на следующее утро я не выдержал и позвонил ей. Марине. Очень не хотелось нарваться на ее родителей (о мобильная связь! как долго же тебя еще ждать!), но мне повезло — трубку сняла она, почти сразу.

— Привет! — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно бодрее и непринужденнее. — Узнала? Это Лёша.

— Ой, привет! — она кажется тоже растерялась немного. — Как дела, чем занимаешься?

— Ничем особенным. Вот, хотел спросить — может вечером погулять выйдем? Ты не очень занята?

— Погулять?.. — она задумалась на несколько секунд. — Вообще, можно и погулять.

— Отлично! — обрадовался я.

— В «Комсомольце» фильм новый идет. «Человек с бульвара Капуцинов». Говорят, неплохой. Может сходим?

— О чем разговор! На вечерний сеанс?

— На вечерний. Только билетов может не быть... Сегодня же воскресенье.

— Разберемся! — Я решителен и тверд.

— Ну... хорошо. Значит, в половину восьмого у «Комсомольца»?

— Буду ждать! — сказал я.

Билетов действительно не было. На кассе было написано совершенно конкретно: «Билетов нет!». Но что нам касса? Билеты в неограниченном количестве были в наличии у проницательных подростков лет тринадцати-четырнадцати, которые сновали у входа.

— Эй, пацан! Лишний билетик найдется? — спросил я юркого парнишку в джинсовой бейсболке.

— Найдется. Полтора рубля.

— Давай парочку!

Пацан с некоторой картинностью огляделся по сторонам — нет ли опасности, и протянул мне два билета.

— Места хоть нормальные?

— Девятый ряд, — деловито сказал пацан. — Но если нужно, то сделаем и повыше.

— Годится девятый ряд, вот, держи, — я дал ему трешницу. Мальчонка поднимает по рублю чистой прибыли с билета. Олигарх будущий, не иначе! Да, растет смена.

— Вот тебе еще бонус, — я протянул пацану завалившуюся в кармане жвачку.

— Ого! «Дональд»! — удивился пацан. — Мы такие у цыган на центральном рынке берем! Клевая жева!

— Ага, — беспечно сказал я. — Жуй на здоровье!

Пацан благодарно кивнул.

— Если когда билет понадобится — сразу ко мне обращайся! — важно сказал он. — Я здесь всегда по вечерам тусуюсь. Если не найдешь — спросишь Витяя, меня тут все знают.

— А не боишься, что менты в отделение дернут? — спросил я.

— Та... — Витяй лихо сплюнул в кусты. — Был я там, ничего особенного.

— Так в школу же сообщат! — делано удивился я.

— Ну сообщат, к директору вызовут, — тоном бывшего рецидивиста стал растолковывать мне элементарные вещи Витяй. — Ну поругают там — ты же пионер и все такое... Но из школы не выгонят, все равно! Восемь классов по любому дадут закончить!

— А родители?

— А чего родители? Отца нет. А мать...

— Понял, — сказал я. Действительно, чего тут непонятного? — Ладно, Витяй, не буду отвлекать. Удачи, давай!

— Пока! Побегу дальше работать! — Витяй явно был польщен вниманием. Да и жвачка определенно пришлась ему по душе. Что же, я встраивался в общество позднего СССР. Отношения рулят. Деньги вторичны, отношения первичны. На них держится буквально всё.

Перед кинотеатром собралась порядочная толпа — люди всех возрастов пришли воскресным вечером посмотреть новую комедию. Могу сказать, что такого столпотворения в наше время я не видел даже на премьере «Аватара». Я усмехнулся тихонько. В нашем двадцать первом веке у каждого пара сотен каналов в телеке. И еще — интернет, в котором вообще всё. И как часто при этом наши люди двадцать первого века говорят: «Нечего смотреть!». Это «нечего смотреть» в восемьдесят седьмом для меня заиграло совершенно другими смыслами и означает в переводе на человеческий язык следующее: «мы обожрались контентом, нам все приелось и надоело, от всего тошнит, у нас информационное несварение». А вот в восемьдесят седьмом «нечего смотреть» означало буквально — нечего смотреть. «Сельский час» и программа «Лейся, песня». А если уж очень повезет — телевизионный художественный фильм. Какой-нибудь.

Ожидая Марину, я рассматривал собравшихся. Советские люди воскресным вечером на расслабухе. В одежде — полный демократизм. Рулят джинсовые и спортивные костюмы, как по отдельности, так и в различных сочетаниях. Это у молодежи — эклектика, яркие и кричащие цвета, немыслимые прически... Некоторые модники выглядят так, словно идут не в кино, а на рок-концерт. На них искоса посматривали ребята в спортивных костюмах. Взрослые большей частью одевались без особой претензии, каждый руководствовался своими возможностями и представлениями о прекрасном. Лично я был одет по местным меркам вполне прилично — джинсы и куртка «Рэнглер», японские кроссовки на липучках и конечно пресловутые часы «Монтана» — куда ж без них! Еще я решил, что выпендриваться так выпендриваться и надел фирменную «металлистскую» футболку «Iron Maiden» с молниями и черепом. Прикид мой тянул где-то на три зарплаты рядового советского инженера.

Советские люди были живыми и непосредственными. Иногда даже слишком непосредственными. К чему я долго не мог привыкнуть, так это к полному отсутствию понятия «дистанция». Практически везде — в магазине, транспорте, ресторане, школе. Все вплитык, вплотную, спина к спине или носом в чей-то затылок. Могу сказать, что пробовал поговорить об этом со сверстниками — меня просто не поняли. Разные культурные коды, фиг ли. Попал, называется, из царства индивидуализма в царство коллективизма. Проблема отсутствия дистанции поднимала еще одну серьезную проблему — запахи. В плане запаха, как и в случае с одеждой, царил полный демократизм. Каждый пах так, как хотел — кто-то естественным образом, а кто-то маскировал телесные запахи «Тройным», или «Шипром», или какими-нибудь убойными для всего живого женскими «духами». Мне в этом смысле повезло — в номенклатурном нашем семействе имелась коробка с югославскими дезодорантами, которыми пользовались и я, и родители. И еще один не самый лучший признак того времени — повсеместное курение. Народ курил не только в местах для курения. Народ курил везде, кроме, наверное, общественного транспорта и магазинов. И народ курил отнюдь не только лишь «Мальборо» и «Сейлем». Народ курил «Приму» и «Ватру». «Беломор». «Казбек» и «Наш марку». Непривыкшего человека, а я как раз был таким — непривыкшим, по первому времени просто вштыривало. Першило в горле и кружилась голова. Но я быстро адаптировался. Больше всего мне, конечно, не нравилось курение в системе общепита. Но тут уж ничего не поделаешь.

— Привет! — сказала она, неожиданно появившись откуда-то сзади. — Ну что, взял билеты?

— Все нормально, — сказал я важно. — Пойдем, через пять минут начинается.

— Надо же, — улыбнулась она, — а я думала — не попадем. Вон сколько народа!

И мы пошли смотреть «Человека с бульвара Капуцинов» — лучший блокбастер восьмидесят седьмого года. Я смотрел его раз десять, если не больше, но почему бы и не посмотреть в одиннадцатый? Тем более в такой компании, а сам фильм — очень даже приличный. И вообще, это мой первый поход в кино с тех пор, как я здесь очутился...

Конечно, кинотеатр «Комсомолец» было не сравнить с нашими кинотеатрами с их 3D, цифровым звуком, кафетериями, кондиционерами, попкорном, гонконговскими вафлями и итальянским мороженым. «Комсомолец» был, как и полагается комсомольцу, аскетичен и

прост. Никаких излишеств! Из развлечений только игровой автомат «Морской бой», облепленный мелкими пацанами. 15 копеек за игру полминуты, между прочим. И общественный туалет. Больше никаких развлечений для почтеннейшей публики не предполагалось. А предполагалось, что если ты пришел в кино, то смотришь кино, а не жрешь поп-корн и гонконговские вафли.

Что касается кинозала, то особым комфортом он тоже не отличался. Коллективизм рулил даже в мелочах! Если сидящий впереди зритель высокого роста, то значит тебе не повезло. Вместо части экрана будешь наблюдать его затылок. А если сидящий слева или справа чуть шире, чем это предусмотрено всемогущим ГОСТОМ, то легкий телесный контакт на протяжении всего сеанса вам обеспечен! Но никто не заморачивался такими мелочами, все это было совершенно естественно для всех присутствующих, и я тоже решил не заморачиваться. Ведь рядом со мной была она...

— Ты что, металлист, что ли? — весело спросила меня она, когда мы уселись в зрительном зале.

— С чего вдруг? — не понял я.

— Так футболка же...

— А... Нет, не металлист. Просто купил по случаю... А рок — кое-что слушаю, «Металлику», например. Без особого фанатизма.

— А я классику люблю, — сказала она беспечно. — Вот бывает же — музыкалку терпеть не могу, а музыку люблю. А рок... Есть хорошие песни, да. Только у нас мало кто разбирается. Понацепят на себя железок, потому что модно же. А сами и двадцати групп не слышали! — Она возмущенно тряхнула челкой.

Но тут погас свет и начался очень простой и прекрасный новый фильм о том, как чудаковатый мистер Фёст, сыгранный блистательным Мироновым, привез в ковбойскую глушь добрую магию.

— Тебе понравилось? — спросила она после сеанса.

— Хороший фильм, — улыбнулся я.

— Да, немного наивный, но все равно хороший.

Мы шли по вечерней майской улице, посмотрев новую, немного наивную, но все равно хорошую комедию, было тепло и волнительно, мы были молоды и, наверное, счастливы.

— Мне на «Красных партизан», — сказала она.

— Я провожу.

— Ну проводи.

И опять малосвязные разговоры, мы перескакивали с пятого на десятое, опять билась в груди глупая бесформенная радость, опять хотелось, чтобы это все длилось и длилось... Всегда!

Какого хрена я попал в тело семнадцатилетнего, спрашивается?!!

Когда мы уже подходили к ее дому, она спросила:

— Мне сказали, что вы с этим парнем... который на вечеринке был, я забыла... ну, в общем, перепродаете что-то?

— Ага, — сказал я с глупой улыбкой. — Спекулируем. С Витей. Но мы, если что, спекулянты мелкие, большого ущерба народному хозяйству не наносим. Так что, беспокоиться не о чем.

— Так правда значит?

— Святая правда, — подтвердил я.

— А зачем тебе все это? У тебя институт... Перспективы...

Ох, как же мне не хотелось выныривать из дурачки-счастливого состояния и заводить серьезный разговор...

— Знаешь, — говорю я, максимально собравшись с мыслями, — мы с Витей ничего плохого не делаем. Люди хотят купить джинсы. Ведь так?

— Хотят.

— И кроссовки. И сигареты. И хороший магнитофон. И еще много чего. А в магазине ничего этого нет. Мы помогаем людям получить то, что они хотят. Удовлетворить спрос, только и всего. Вот скажи мне — что в этом плохого?

Она засмеялась немного растеряно.

— Когда ты об этом так говоришь, то ничего плохого. Но ведь ты... ведь вы — покупаете дешевле, а продаете дороже.

Ох, мой мысленный фейспалм залип.

— Да, мы продаем дороже, чем покупаем. Мы работаем. Достаем товар... покупаем его, вообще-то. Ищем клиентов (здесь я слегка приврал — клиенты чаще всего сами искали нас), общаемся, предлагаем. Это работа. Марин, весь мир так работает! Вообще, если бы джинсы лежали свободно в магазине и по минимальной цене, то никаких спекулянтов не было бы. А там что лежит, в магазине?

— Ужас! — рассмеялась она. — Но иногда выбрасывают джинсы. Польские. И в комиссионке еще бывают...

— Именно, он самый, ужас! И «выбрасывают» — что за мерзкое слово, терпеть его не могу! (она удивленно посмотрела на меня, кажется, я произвел впечатление) Значит, вопрос не к нам, а к тем, кто не смог организовать нужные людям товары в нужном количестве. К тем, кто с упорством идиота продолжает выпускать туфту. Ты продукцию нашей обувной фабрики видела?

— Видела, — смеясь подтвердила она.

— И как? Нравится?

— Тихий ужас!

— Ну вот, — важно сказал я. — Значит, если бы я работал на фабрике, получал деньги за то, что делаю никому не нужный шлак, перевожу ресурсы на то, что двадцать лет пролежит на складе... План бы выполнял и перевыполнял... Тогда бы ко мне не было вопросов? Я бы был нормальный рабочий парень, а не спекулянт проклятый, который на вечных временных трудностях наживается?

Она задумалась. А потом сказала:

— Это так странно... Вот ты говоришь и будто бы все правильно. Все верно. Но ведь это же неправильно.

— А правильно, что люди до сих пор в ботинках «Прощай, молодость» ходят? Что часами в очередях толкутся?

— Неправильно, — с обреченностью в голосе сказала она. — И то неправильно, и это. Я не знаю! Вот сейчас перестройка же. У меня мама после работы газеты читает — мы кучу газет выписываем. А потом пересказывает со своими комментариями.

— А вы сами, в школе, между собой много об этом говорите? — спросил я ехидно.

Она задумалась на несколько секунд.

— А знаешь, вообще никогда не говорим. Ни о политике, ни о перестройке, ни о Горбачеве. Ни о чем таком, никогда. Это же тоже странно, правда?

— Во-о-от! — протянул я. — И с учителями не говорите, ведь так?

— И с учителями... Вернее, на политинформации, конечно... Но это же не разговор, а выступление. А еще у нас географичка есть, такая сталинистка! — она рассмеялась. — Если увидит у кого глаза подведены или помада, то все, сразу в крик — при Сталине бы нас за такие дела на перевоспитание, на стройки народного хозяйства! Так она ругает перестройку. Мы смеемся, конечно, но все равно как-то... Ей уже за семьдесят, давно на пенсию пора отправить, но не уходит. Ее сам директор боится! Она говорит: «У меня партийного стажа больше, чем он на свете живет!» Но это не в счет, да... Очень странно, что мы никогда ни о чем таком друг с другом... Ведь сейчас — историческое время. На наших глазах история делается, а мы... Как будто ничего этого нет!

— Общаемся о шмотках, кассетах, о музыке. Ведь так?

— Ага, — сказала она задумчиво. — О парнях еще. Мы, наверное, испорченные очень. Несознательные. Старшие поколения, они другие были. Идейные. Вот как наша географичка!

— Сто процентов, — притворно согласился я. — И со всей своей идейностью загнали бы в трудовые лагеря за помаду или прическу неправильную.

— Да ну перестань, — сказала она. — Географичка наша войну прошла, всю жизнь в коммуналке, без мужа. У них жизнь другая была. Тяжелей, чем у нас. Даже не сравнить.

— И поэтому нужно сломать жизнь всем будущим поколениям. Сами не жили и вам не дадим!

Она удивилась и, кажется, рассердилась:

— Да кто нам-то жить не дает! Сыты, одеты. Поступать готовимся. И вообще, многое меняется. Вот раньше бы тебя за такую футболку точно в милицию бы забрали. А потом бы выговор на комсомольском собрании. А сейчас — носи чего хочешь!

— Марина, — сказал я терпеливо, — ну как ты сама считаешь, нормально ли это — за футболку в милицию? Или за длинные волосы? Это ж не побить кого, не ограбить, даже стекло не разбить! Это футболка!

— Ненормально, наверное, — вздохнула она. — Вот я ж и говорю — сейчас уже нет такого! Вот тебе пример — какие-то перемены к лучшему есть. И еще будут. У меня мама — большая поклонница Горбачева, даже портрет его из «Огонька» вырезала и в рамке повесила.

— А папа?

Она весело рассмеялась.

— А папа не фанат. Потому что — сухой закон. А он иногда... Ну, в общем...

— Понятно, — перебил я. — Мой тоже не фанат, скажу по секрету, хотя ему по должности полагается. А маме все равно.

— А тебе? — спросила она.

Я сказал чистую правду:

— А мне ясно, что большие перемены будут, но не все они будут прекрасными.

— Ты просто пессимист! — объявила она торжественно. — Вот мой дом, почти пришли!

— А еще ты мне нравишься! — добавил я совершенно категоричным тоном.

— Вот это признание! — рассмеялась она. — Ну что же, тогда ты пессимист... но с хорошим вкусом!

Я картинно вздохнул:

— Чего не отнять, того не отнять!

Мы свернули во двор пятиэтажки.

— Ну все, — сказала она, — я побежала! Спасибо за приятный вечер!

— Тебе спасибо! — сказал я. Она исчезла в дверях подъезда. Даже не поцеловались на прощание, подумал я с досадой. Тут вроде как сексуальная революция в стране намечается. Что-то не очень похоже. А еще «Девять с половиной недель» смотрела. И «Голубую лагуну».

— Эй, братишка! Братишка! Сюда подойди! — мои размышления были прерваны требовательным окриком. Я огляделся. Группка парней, человек пять, расположилась на детской площадке. Очевидно, что им совершенно нечего делать этим теплым майским вечером, что они изнывают от скуки и сейчас попробуют немного повеселиться. За мой счет, естественно. Я прибавил шаг и двинулся в сторону детской площадки, по ходу прислушиваясь к ощущениям. Страх почему-то не было. Наоборот, был кураж — какое-то радостное возбуждение.

— Здорово, бродяги! — весело приветствовал я собравшихся. — Чё хотите?

Их было действительно пятеро. Двое примерно моего возраста. Трое помладше. Обычные ребята, на прожженных хулиганов не тянут. У одного под глазом свежий фингал — наверное, кого-то неудачно остановили. Нормальная дворовая шпана. Они слегка растерялись от моего задорного приветствия. Я же должен был испугаться, а веду себя совсем не так, как полагается. Не как жертва, а как хозяин положения. Скорее всего, они сейчас думают — я просто дурачок или здесь что-то другое...

— Здорово, — сдержанно поздоровался один из парней — смуглый, похожий на цыгана. — Че у нас на районе делаешь?

— На районе? Да ничего особенного. Девчонку зашел проводить. Чтоб не пристали хулиганы какие-нибудь. — Я довольно заржал, но никто из сидящих к моему смеху не присоединился.

— Кого знаешь? — спросил похожий на цыгана паренек. Я с удовольствием отметил, что голос его звучит не очень уверенно.

— Здесь-то? — я картинно осмотрелся по сторонам, задержав взгляд на мусорнике. — А кого здесь знать? Есть достойные?

— Да че ты гонишь?! — вскинулся один из младших, но осторожный цыганенок осадил его:

— Повремени.

— Гонят, дружище, говно по трубам, — отчеканил я борзому малолетке, — а я разговор разговариваю.

— Сам откуда? — мрачно спросил цыганенок.

— На Ленина живу. Но вообще я неделю как откинулся. С нерчинского спеца. Три года оттянул по малолетке.

Цыганенок потух. Парни смотрели на меня во все глаза, а у борзого малолетки отвисла челюсть.

— А вы чего тут, парни? Лохов трясете? Смотрите, аккуратнее. Полная кича пацанов — тянут срока за часы, за «дай закурить». Вы, я смотрю, парни порядочные?

Цыганенок важно кивнул — определенно порядочные. Похоже, что лидерство мое признано и под сомнение не ставится.

— На общее собираете — тюрьму греть?

— Чего? — переспросил один из парней.

— Ну сигареты там, чай, — снисходительно пояснил я. — У нас тюрюга большая, нужно

много всего, пацаны страдают. Или ты думаешь, что туда не попадешь?!

— Не, я ниче... — стушевался парень.

— Такие дела парни, — сказал я многозначительно. — Пойду я по тихой. Вы берегите себя. — Я покосился в сторону паренька с фингалом. — А то гоп-стоп штука такая. Подзалететь можно. Сегодня ты забрал, а завтра у тебя заберут, еще и отметелят. И статья не сильно уважаемая, имейте в виду. Придется долго себя ставить, чтобы авторитет завоевать!

— Ясно, братан! Давай! Удачи! — пацаны определенно были рады, что я уйду с миром.

Я шел довольный. Все-таки зря у нас ругают сериалы НТВ. В восемьдесят седьмом году от них определенно есть польза!

Вернулся я поздно, было около десяти часов вечера. К счастью, маменька с папенькой в этом плане были вполне либеральны и позволяли потусить юному сыну, но все же избежать серьезного разговора мне не удалось.

Папенька дернул меня в кабинет, где и поведал мне о том, что судьба моя решена, что он уже разговаривал с ректором («вопрос практически решен») и идти мне в местный вуз на экономический. Ну, пусть будет экономический, я не против.

— А вот твоя инертность по общественной линии, сын, мне не понятна! — строго сказал папенька. — Образование — образованием, а реально устроиться в жизни можно только... ну ты понимаешь.

Как же, еще бы не понять, подумал я, но ничего подобного говорить не стал. Наоборот, я заверил папеньку, что в общественную жизнь института обязательно включусь, если предоставится такая возможность.

— Возможности мы, коммунисты, создаем себе сами, — важно сказал папенька. И добавил:

— Предоставится.

На этой оптимистической ноте торжественные переговоры были закончены. Быть мне экономистом. Кроме того, меня ждал приятный бонус — выпускные экзамены сдавать мне не обязательно, в связи с моей черепно-мозговой травмой. Оценки за четверть пойдут как выпускные. Тоже хорошо. В общем, моя жизнь на ближайшие годы была более-менее предопределена. По крайней мере, так считали мои родители.

На следующий день по дороге в школу Витёк сказал:

— Короче, компаньон. Надо решать вопрос с футболками. Сколько можно уже?

С футболками, теми самыми, с «Iron Maiden» и «Metallica» возникла проблема. Мы закупили их полсотни штук ходовых размеров, а продали всего штук пять, народ наш хоть и стремился к высокой моде, но черепа, молнии и прочий сатанизм наших клиентов отпугивали. Потенциальными клиентами были, конечно, металлисты, которых в городе было уже порядочно, но прямого выхода на их тусовки у нас не было. Проклятые футболки зависли мертвым грузом.

— Давай мотнемся на барахолку, — сказал я. — Предложим кому-нибудь на реализацию. Они же нам по чирику зашли?

— По чирику, — подтвердил Витёк.

— Ну вот. А может сразу оптом сдадим рублей по пятнадцать. Да хотя бы свое отбить — и то хлеб.

Витя посмотрел на меня с иронией.

— Ты анекдот про бульон из-под яиц слышал?

— Слышал, — сказал я обиженно.

— Ну вот, оно самое. Давай еще по закупке отдадим. Или вообще — бесплатно. Нахрен ту коммерцию!

— Ты не язви, — сказал я, — а предлагай, если что надумал.

— Футболки сдадим минимум по четвертному, — сказал Витёк важно. — Вот вы все Витю Пахомова за простого считаете, а Витя Пахомов...

— Да говори уже, — не вытерпел я. Как же любят советские люди произносить речи, по поводу и без!

— Короче, сегодня идем на «Подснежник». Нашелся знакомый, который там тусит и всех знает. Сплошная выгода, Лёха: перезнакомимся со всеми неформалами, маечки сдадим (не по тридцатке, конечно, но и по четвертному нормально!), а может и неформалок каких-нибудь подцепим! Приятное с полезным, а?! Вот скажи теперь, что Витя Пахомов не гений!

— Да гений, гений, — заверил я Витька. — Только неформалок своих сам цепляй.

— Ага! — Витёк напустил на себя торжественный вид. — Колись давай! Чего у тебя там с Инкиной подружкой?! Маринка, вроде?

— Да ничего особенного, — пожал я плечами, — в кино вчера сходили, домой проводил.

— Ну ты даешь! — восхитился Витёк. — А она ничего такая, клевая, эта Маринка! И молчит!

— Пока нечего рассказывать.

— Ага, нечего... Ну ясный перец, на кой тебе неформалки тогда. Хотя...

— Пахомов, не морочь голову, — сказал я сердито. — Вот как тебе рассказывать чего-то, если ты такой...

— Какой? — не понял Витёк.

Я махнул рукой.

— В общем, в шесть вечера двигаем на «Подснежник». И Валерик пусть подтягивается, нечего сачковать, — подвел итог производственного совещания Витёк. — Форма одежды —

неформально-выходная!

Летнее кафе «Подснежник» было главным местом сбора городских неформалов. Хиппи, металлисты, панки и прочий неформальный люд облюбовал эту кафешку в городском парке. Здесь пили кофе, курили (по слухам не только табак), играли на гитаре, пели песни, как собственного сочинения, так и всемирно известные хиты, знакомились, братались, закусывали, целовались, обсуждали вечные вопросы и насущное — переночевать, покушать, занять, достать. Сюда приходили заезжие неформалы и тут же оказывались в родной атмосфере — среди своих. Иногда на «Подснежник» делала набег окрестная шпана, культурный код которой был категорически несовместим с царящим в «Подснежнике» праздником жизни, и тогда возникали схватки — очень ожесточенные, поскольку обе стороны дрались не просто так, а за идею! В один прекрасный день директор и фактический хозяин кафе — бывший афганец, которому идеологические битвы с битьем посуды и переворачиванием столиков надоели до чертиков, вместе со своими друзьями-афганцами отловил нескольких главшпанов и провел с ними разъяснительную работу. По слухам, двое шпанюков угодили в больницу со сломанными ребрами и затаили зло. Конфликт набирал обороты, так что стороны готовились к генеральному сражению, но сражение это не состоялось. Вмешался небезызвестный Саша Щербатый, который своим негласным указом строго-настрога запретил шпане бить неформалов и вообще — близко подходить к «Подснежнику» — нарушать общественный покой и портить криминогенную обстановку. Обойти этот строгий запрет не решались даже самые отмороженные хулиганы, а у неформалов началась более спокойная (и вместе с тем — более скучная) жизнь.

Вот в это место мы пришли с Витей, Валериком и здоровенным длинноволосым парнем, которого Витёк называл уважительно — Петрович. Он имел какое-то отношение к рок-музыке. То ли уже создал, то ли еще создавал рок-группу, которая, по собственному изречению Петровича «просто порвет этот городишко и двинется дальше!»

Я попытался поговорить с Петровичем о рок-музыке, и он тут же засыпал меня массой имен и названий групп, о которых я никогда ранее не слышал. Я сказал, что мне нравится «Скорпионс», на что Петрович закатил глаза и поинтересовался моим отношением к творчеству Иосифа Давыдовича Кобзона. Я сказал, что с Кобзоном у меня не очень, а вот «Металлика»...

— Дружище, ты лучше молчи там... — Голос Петровича был наполнен скорбью, а посмотрел он на меня так, как смотрят на тяжело, а может быть и безнадежно больного человека. Витёк, скотина, вместо моральной поддержки толкнул меня в бок и сделал страшное лицо.

— Не ляпни там чего... — прошипел он мне в ухо. — Меломан херов, со своей «Металликой»...

Я украдкой показал Витьку кулак. Валера же тихо смеялся, наблюдая за нами. Он терпеть не мог рок-музыку.

На «Подснежнике» былолюдно, несмотря на ранний час. Полная тусовка еще не собралась, но свободных столиков уже не было. Неформалы пили кофе и курили. Я с интересом рассматривал собравшихся — посмотреть было на что! Бороды и «ирокезы», бритые головы и пирсинг, какие-то джинсовые лохмотья и кожаные куртки (было где-то градусов двадцать тепла). Больше всего меня поразил бородатый молодой человек в тубетейке, клетчатых брюках и клетчатом пиджаке (под пиджаком виднелась голая грудь!) и домашних тапочках.

— Ништяк! — бодро сказал Петрович, мельком оглядев присутствующих. — Лучшие люди на месте! Дружище (это уже мне), да не разглядывай ты людей так пристально! Не в зоопарке! Сейчас будем знакомиться!

Первым делом Петрович подвел нас к столику, где восседал с друзьями странный парень в тубетейке.

— Фагот, — представился он.

— А пенсне у вас есть? — не выдержал я.

Парень внимательно посмотрел на меня, вытащил из кармана потертый футляр, а из футляра очки, и нацепил их на нос. Левое стекло было треснутым.

— Так лучше? — спросил он меня.

— Я в восхищении! — выпалил я. И добавил:

— Не шалю, никого не трогаю, починяю примус!

Компания захохотала громко, но по-доброму, я произнес правильные слова. Фагот кивнул тубетейкой, как бы соглашаясь с правильностью сказанного, и протянул мне невесть откуда взявшийся апельсин:

— Кушай, дорогой!

— А мандарина не было? — спросил я.

— Не сезон, — вздохнул Фагот. — Да вы садитесь, парни, в ногах правды нет!

Мы расположились на внезапно появившихся откуда-то стульях. Кто-то сбегал и принес кофе, а Витя достал из сумки бутылку коньяка, который позаимствовал в отцовском баре.

— О-о-о! — оживилась неформальная публика. — Шикарно! Ну все, живем, братва!

Настроение у всех резко поднялось, коньяк полился в кофе, а на нас смотрели как на своих, как будто знакомы сто лет.

Больше всех разглагольствовал Фагот — он явно любил и умел это делать. Послушать его, так он побывал всюду и знает вообще всех мало-мальски известных и имеющих отношение к рок-музыке людей.

— Витя Цой? — снисходительно тянул Фагот, тяпнув чистого коньяка из кофейной чашки. — Талантливый паренек, ничего не скажу. Мы с ним в Питере, в восемьдесят пятом... Без меня бы он так бы и сидел у себя в кочегарке... Талантлив, чертяка! Но однообразен. Я ему говорил: «Витюша, тебе с твоими тремя аккордами блатняк в кабаках петь. Рок, говорю, Витюша, это серьезная штука. Это потрясение основ и выход за пределы музыкального».

Мы внимали.

— За пределы музыкального и человеческого. Погружение в иные сферы! — вещал Фагот.

— И как Цой? Не обижался? — вежливо спросил я.

— На правду? — Очки Фагота сверкнули. — Нет, Витюха нормальный парень, свой е доску, мы с ним в «Сайгоне» бухали, в «Рок-клубе» бухали, на флэтах бухали — нормальный парень! Я ему говорю: «Ты мрачен, Витя! Ты весь окутан негативом, а рок — это праздник, это свет, это жизнь. А после твоих песен, говорю, повеситься хочется! Ты, даже когда веселое поешь, то повеситься хочется! Негативная энергия прет!

— А мне нравится «Видели ночь», — блеснул я познаниями. Кто-то, кажется Витёк, пнул меня под столом.

Фагот снисходительно посмотрел на меня:

— Ты еще молодой, и в системе не варишься. Тебе простительно. Но музон Витя стырил у «Сиге», все знают! Знают, но прощают, потому что стырил и сделал лучше, чем в

оригинале! Вот она — сила таланта...

— А Башлачева вы знаете? — спросил я. Мне было на самом деле интересно.

Фагот грустно улыбнулся.

— Во-первых, старик, тебя же Алексей зовут? — отлично! Значит, Алексей, раз уж мы сидим за одним столом и распиваем прекрасный напиток, который вы с нами благородно разделили (за столом раздались аплодисменты), то обращай ко всем на ты. Заметано?

— Заметано, — согласился я.

— А, во-вторых, продолжил философствовать Фагот, — ты, Алексей, задаешь неправильный вопрос. И поэтому я тебе ответить на него не могу.

— А как же правильно?

— А вот так: «Слышь, Фагот, а Башлачев тебя знает?» Вот это будет правильный вопрос, на который я смогу тебе ответить. И отвечу так — да, СашБаш меня знал, конечно. Классный чувак, разносторонний, реально талантливый. Таких гениев, Алексей, с нами на планете человек пять живет. — Фагот почему-то осмотрелся по сторонам. — Или шесть, — добавил он, — если мы считаем присутствующих.

— А Шевчук?

— Юра? — удивился Фагот. — Хороший парень... — он на несколько секунд задумался. — Нас с ним как-то раз менты повинтили на Невском! Шли бухие и пели Боба Марли. Талантливый, конечно, но горит не так ярко, как Витюша и СашБаш. Может и к лучшему... — Фагот вздохнул. — Ярче горюшь — быстрее сгоришь, такие дела, Алексей!

У столика появился парень примерно моих лет, длинноволосый, в драных джинсах и потертой джинсовой курточке.

— Хлам, — представился он.

Мы вежливо раскланялись и налили ему пятьдесят грамм, за знакомство (Витя достал вторую бутылку). Под коньячок текла душевная светская беседа о музыке и любви, о гениях и талантах, признанных и непризнанных, о философии (упоминались Ницше, Шопенгауэр и Гегель) и вообще — о прекрасном... Я изрядно захмелел и думал о том, что неформалы — очень даже приличные ребята, и что нужно почаще к ним заглядывать.

Хлам рассказал, что у него рок-группа, готовится к гастролям, осенью все утрясут и рванут в Питер, Москву, Алма-Ату и (почему — я не знаю!) в Кишинев. Осталась самая малость — найти музыкантов и инструменты. Гитара-то у него есть, но простая, а нужно бы электрическую.

— А песни? Спросил я наивно, и тут же пожалел о том, что спросил.

— Я пишу песни, — сказал Хлам, и глаза его сверкнули. — В смысле — стихи. Почитать?

Я не самый большой на свете любитель стихов, но как можно отказать поэту, а тем более — возможному будущему клиенту? Это было бы просто неприлично. Получив мое принципиальное согласие, Хлам начал читать стихи. Все сидящие притихли, все слушали с вниманием, может быть даже избыточным. Читал Хлам скверно — это я могу сказать совершенно точно. Да и стихи были, прямо скажем, странными. Хлам категорически отказывался признавать существующие правила стихотворения, он явно искал новые формы, рифмы и смыслы. Могу предположить, что он чего-то такое нашел, но вот лично я не понял из прочитанного почти ничего. Стихотворные упражнения его продолжались минут пять, после чего все сидящие за нашим столиком заплодировали. Как мне показалось — с облегчением.

— Ну как? — сказал Хлам, гордо глядя на меня.

— Очень хорошо! — честно сказал я.

Хлам усмехнулся горделиво.

— Это психо... психо... — какая-то не очень трезвая девушка пыталась дать определение услышанному, но у нее не очень получалось.

— ... неврологический диспансер, — подсказал ей ехидно Фагот.

— Психоделично! — наконец-то справилась со сложным словом не очень трезвая девушка.

Еще мы познакомились с режиссером. Его звали Саша и лет ему было примерно двадцать пять. Он был, как полагается, небрит и еще (мне почему-то это очень запомнилось) на нем была футболка с олимпийским мишкой. Мишка радостно улыбался и махал рукой. Режиссер Саша тоже радостно улыбался, демонстрируя отсутствие нескольких передних зубов. Когда ему налили, улыбка его из радостной превратилась в счастливую.

— Саша, режиссер, — представился он. И добавил:

— Мы хорошим людям всегда рады!

Дальше я допустил непростительную ошибку и сказал:

— Очень приятно. А вы театральный режиссер? Или киношный?

Соседи по столику посмотрели на меня так, как будто я сделал непристойность. А погрузневший Саша сказал:

— А что, разве не может быть человек просто режиссером? Вот Ницше — он же был просто философом. Без удостоверения и справки с места работы. Почему нам нельзя?

— Кто ж его возьмет в театр? — сказал кто-то. — Злоупотребляет. Причем — вообще всегда. Текущему моменту не соответствует. Причем — вообще никогда. А в кино — тем более не возьмут... Злоупотребляет!

Режиссер Саша довольно кивнул головой, а я виновато развел руками — простите, если можете! Саша улыбнулся снисходительно — с каждым может случиться!

— Дворником я работаю, — сказал режиссер Саша. — В мир чистоту и порядок несу. С помощью метлы, если уж к искусству меня не подпускают эти церберы. — Он гневно встряхнул шевелюрой и удалился.

— Санек каждое лето в дурке пролечивается, — объяснил мне Фагот. И добавил:

— Шизофрения, как и было предсказано.

У меня от всех этих людей (и выпитого коньяка) слегка голова пошла кругом. А случай с Сашей стал для меня в каком-то смысле уроком. Наши неформалы (и вообще — творческие люди) — боги. Ставить под сомнение их божественность означает смертельное оскорбление. Святотатство и десакрализация.

Тем временем, Витя, переглянувшись с Петровичем, решил, что нужно ковать железо пока горячо.

— Вообще, у нас есть кой-какие вещи, которые могут заинтересовать, — сказал он заговорщицки. На белый свет были извлечены футболки. Неформалы разглядывали их, нюхали и, кажется, даже пробовали на зуб.

— А че? Нормальные, — вынес вердикт Хлам. — Ништяк прикид. Таких я и на барахолке не видел. Почему?

— Вообще тридцать, — сказал Витёк, — но как своим — на пятерку подвинемся, чего уж. Выходит, по четвертаку.

Удивительное дело, но все три образца мы продали, не вставая из-за стола! Казалось бы

— неформалы, элемент маргинальный и малообеспеченный, а ты посмотри! У нас бы забрали и больше, если бы были в наличии — тут уже я укоризненно посмотрел на Витька. Витек пожал плечами — он и сам был удивлен. Договорились на завтра — прийти со всей партией.

На прощание Фагот хитро улыбнулся нам:

— А вы ушлые ребята!

Усталые, но довольные тем, что вопрос с проклятыми футболками, кажется, сдвинулся с места, слегка шатающиеся от выпитого, мы отправились домой. Петрович за подвод получил футболку и «червонец», таким образом, накладные расходы составили двадцать рублей плюс потребленный коньяк.

На следующий день мы подтянулись на «Подснежник» уже сами — принесли в двух объемных сумках футболки и прихватили еще бутылку водки. Витёк сказал, что каждый день коньяк брать нельзя — папик может спалить. И вообще, жирно им будет. Впрочем, водка тоже пошла «на ура», неформалы были ребятами неприхотливыми, готовыми принимать абсолютно любой алкоголь. Фагот рассказывал страшные истории о том, что ему приходилось пить во время своих путешествий по просторам СССР — мы дивились. Но сами в этот раз не пили ничего — бизнес есть бизнес.

В тот вечер мы распродали все футболки, которые были у нас в наличии — более сорока штук, получив около тысячи рублей выручки, из которых шестьсот — чистая прибыль. Что интересно, покупали не только металлисты, но и панки, и «эзотерики». «Эзотерики», кстати, наряду с «металлистами» представляли собой основу неформального движения в те годы — их было много, они делились на различные фракции и только входили в моду. За тот вечер я сумел познакомиться с несколькими уфологами и одним контактером с внеземным разумом. Контактер купил футболку с «Iron Maiden», чем изрядно удивил нас с Витей — это был мужичок средних лет, очень похожий на школьного учителя. Одет он был вполне поучительски — потертый костюм, рубашка, галстук. Оставалось загадкой, на кой черт ему «металлистская» футболка?

А вот местная ясновидящая — тетка неопределенного возраста, мрачная и молчаливая — мне не понравилась. Она долго и пристально меня рассматривала, потом почесала лоб, потом опять рассматривала, а потом сказала: «Да ну на...!» И купила футболку с «Металликой» — сыну. А мне сказала, что я странный. И что она таких никогда не видела, у нее аж третий глаз заболел. И удалилась, почесывая переносицу. Мне это категорически не понравилось и даже немного напугало — может она на самом деле увидела мою историю? Выяснить я не стал.

Один из художников, которые тусовались тут же, спросил меня, как я отношусь к творчеству Глазунова. Я дипломатично ответил, что отношусь нейтрально. Художник гневно тряхнул немойтой гривой и извлек откуда-то картину.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри!

Я посмотрел. Картина была, весьма вероятно, хорошей и что-то там отражающей. Но я не разглядел, что именно. А разглядел я изображенный на картине пустырь. А на пустыре трое то ли бомжей, то ли просто пьяниц сидели и пили водку. И было видно, что этим людям очень хорошо, что им очень нравится происходящее, и что они может быть даже счастливы.

— Настоящее искусство? — то ли спросил, то ли просто сказал художник.

— Угу, — ответил я уклончиво.

— Нравится?

— Угу-у-у...

— Махнемся на футболку!

Я безнадежно развел руками. От этого андеграунда родители бы просто офигели.

— Настоящее искусство никому не нужно, — гордо констатировал художник, и добавил после небольшого раздумья: — В этой стране.

Картина исчезла.

— Всякую пошлятину смотрят часами, — сказал художник с болью в голосе, — Глазуновых всяких... а вот настоящее искусство...

Мне стало жаль волосатого художника, так что я чуть было не подарил ему футболку с «Iron Maiden». Но все же не подарил, Витёк стоял рядом и с подозрением на меня косился.

Торговля шла бойко — художники, поэты, металлисты и эзотерики — всем хотелось черных футболок с иностранными надписями.

Отметить сделку зашли в кафе «Мороженное».

— Откуда у неформалов бабки, я понять не могу? — удивлялся я.

— Крутятся, — равнодушно сказал Витёк. — Я двоих узнал, они в кабаке «Юбилейном» играют по вечерам. А может кто на похоронах играет. Еще музыкой барыжат, кассеты, записи, пласты. Цены там — закачаешься! «Я не сплю, я не ем, я коплю на «Бони М». Музыка, кстати, интересное направление, я бы сам хотел заняться, но не разорвешься же! Эзотерики лекции читают. Ясновидящие будущее предсказывают. Художники пейзажи малюют и продают на барахолке. Или портреты на заказ. Крутятся как могут. А вообще, пацаны, есть новость важная.

— Хорошая или плохая? — поинтересовался Валерка.

— С какой стороны посмотреть, — сказал Витёк загадочно. — Вроде бы и хорошая, но...

— Да говори уже, не томи! — выпалил я.

Витек выдержал драматическую паузу и только потом заговорил.

— Батя рассказывал, — сказал он важно, — Открылись первые кооперативы.

— Это чего такое? — заинтересованно спросил Валерка.

— Это революция! — патетически воскликнул Витёк. — Это все меняет, вообще все! Теперь официально можно заниматься производством, парни! Те же маечки шить. Или джинсы. Вы представляете, что сейчас начнется?

— Представляем, — скучно сказал я. — Множество заинтересованных людей ломанется в эту нишу, нашьют хренову тучу джинсов и футболок, забьют ими все барахолки и комиссионки, насытят имеющийся спрос и тогда нам, Витюша, придется гоняться за покупателями. А не покупателям за нами. А это совсем другая история...

— А ты откуда такой умный? — насторожился Витя. — Тоже с батей разговаривал?

— Нет, — сказал я. — Я ж тебе говорил, что скоро будем легально торговать. А ты не верил. Ну и вот.

— Ты не гони, — не хотел сдаваться Витёк, — торговать легально пока еще нельзя. Только производить. И сдавать в торговые сети, я так понимаю.

— Валерию Александровичу, — подсказал я.

— Ну да, ему, — сказал Витя задумчиво. — Но не только ему, он не один же...

— Ладно, что еще слышно за эти кооперативы? — спросил Валерик.

— Пока еще там все не так просто, — ответил Витя. — У них там налоги будут... серьезные. И вообще, чем-то можно заниматься только в свободное от работы время, где-то числиться все равно обязан. Только я так думаю — налоги и все остальное, это все хрень. Люди вообще нелегально работали сколько лет, свободой и жизнью рисковали! Чего они, не придумают, как от налогов отмазаться?

— А чем вообще можно заниматься? — Валерик явно заинтересовался новостью.

— Батя говорил — ремонт, общественное питание, изготовление шмоток и обуви, еще чего-то такое, я уже не помню... Ах, да! Им кредиты дают! От госбанка.

— Какой процент? — спросил я. — Кредиты — это интересно.

— Вроде бы три процента годовых, — сказал Витёк. — Батя говорит, что уже открывается первое кооперативное кафе. Все у них согласовано, помещение получили, кредит взяли, устав зарегистрировали...

— Три процента — это, считай, даром, — сказал я мечтательно. — Какой у нас средний процент прибыли?

— Под сто процентов, — сказал хорошо разбирающийся в математике Витёк. — Ну а че?

Это если в среднем. С джинсов меньше — семьдесят пять процентов максимум.

— Ладно, господа-бизнесмены, — сказал я, — в связи со вновь открывшимися обстоятельствами... чего делать-то будем?

Друзья молчали. Думали. Первым подал голос Валерик, который, похоже, не надумал ничего интересного:

— Делать? А что мы можем сделать, Лёх? Это ж серьезная история. Не пару кроссовок перепродать. А у нас выпускные экзамены на днях. А потом — вступительные.

— Валера, — сказал я очень спокойно, — уже сейчас ты зарабатываешь больше учителя физкультуры. На которого тебе пять лет учиться предстоит. Так?

— Ну так, — согласился Валерик. — И что же?

— И то, — сказал я. — Ты никаких выводов из этого не делаешь? По поводу того — в какую сторону двигаться?

Валерик рассмеялся нервно.

— Да ты что, Лёш! Ты на полном серьезе думаешь, что это все надолго? Может немного и дадут поиграться в бизнесменов, а потом прихлопнут. НЭП помнишь, по истории проходили?

После Валеркиной реплики у меня сразу как будто прояснилось в голове. Я понял, чего хочу. Кажется, я действительно освоился в этом времени. То, о чем говорил Валерик, я это все много раз слышал и в «прошлой жизни». Много-много раз. Слышал о том, что успех временен и неустойчив. Как и все хорошее. А вот прозябание и бедность — постоянны. Что большие деньги могут исчезнуть в любой момент. Что лучше не высовываться. Что большому кораблю — большая торпеда. Что лучше синица в руках, чем журавль в небе. Вот это все. У Валеры прямо сейчас выходит с нами примерно сто рублей в неделю, без особых напрягов и суеты. Но Валера не видит в нашей деятельности будущего. Он на полном серьезе считает, что лучше учителем физкультуры в школу. И даже не лучше, но скорее правильнее, понятнее. И так большинство людей. Почти все. Единицы видят в происходящих событиях перспективу. Большинство предпочитает синицу в руках. И, как всегда, большинство ошибается. Не будет им ни синицы, ни журавля. Будут девяностые, о которых в моем времени принято вспоминать с содроганием. Синица сдохла прямо в руках, а журавль улетел. А вот те, кто попытался поймать журавля в небе — выиграла. Не все, конечно. И я собираюсь быть среди тех, кто выиграет. Тем более, что фора у меня имеется такая, какой ни у кого на планете нет.

Сам Валера уже в первые несколько недель нашей совместной деятельности заметно изменился. У него появились приличные джинсы и кроссовки, часы и это не говоря о карманных деньгах. Его «акции» в школе, и без того достаточно высокие, благодаря бронебойной харизме, стали еще выше. Да и с Юлькой Голубевой у них что-то там определенно вытанцовывалось.

— А я считаю так, — сказал Витёк, — кооперативы — тема интересная. Но как нам в эту тему встрять — вот в чем вопрос?! Денег у нас по большому счету нет.

— Да ладно, — ухмыльнулся Валерик.

— Детский сад наши доходы, — отрезал Витя. — На мороженное хватит, а серьезных дел не сделаешь.

— У нас другой ресурс есть, — сказал я.

Витёк насторожился.

— Это какой же?

— Административный, конечно.

— И как ты себе это представляешь? — нервно рассмеялся Витёк. — Вот приходим мы сейчас домой и объявляем — мама, папа, дорогие, мы с одноклассниками открываем кооператив, замолвите за нас словечко!

— Это ты зря, — сказал я Вите, — родители наши не идиоты. Консервативные — это да. Но не идиоты совсем. И понимают куда ветер дует.

— Не знаю, — ответил Витёк. — Если я дома о чем-то таком заикнусь, то меня сто пудов отправят к тетке. В деревню. В глушь. На перевоспитание. Батя у меня пуганый. Он сам деловой человек и знает, как это бывает и чем кончается...

— Ладно, — сказал я. — Будем думать.

На этой оптимистической ноте мы и разошлись, задумчивые и притихшие.

В этот вечер я думал. Очень много и напряженно. Кооперативы. Что я о них знаю? Производили всякий ширпотреб, открывали кафе, автосервисы, всякие мелкие цеха — легально. Прилично зарабатывали. Многие серьезные люди сделали первые большие деньги в кооперативах. Но были и минусы, конечно. Например, ребята с утюгами и паяльниками, которые хотели больших денег. И не только они. Еще конкуренты. Милиция. Насколько оправдано лезть в эту кашу прямо сейчас? С одной стороны — нужно лезть, чтобы оказаться в первых рядах, поближе к будущему разделу. С другой стороны — можно нажать много проблем.

Кто-то проклял меня, думал я. Проклял так, чтобы я переродился в эпоху великих перемен. Очевидно, что кооперативы убьют наш бизнес — мелкую спекуляцию — в ближайшее время. Сейчас наши цеховики дорвутся до легальности и завалят изголодавшееся по высокой моде население свежеповаренной джинсой. А заодно и всей остальной мелочевкой, на которой мы зарабатываем — от жвачки и до кассет. Итак, вписываться в кооперативную тему нужно. Но чем конкретно заниматься? Варить джинсы? Открывать шашлычную-чебуречную, как мечтает наш одноклассник Тарик? Или заняться реальным производством — открыть, например, маленький столярный цех? Если да, то где брать оборудование? Сырье? Ведь все в дефиците, пойти и просто купить — нереально. Как нанимать людей? Раньше, в своей прошлой жизни, я часто думал о том, как повезло первопроходцам отечественного бизнеса. Неограниченные возможности! И вот, теперь я в шкуре такого первопроходца. При этом, отягощенный пост-знанием. И что при этом делать — хрен его знает. Спал я той ночью тяжело и беспокойно.

Бизнес-схема появилась на следующий день, и была она, как большинство по-настоящему эффективных бизнес-схем, проста до примитивности. В школе Витя, как всегда, с видом таинственным и загадочным сообщил, что есть важный разговор. И что поговорим мы после уроков. Вопрос жизни и смерти. Терпеть не могу такие заходы. Пришлось ждать, сидеть как на иголках, слушать в пол-уха химичку и математичку, сгорая от нетерпения.

— Сколько у нас всего бабок? — спросил Витя с важностью, когда наша троица собралась. — Короче, к нашему вчерашнему разговору про кооперативы. Такая новость. Знакомые продают видик. «Фунай». И с ним пять кассет. За все просят три штуки. Никак нельзя упустить, пацаны. Там одни кассеты на штуку тянут — минимум. Вы же представляете, какие открываются перспективы?

Я определенно представлял. Видеосалон у нас в городе работал всего один, в общежитии медицинского института, полуполюгальный, но всегда забитый до отказа — по моим прикидкам, за три вечерних сеанса ребята зарабатывали до ста рублей в день. Деньги, по

нашим меркам, не такие чтобы фантастические, но более легкие, чем у нас. Из всей работы — собрать бабло со зрителей. Это так мне казалось тогда. Вообще, я думал о видеосалоне, но немного погодя, может быть к концу года или к началу следующего. Я помнил, что самый бум видео-салонов пришелся на восемьдесят восьмой — восемьдесят девятый годы и не хотел фальстарта. Но раз на ловца и зверь бежит, то глупо отказываться...

— Идея отличная, Витёк, — сказал я. — Видик быстро отобьется, тут и разговаривать не о чем.

— Быстро — не то слово! — изрек Витя. Глаза у него горели, в предчувствии будущих барышей. — Салон у нас только один — у медиков в общаге. Так к ним участковый сам ходит с женой — фильмы смотреть, представляешь? Никаких проблем, всегда аншлаг! Я был, на Брюса Ли ходили с Жорой. Так у них там район — окраина. А прикиньте, если открыться в центре! И телек нормальный поставить, «Акай» какой-нибудь. Можно по рублю за вход заряжать смело!

Да, перспективы открывались интересные.

— А твои знакомые нас не кинут? — поинтересовался Валера. — Чего они видик-то продают?

— Не кинут, отвечаю, — сказал Витя. — Я того пацана, который продает, с детства знаю. Он старше нас на два года, сейчас на инязе, в педагогическом. Его батя стройматериалами заведует, моего батю хорошо знает. Бабок нереально. Ему из Японии настоящий «JVC» подогнали, нафиг ему тот «Фунай». Но есть одна проблема.

— Какая? — напрягся я.

— Видик у меня дома держать нельзя. Никак. Родители не поймут — откуда бабки.

— У меня тоже нельзя, — сказал я. — Там еще и кассеты... Батю кондрашка хватит, если увидит. Остается Валерка.

Валерка пожал плечами.

— Да без проблем. У меня мать в электронике не разбирается. Ей что видик, что радиола...

На том и порешили. Денег у нас оказалось всего чуть больше двух тысяч. Витя сказал, что это не беда, что еще осталось в загашнике десяток часов «Монтана» и потенциальные клиенты — цыгане, которые по сороковнику заберут все десять. И тогда у нас получится как раз трешка. Я усомнился насчет того, можно ли полагаться в таком вопросе на цыган, но Витёк отмахнулся и заявил, что не первый раз уже, а волков бояться — в лес не ходить.

Не откладывая дело в долгий ящик, мы втроем отправились к цыганам. Цыгане жили в районе, называемом в народе «Шанхай» и представлявшем собой частный сектор, хаотично и бессмысленно застроенный примерно в послевоенное время. Здесь немудрено было потеряться. Тесные переулки, на которых втроем не разойдешься, заканчивались внезапными тупиками, оврагами, свалками мусора, пересекали самих себя, петляли какой-то немислимой синусоидой и, казалось, были бесконечными, как окружность. Низенькие кособокие домики, неуютные и неухоженные, населяли простые советские рабочие, которым не досталось приличных квартир даже на городских окраинах, не говоря уже о центре. А самостоятельно построить они могли только вот такое, особенно в послевоенные годы. И, скорее всего, многим так и придется обитать в этой местности — «Шанхай» благополучно дожил до моего времени и даже слегка цивилизовался, провел воду и вставил пластиковые окна, здесь даже появится интернет и современные автомобили. Я был здесь «в прошлой жизни» пару раз — кривые улочки, тупики и овраги никуда не делись за эти годы.

Несмотря на разгар рабочего дня, как тогда, так и теперь на улице было много пьяных.

— Завел ты нас в гиблое место, — шутливо сказал Валерка Витьку. — Я бы знал, так половину боксерской секции с собой бы взял. Здесь по балде получить — за нефиг делать.

— Нормально все будет! — Витёк был преисполнен делового оптимизма. — Еще день, шпана не повылезала.

— Нужно было где-нибудь поближе к цивилизации договориться, — проворчал я.

Витёк развел руками. Цыгане предпочитали решать такие вопросы на своей территории.

Я с интересом осматривал окрестности. Советский Союз образца восемьдесят седьмого года показывал мне свою изнанку. И эта изнанка была так себе. Она пахла мочой — некоторые не слишком дисциплинированные обитатели Шанхая выливали помойные ведра, не мудрствуя лукаво, прямо посреди улиц, на которых, как я уже говорил втроем сложно было разойтись. Водопровода здесь не водилось, народ носил воду ведрами с колонок. С газом, если судить по кучам угля, которые кое-где были свалены прямо перед домами, тоже обстояло не очень хорошо... Впрочем, даже если бы водопровод проводили всем желающим, проблему это навряд ли решило. Невозможно советскому человеку просто пойти в гипермаркет и выбрать ванну с унитазом, плитку, краны, трубы и прочее необходимое. Для решения такой задачи необходимо было обладать связями не меньшими, чем, например, у моего отца. Само собой, у местных простых работяг таких связей не было и быть не могло. Вот и ходили с ведрами на колонку, а по нужде — в «скворечник» во дворе, топили углем и считали подобное положение вещей нормальным и естественным — все так живут.

— Во, пришли. — Витёк кивнул на большой добротный дом из красного кирпича, который явно выделялся на фоне гораздо более скромного окружения. Цыганский дом.

Когда-то в шестидесятых городские цыгане поселились неподалеку от рыночной площади, рядом с оврагом, который, благодаря их соседству, получил название Цыганский. Цыгане были самые обычные. Они не хотели строить коммунизм вместе с остальным обществом — то ли не понимали, что это такое, то ли были слишком практичны, но хотели жить так же, как отцы-деды, по своим законам — гадать, чего-нибудь красть по мелочи, торговать на рынке цепями, леденцами и мышеловками собственного изготовления, точить ножи, продавать навоз и известку, хорошо выпить, погулять на свадьбе, поплясать и попеть вволю. Международное положение и перевыполнение пятилетних планов их вообще не интересовали. Единственное, что роднило обитателей цыганского поселка с советской властью, так это полное отсутствие уважения к частной собственности. Однако в этом пункте цыганское мировоззрение категорически не совпадало с некоторыми статьями уголовного кодекса. Криминогенная обстановка в районе портилась, социализироваться цыгане категорически не желали, и это привело к закономерному результату. Тогда же, в шестидесятые, цыганский анклав был уничтожен силами милиции. Некоторые его обитатели подались в другие, более гостеприимные места, а некоторые разбрелись по городу. К последним как раз относилась цыганская семья, в гости к которой мы шли.

Витёк гулко постучал в железные ворота. Во дворе с деланной злостью залаяла собака, где-то внутри загоготали гуси. Прямо какой-то Кустурица, подумал я.

— Кто там? — раздался женский голос с другой стороны ворот.

— К Мише по делу, — сказал Витя.

Дверь открылась. Перед нами стояла полная молодая цыганка в цветастом платке, черной юбке до земли и какой-то чудовищной ядовито-зеленой блузке. Она пытливо оглядела нас и, определив, что опасности мы не представляем, кивнула куда-то в глубь двора:

— Проходите, Миша сейчас выйдет.

Большой двор был вполне в стиле еще не снятых фильмов Кустурицы. Громадная собака, которая, завидев нас, приветливо замахала хвостом. Далекое не приветливые гуси.

Дети, точное число которых невозможно было определить, играющие с разнообразным хламом, которым двор был буквально заполнен. Старая, если не сказать древняя цыганка, сидящая под тенью яблони в старом кресле и курящая сигарету в длинном мундштуке. Перед ней на журнальном столике — наполовину пустая бутылка «Столичной», тарелка с закуской — порезанные лук и сало, а также — облезлый белый кот, который стырил с тарелки кусок сала и с удовольствием его жевал. Цыганка ругала кота как минимум на двух языках — цыганском и русском, но никаких действий против него не предпринимала. Что касается кота, то он к ругани относился вполне философски — слушал, но продолжал жевать.

Меня терзали смутные сомнения — я сомневался, что в этом доме наберется сумма, на которую мы рассчитываем.

Мы только успели осмотреться, как из дома появился Миша — низенький коренастый парень лет двадцати пяти, в джинсах и футболке от нашей «фирмы».

— О, привет, пацаны, — зевая сказал Миша. — Чего расскажете?

— Здорово, Миша, — сказал Витёк. — Вообще, по делу к тебе.

— Ну, раз по делу, тогда пойдем в дом!

Цыганский дом изнутри мало чем отличался от двора. Многочисленные дети, играющие с хламом, наполовину пустая бутылка водки на столе, сетчатая кровать с грязным матрасом, несколько старых стульев, потертый красно-черный ковер на стене — так выглядел зал. Из кухни, отделенной от зала марлевой занавеской, доносился убийственный запах жареной рыбы.

Миша, со всем полагающимся гостеприимством, поинтересовался — не желаем ли мы выпить? Витя ответил, что нет, выпить мы не желаем. Миша поинтересовался, не хотим ли мы закусить (на столе из закуски был порезанный черный хлеб и трехлитровая банка с огурцами). Витя стоически отказался и от закуски тоже. Миша, раздав несколько легких подзатыльников резвящимся детям, освободил диван и широким жестом предложил нам присаживаться.

— Чего за дело? — спросил Миша.

— Помнишь, пару недель назад общались за часы? Ты говорил, что по сорок рублей можешь забрать оптом. Будешь брать?

— Что за часы? — в голосе Миши появился интерес. — «Монтана», что ли?

— Она, родимая! — лихо подтвердил Витёк.

Миша крепко задумался. Некоторое время он чесал затылок, смотрел в потолок и шевелил губами, чего-то прикидывая.

— На шестнадцать мелодий? Если на восемь, то и даром не нужно! На восемь — не возьму!

— На шестнадцать, ясный перец! — подтвердил Витя.

— Показывай! — скомандовал Миша.

Заветная «Монтана» была извлечена из школьной сумки и торжественно разложена на столе, на газете «Труд». Зал тем временем наполнился примерно десятком (точнее посчитать было сложно) Мишиных домочадцев в возрасте от пяти до восьмидесяти. Началось представление.

— Как-то тускло светят! — восклицал подвыпивший цыган средних лет, сверкая золотым зубом и источая немислимый перегар. — Это у них батарейка садится, точно говорю! Батарейка!

— А запасные батарейки есть? — деловито спрашивал Миша. — А то в натуре — сядут

и хрен найдешь потом.

— Батареек нету... — разводили руками мы.

— Ну вот, — расстроился Миша. — Как же их покупать без батареек? Давай, делай скидку на батарейки, хотя бы по тройку!

— Да не гони! — Витя был кремень. — Часы — муха не сидела! Только из Америки! Свежак!

— Давай мелодии слушать! Музыка! А ну тихо все! Будем музыку слушать!

Слушали музыку — внимательно и напряженно, даже с каким-то азартом. От прослушивания младшее поколение цыганской семьи пришло в феерический восторг и даже пустилось в пляс, старшее же изображало скепсис — опять им чего-то не нравилось.

— Вот эти и эти — тише играют! Еле слышно!

— Давай скидку делай! Они бракованные у тебя!

— Да нормально играют, все одинаково! — отбивались мы, но куда нам было тягаться с цыганами.

— А давай на жвачку меняться! Нам из Ужгорода жвачку подогнали фирменную. Хочешь восемь блоков жвачки? Как раз на четыреста восемьдесят выходит!

— Нет! — У нас просто голова кружилась от коммерческого напора аборигенов.

— Как нет? — удивлялся Миша. — Вы ее по рублю сдадите, за нефиг делать! Еще и пять сотен наварите почти, ты че?!

— Сам продавай! Их полгода продавать надо! — Витёк уже начинал злиться. — Нам наличные сегодня нужны!

— Слушай, — говорила дородная цыганка средних лет, — не хочешь жвачку — есть косметика, польская. Наборы, тени, помады! По нормальной цене вам посчитаем!

Витя кипел. Валерка трясся от беззвучного смеха.

— Давай выпьем! — потрясал початой поллитрой поддатый цыган с громадной бородой.

— Так, все! — терпение Вити определено иссякло. — Миша, не трахай мне мозги, говори конкретно — берешь или нет?! Если нет, то другим сдадим, их по такой цене на барахолке заберут без базара.

— А скидка?!

— Да тебе уже сделали скидку! Сорок — роскошная цена!

— Ну хотя бы на четвертной подвинься с общей суммы!

— Из уважения! — строго сказала пожилая цыганка. — Мы вас уважаем — в дом пригласили, чарку налили.

Я хотел было возмутиться насчет чарки, но обнаружил, что на столе действительно стоят три наполненные водкой стопки.

— На чирик подвинемся, — проникся атмосферой Витя, но от водки категорически отказался. — Итого четыреста семьдесят.

— Ладно, договорились, — сказал Миша с отчаянием в голосе. И вдруг неожиданно добавил:

— И джинсы еще! В придачу! Вот такие же. — Он ткнул пальцем в собственные джинсы.

У несчастного Витя упала нижняя челюсть. Валерка, сволочь, ржал уже не стесняясь.

— Ты не охренел, Миша? Какая тебе придача? — поинтересовался пришедший в себя Витёк. — Джинсы отдельно, часы отдельно. Для тебя джинсы сделаем за стольник.

— Может на жвачку поменяем? — спросил Миша, давно уяснивший, что наглость — второе счастье.

— Или на помады! — оживилась цыганка.

— Сто рублей! — Витёк был непреклонен.

— Давай за полтинник и блок жвачки!

— Соглашайся, — степенно провозгласил пожилой цыган, который как-то незаметно в пылу торгов опустошил все три налитые стопки, якобы предназначавшиеся нам, — он честно предлагает, от сердца! Видит — вы ребята хорошие! Соглашайся!

— Ладно! — торжественно изрек Витя. — Получается, четыреста семьдесят и полтинник — это пятьсот двадцать. И плюс ваша жвачка еще. Давайте расчет!

— За джинсами сразу пойдем? — деловито уточнил Миша.

— Бабки на стол и идем, — подтвердил Витек.

Деньги собирали всем табором — это было отдельное представление. Сначала Миша принес книгу «Два капитана». По всей видимости, книга эта выполняла функцию деньгохранилища. Из книги была извлечена стопочка двадцатипятирублевых. Оказалось двести пятьдесят рублей. Затем молодая цыганка принесла детскую пеленку. Не очень чистую. Пеленка была торжественно развернута, и прямо перед нами на столе вырос небольшой холм из рублей и трешниц. Начали считать и считали долго — сбиваясь, споря, переругиваясь и пересчитывая. Витя краснел от сдерживаемой ярости. Валерик ржал в голос. Цыгане курили, считали, плевали на пальцы, выпивали и закусывали. Со двора прибежала добрая лохматая собака — наверное тоже хотела принять участие во всеобщей движухе, но ее прогнали, используя при этом книгу «Два капитана».

Денег в пеленке оказалось сто восемьдесят семь рублей. Пожилая цыганка принесла трехлитровую банку с мелочью. Снова начался пересчет — строили столбики из монет, старый цыган ругал Горбачева, дети вопили... Было весело. Наконец, все сошлось — сделка состоялась. Кое-как мы рассовали полученную кучу денег по карманам и школьным сумкам и двинулись вместе с Мишей за обещанными джинсами.

Мы были уже у калитки, когда старая цыганка, которая все также сидела в тени яблони и курила, что-то громко сказала. Миша ответил ей на цыганском. Цыганка разразилась гневной речью и погрозила Мише мундштуком.

Миша с некоторым удивлением пожал плечами и обратился ко мне:

— Слышь... как тебя... Лёха? Лёха! Бабушка Мадина говорит, чтобы ты к ней подошел.

— Зачем это? — насторожился я.

Миша пожал плечами.

— Она не видит ничего. Давно. Но... видит. Только по-своему. Понимаешь?

Было не очень понятно.

— Да подойди, что тебе, трудно? Уважь бабушку.

Я подошел, куда было деваться. От бабушки Мадины пахло табаком и еще чем-то... может быть старостью, я не знаю. Она некоторое время смотрела на меня. Изучала. Это жутковато, на самом деле, когда тебя изучают мертвые невидящие глаза.

— Откуда ты? — тихо спросила меня бабушка Мадина. И я поразился тому, насколько правильный вопрос она задала.

— Местный я. На Ленина живу, — так же тихо ответил я.

Бабушка Мадина покачала головой и улыбнулась хитро.

— Нет. Ты не местный. Я хоть и слепая, но вижу. Ты откуда-то из другого места. Не

отсюда.

Я беспомощно оглянулся на Мишу. Миша только руками развел — мол, что я могу сделать?

— У тебя две линии жизни... — сказала цыганка удивленно и, кажется, испуганно. — Две линии. Зачем?

— Не знаю, — сказал я. Совершенно честно.

— Вижу, что не знаешь, — согласилась цыганка. — Все, иди. И не приходи сюда больше. Ты страшный.

— Всего доброго, — вежливо сказал я.

Я с облегчением покинул странный цыганский двор. Теперь он казался мне не в духе Кустурицы, но в духе Стивена Кинга.

— Ну что, нагадала тебе цыганка? — спросил Валерик, когда мы возвращались обратно. — Дорогу дальнюю, казенный дом?

Витя хихикнул.

— Зря смеетесь, — строго сказал Миша. — Бабушка Магина гадала лучше всех. Прс Вангу слышали?

— Чего-то слышали, — подтвердил я. Но уточнять, что слышал большей частью об интернетных «пророчествах» и придуманных копирайтерами кликбейтных заголовках, не стал.

— Она в Болгарии живет. Гадалка, очень знаменитая. К ней Брежнев ездил. И Гагарин. И артисты разные. Так вот, бабушка Магина сильнее ее. К ней тоже приезжали со всего Союза раньше. Сейчас старая уже, не принимает. Но все умеет. Она что тебе сказала?

— Да я не понял толком, — уклонился я от прямого ответа.

Миша скептически усмехнулся. Похоже, не поверил мне.

— Мы комсомольцы, — сказал Валерик. — Нам гадать нельзя, нас могут по комсомольской линии наказать.

— Ну тогда ясно, — согласился Миша, который сарказма категорически не понимал. — А часы у вас хорошие, нормальные часы. Я для чего их покупаю? У нас все время свадьбы, дни рождения, крестины всякие. Бабки — что за подарок? На них не купишь ничего. А часы — вещь! Подарил и нормально. При том — недорого! Выгодная штука их дарить!

В конце концов Миша получил заветные джинсы (примеряли у Валерика дома — джинсы оказались на размер больше, но Миша великодушно заявил, что не беда, дома есть кому подшить), пожал нам руки, пожелал успеха в делах и был таков.

— Ох, ромалэ... — устало протянул Витёк. — Дают стране угля... Мелкого, но много. Всю душу вынули!

— Я на чемпионате области так не уставал, — сказал Валерик. — Ты, Витя, завязывай с цыганами дело иметь. Видел я по цветному такие нетрудовые доходы. Они такие нетрудовые, что почти трудовые. Странно еще, что не кинули...

— Как не кинули? — осенило меня внезапно. — А жвачка?! Жвачку-то мы не взяли! Забыли жвачку! Целый блок!

Витя стал пурпурного цвета. Он закрыл лицо руками (вот он, двойной фейспалм), а тело его сотрясали судороги.

— Интересно, он смеется или рыдает? — спросил Валерик.

— Рыдает, — предположил я. — Скорбит о несовершенстве мира и человечества.

В общем, мы ржали так, что мама Валерика пришла поинтересоваться — все ли у нас в

порядке.

— Ты извини, Витя, — сквозь смех говорил Валерик, — но за жвачкой я туда не пойду. И вообще — ни за чем и никогда.

— Пусть подавятся своей жвачкой, — вытирая слезы отвечал Витёк. — Но какой народ, а? Какой народ?! Хоть в малости, но на чем-то кинуть!

— Ничего себе малость — сто рублей, — сказал я. — Кучеряво живете, Виктор. Стольник для вас не деньги.

— Хрен с ним, — отмахивался Витя. — Главное — бабки собрали. Теперь можно за видиком смело идти. Еще сегодня успеем — тут недалеко. Только мелочь эту нужно пристроить куда-то, а то скажут — на паперти стоял... Несolidно с такой «капустой» к серьезным людям.

Мелочь мы пристроили в соседнем доме, в овощном магазине.

— Копилку, что ли, разбили? — поинтересовалась продавщица. — Мой вот тоже собирает. Пятнашки в бутылку от шампанского. На мотоцикл, говорит, коплю.

— Копилку, да, — сказал Валерик. — Полгода собирал. На подарок. Девушке.

— Это хорошо! — одобрила продавщица. — Не на пропой, а девушке — это правильно. Вы хорошие ребята, по вам видно. Не то что... ходят тут!

Получив от продавщицы купюры в обмен на чеканную монету, мы двинулись к Витиным серьезным друзьям. За видеомагнитофоном.

Нам открыл облаченный в халат увалень лет двадцати.

— О, Виктор! — обрадовался увалень. — Надумал покупать? Проходите, парни, чего в коридоре толпиться?

Увальня звали Артур. Он был единственным сыном очень обеспеченных родителей. Настоящий мажор, не то что мы.

Это была действительно богатая квартира. Даже роскошная, по советским меркам. Просторные комнаты, трехметровые потолки, мебель явно не фабричная, исполненная на заказ, антикварные финтифлюшки — статуэтки, подсвечники, пепельницы. Громадная роскошная люстра в зале — явно импортная. И коробки. Картонные коробки с иностранными надписями — «Шарп», «Панасоник», «Акай» — их не прятали и, тем более, не выбрасывали, но выставляли на всеобщее обозрение. Черт, у них даже был кондиционер!

— Вон ваш видак стоит, — Артур ткнул пальцем в одну из коробок. — И кассеты. Все как полагается. Будем включать, проверять?

— Включим, — сказал Витёк.

Драгоценный «Фунай» был извлечен из коробки, словно какой-нибудь клад. Также наш новый знакомый вытащил из бара бутылку настоящего «Мартини», налил нам по сто пятьдесят грамм в хрустальные бокалы и провозгласил тост за знакомство.

— А мне «JVC» привезли, — похвалился Артур. — Четыре головки, лонг-плей, пульт — все как полагается! Бабок отвалил, конечно, но того стоит — фирма!

— Сколько потянул? — не выдержал Витя. Спрашивать о цене считалось дурным тоном, захочет человек рассказать — сам расскажет.

— Семь! — гордо сказал Артур.

— Хрена себе... — выдохнули мы. Цена аппарата соизмерима с ценой кооперативной квартиры.

— Да ладно... — с плохо скрываемой гордостью сказал Артур, — вот мне еще должны камеру привести. «Панасоник». Вот это я понимаю... Но и ваш аппарат, — Артур погладил темный корпус «Фуная», — очень даже ничего. Рабочая лошадка!

Видик был торжественно подключен к громадному «Акаю», на экране которого появился Шварцнеггер в полной амуниции, готовый к любым боям с превосходящим противником.

— Щварц... — выдохнул Валерик. — Вот это я понимаю!

Мои друзья смотрели на экран с каким-то религиозным благоговением. А мне было немного грустно... Full-HD дисплеи, как же долго вас еще ждать... Качество, конечно, было ужасным — и картинки, и звука, и перевода, одному богу известно, какая по счету копия это была... Но все равно это было круто, даже в самом отстойном качестве и с кустарным переводом! В каком-то смысле это было намного круче нашего изобилия первой половины двадцать первого века. В этих фильмах — не очень замысловатых, рассчитанных на простого и непритязательного зрителя, была какая-то энергия, драйв... Чувствовался подъем, Голливуд в те годы был реально на подъеме, выстреливал шедеврами и смыслами, говорил и показывал новое, а для наших советских людей и вовсе невиданное.

— Что с кассетами? — деловито спросил я у Артура, пока мои друзья зачарованно наблюдали за похождениями командос.

— А вот. — Артур кивнул на журнальный столик. Там, прикрытые «Комсомольской правдой» лежали драгоценные кассеты.

«Звездные войны. Новая Надежда» — прочел я. Отлично. Из классики еще первая серия «Кошмара на улице Вязов», «Путь дракона», «Рокки 2» и «Карате-кид». Ну, неплохо. Однообразно, конечно, сплошной мордобой, но публике зайдет наверняка. Были и новинки — «Робокоп», «Муха», «Доспехи бога». Были даже «Зубастики», ну надо же, когда я их смотрел? Когда-то давно-давно, в детстве. Теперь будет повод пересмотреть.

— Нормально? — Артур явно был доволен произведенным впечатлением.

— Годится, — сказал я.

— «Робокопа» вообще в городе ни у кого нет, — похвалился Артур. — Самый свежак!

— Хороший фильм, — согласился я.

— Че, видел, что ли? — скептически посмотрел на меня Артур. — Да ну не гони!

— Не видел, только слышал, — объяснил я. — Вот теперь посмотрю.

— Ну это да, — согласился Артур. — Я вам еще телефон дам. Одного мужичка. Он кассетами в городе рулит. У него там вообще все есть. Скажете, что от меня, он вас введет в курс дела. Иваныч зовут. А вы что, видеозал мутить будете?

— Еще не решили, — сказал я уклончиво. Откровенничать с этим типом не хотелось.

— Сейчас самое время. Вон, в медицинской общаге работают пацаны — и нормально. Никто их не трогает, ни милиция, никто. Две штуки в месяц — как с куста. Видик уже отбили давно, на машину собирают. Смотрите, не прощелкайте тему. Еще полгода и все ломанутся видеозалы открывать, сейчас просто боятся еще многие. Не понимают, что все, бояться нечего.

А этот парень соображает, подумал я. Но вслух произносить не стал, только спросил:

— А сам-то чего не откроешь, если все так нарядно?

Артур усмехнулся.

— А мне не нужно. Да и не совсем там все прекрасно, есть свои проблемы. Ну а как ты хотел? Не хочешь проблем — иди на завод работай. И вообще, хорош байки травить. Вить, ты аппарат проверил?

— Да, все годится, — отозвался Витёк.

— Ну так давай рассчитывать, елы-палы!

Мы выгрузили наши капиталы. Артур наскоро пересчитал купюры и небрежно смахнул перехваченную резинкой пачку денег в ящик стола.

— Все, бывайте, пацаны! Приятно с вами иметь дело!

Аппарат мы понесли к Валерке, мать которого работала допоздна. Там видик был торжественно подключен к старенькому цветному «Горизонту» через антенный вход — соответствующим шнуром нас любезно снабдил Артур. На экране вновь появился героический Шварцнеггер, но картинка изображения была черно-белой.

— Да, Артурчик говорил чего-то... — задумчиво сказал Витёк. — Говорил, что фирмовая техника с советскими телеками не дружит. Нужно будет телек в ателье нести. Ладно, это беру на себя.

— У тебя телек лишний есть? — поинтересовался я.

— Не поверишь, есть! — сказал Витёк гордо. — «Электрон», не новый правда, но цветной. В гараже хранится, со всем товаром. Миша-цыган мне его впарил еще полгода назад, в обмен на кроссовки японские. Я подумал — вдруг пригодится? И вот, пригодился! Завтра же отвезем в ателье, пусть делают цвет!

— Мы кино будем смотреть или нет?! — возмутился Валера. — Хорошо уже вам трепаться! Я бы и черно-белое посмотрел.

Витя тяжело вздохнул.

— Нет, Валер. Кино ты потом посмотришь. Сейчас мы будем сидеть и думать. Как нам на всем этом поднять бабла, да побольше. А кино не убежит, Валер.

— Составлять бизнес-план будем! — блеснул познаниями я.

— Во! Точно! Бизнес-план! Ты, Валера, лучше нам чаю завари.

— Грузинский есть... — с грустью сказал Валерик. Ему хотелось погрузиться в приключения Шварцнеггера, а тут Витя со своим бизнесом...

— Давай грузинский! — скомандовал Витек. И задумался.

Некоторое время сидели молча.

— А может в общагу строительного сунуться? — подал идею я. — Коменданту — пузырь сразу и небольшую сумму в месяц. Пусть выделит закуток какой-нибудь. Место приличное, народу полно. Делать пару сеансов вечером и нормально.

— Нахрен! — сказал Витя категорически. — Даже если прокатит и комендант поведется, так у той общаги вся окрестная шпана с микрорайона ошивается! Будут проблемы. Башку набьют и аппарат отнимут.

— Валерик поможет со своими боксерами, — возразил я, понимая, что Витя прав.

— Ага. Будем побоища устраивать. Да нас после первого же косяка оттуда турнут, еще и с милицией.

Я разозлился.

— Витя, — сказал я, — если ты такой умный, то почему не предлагаешь ничего? Критиковать я тоже могу, дело нехитрое.

Витя вновь замолчал надолго, чего-то тихонько напевая себе под нос. Валерик принес три чашки чая и саркастически поинтересовался, не хотим ли мы еще чего-нибудь.

— Твой батя ректора общетехнического хорошо знает? — спросил меня Витя после того, как наши чашки опустели наполовину.

— Проректора точно знает, — сказал я, — но ты не гони, Витёк. Я батю к этому вопросу привлекать не хочу. Да он и не поведется, скорее всего.

— Да-а... — сказал Витя задумчиво. — Вот оно как получается. Даже интересно. Нам нужно решить вопрос. Нужно помещение. Так?

— Так, — согласился я.

— И не только помещение. Нам нужно о себе заявить. Афишу — не афишу, типа того. Чтобы зритель мог прочитать — в такое-то время, такой-то фильм. Так?

— Так, — снова согласился я.

— И чтобы при этом спокойно работать, чтобы милиция и шпана к нам не лезла. Так?

— Витя, — сказал я тоном, выражающим бесконечное терпение, — ты если чего-то придумал, то поделись с нами. Не чужие люди, все же.

— Я чувствую, что решение есть, — сказал Витя. — И оно есть, его не может не быть. Вот только вопрос — сможем ли мы сами его найти? Без папы-мамы?

— Подожди, — сказал я. — Ты завязывай философствовать. То, что нам нужно — помещение, безопасность и возможность работать. Это все понятно. Делать-то чего?

— Административные вопросы, — сказал Витя задумчиво. — Это все решается на уровне исполкома. Одним звонком. Дело наше — оно же, по сути, пустяковое. Нужен выход на кого-то из исполкомовских.

Тут у меня в голове что-то щелкнуло.

— Стоп! — заорал я. — Есть! Есть выход!

Витек испытывающе посмотрел на меня и сказал:

— Рассказывай!

Торопясь и сбиваясь, я рассказал о своем соседе по больничной палате — Николае Петровиче, каком-то чине из облисполкома.

— И, говоришь, твой батя его не знает? — спросил Витёк, глаза которого загорелись.

— Знает, но шапочно. Они не общаются — сто процентов. Мы с Николаем Петровичем в одной палате... Отличный мужик! Вот только вопрос — как мне его найти? Я ж даже фамилии его не знаю, Николай Петрович и всё.

— Спросишь там, — сказал Витя. — Если он действительно в руководстве, то его по любому знать должны. Прямо на вахте спросишь — Николай Петрович в каком кабинете? Понял?

— Да понял, понял... А если его на месте не будет?

— Значит подождешь. Или узнаешь, когда должен быть.

— Теперь давай думать, что ему говорить, — сказал я. — Весь расклад, как есть? Хотим, Николай Петрович, поднять бабла и открыть видеозал...

— Да, все как есть. Нужно помещение и возможность работать.

— Да-а... — сказал я задумчиво. — Слышь, Виктор... Может ему долю предложить? Как ты считаешь? Или сразу сколько-то бабок занести?

Витя покачал головой.

— Бабок у нас сейчас нет, все выгресли. Осталась, может быть какая-то мелочь. А насчет доли... Не знаю. Смотри там по обстоятельствам. Лучше, конечно, без всяких долей. Но если увидишь, что не получается договориться — предлагай. Процентом десять. Один хрен — примерно его месячная зарплата. Вообще, не волнуйся, а то ты, я смотрю, на нервяке весь. Чего ты, Лёха? Нормально все будет! Порешаем! В табели о рангах твой батя выше этого Николая Петровича!

— У меня просто крыша едет от этого всего, — честно сказал я. — Завтра контрольная по химии. А потом такие переговоры...

— Переговоры не последние... — сказал Витя загадочно.

— Да ну нафиг! — Я не смог скрыть раздражения. — С кем еще?

— Со Щербатым, ясен пень, — ответил Витя. — Вот ему нужно будет реально долю предложить. И авансом выдать рублей двести. Его помощь по любому понадобится.

— Это да... — вздохнул я.

— А за химию не переживай, — сказал Витя ободряюще. — Я и твой и свой вариант решу, так что — не парься.

— А мне? — подал голос Валерик, который во время обсуждения молча хлебал чай.

— Чего тебе? — удивился Витя.

— Контрольную! Я ж в химии — ни в зуб ногой!

— А тебе пусть Юлька Голубева решает, — отрезал Витёк. — Все, пойдем, Лёха! А твои родители хватятся.

А дома отчего-то накатила грусть и это дурацкое чувство — ощущение собственной своей неуместности в этом времени и этом месте. Ничего мне не хотелось. Хотелось обратно. В двадцать первый век, к смартфонам, яндекс-доставке и остальным плюшкам. Тридцать с лишним лет ждать... А впереди — безумная свистопляска, слом старого мира и

совершенно непонятные перспективы. Я никак не мог отделаться от ощущения, что меня прет со страшной силой и скоростью громадная волна... прет, чтобы швырнуть куда-то. Ладно, решил я, отходя ко сну. Мы еще побарахтаемся.

В областной исполком я отправился сразу после школы. Отправился при полном параде — никаких джинсов и кроссовок — отутюженный костюм, свежая сорочка, галстук и комсомольский значок. А вместо сумки — черный пластиковый кейс. Так что, внешне я вполне мог сойти за какого-нибудь комсомольского чиновника средней руки.

Областной исполком слегка удивил меня полным отсутствием на входе милиции и рамок-металлоискателей. Оказывается, в смутные перестроечные времена чиновники совершенно не были озабочены вопросами собственной безопасности, им не чудился потенциальный террорист в каждом посетителе... вообще, кто бы мог подумать, что государственное учреждение может функционировать без бронированных дверей, решеток, вооруженной охраны и пропускного бюро. На вахте сидел почтенный дедушка, который мирно читал газету и совершенно не обращал внимания на снующих мимо граждан. Я уверенным шагом подошел к нему и поприветствовал со всем возможным тактом:

— Добрый день!

Почтенный дедушка оторвался от газеты не сразу, некоторое время он читал, слегка шевеля губами, но все же оторвался и вопросительно посмотрел на меня.

— Скажите пожалуйста, Николай Петрович в каком кабинете принимает?

Дедушка поправил очки и надолго задумался.

— Николай Петрович — это Соколов? — спросил у меня вахтер. И, не дождавшись моего ответа, сказал утвердительно: — Соколов. А если Соколов, то значит в двести четырнадцатом. Второй этаж, налево.

— Большое спасибо! — сказал я.

Дедушка поднял отложенную газету и навсегда забыл о моем существовании.

На втором этаже мне повезло. Зверь, что называется, бежал на ловца и с Николаем Петровичем я столкнулся в коридоре буквально нос к носу, когда он с папкой свекольного цвета выпорхнул из кабинета.

— Николай Петрович! — воскликнул я радостно.

Он посмотрел на меня с удивлением, попытался вспомнить, кто я такой, не вспомнил и спросил с некоторым неудовольствием:

— А вы из какого учреждения, молодой человек?

— Я не из какого учреждения, — объяснил я радостно. — Я Петров Алексей, помните? Мы с вами в одной палате, в больнице...

Николай Петрович улыбнулся и всплеснул руками.

— Ну как же! Алексей Владимирович! Каким ветром в наших краях? По комсомольской линии что-то?

— Нет, я не по комсомольской... Я к вам, по делу.

— Ко мне? — удивился Николай Петрович. — Ну, отлично. А знаешь что... Мне тут нужно на минутку... по делу. Ты заходи, Алексей, в мой кабинет. Посиди, пока я бегаю. А я постараюсь быстренько... Добро?

— Добро! — сказал я с огромным облегчением. У меня будто камень с души упал.

Кабинет Николая Петровича был казенным, неудобным и безликим. Ничего, что указывало бы на стремление к комфорту и роскоши. Даже наоборот — какая-то аскеза чувствовалась во всей обстановке. На рабочем столе нагромождение бумаг и телефон. Шкаф

с кучей папок. Неудобные скрипучие стулья. О стремлении обитателя кабинета к комфорту свидетельствовал только выдавший виды настольный вентилятор. Эпоха цыганского барокко еще не наступила. В казенных кабинетах сплошной минимализм.

Николай Петрович действительно не заставил себя долго ждать. Минут через двадцать он ураганом ворвался в кабинет, швырнул папку куда-то в сторону шкафа и бессильно упал на стул.

— Совсем замотался, — сказал он устало. — То одно, то другое... Но ты, Алексей, не обращай на меня внимания, рассказывай. Как здоровье?

— Все в порядке, — сказал я бодро. — Спасибо докторам.

— Это хорошо. Тогда рассказывай. Что там за дело у тебя?

И я начал рассказывать. Николай Петрович внимательно слушал, кивал и усмехался.

— Видеосалон, значит... — сказал он, когда я закончил. — Ну что же... у нас сейчас гласность. А значит — цензура идет к... А отцу говорил уже?

— Вы знаете, Николай Петрович... — начал я.

— Всё. Понял. Вопрос снимается. Действительно, зачем тревожить отца по пустякам? Только, видишь ли, Алексей. У меня тут, — Николай Петрович похлопал рукой по стопе бумаг, — краны. Подъемные. У меня тут экскаваторы. У меня тут плиты и кирпич — будь он трижды проклят! А у тебя — фильмы, да еще и заграничные. Это не мое ведомство, уж извини. Сам я помочь тебе ничем не смогу.

Николай Петрович нервно побарабанил пальцами по столу и посмотрел в окно:

— Жара сегодня. А обещали дождь. Все врут, даже синоптики.

Ну вот, подумал я. И что теперь говорить пацанам? Такой простой вопрос решить не смог... Я посмотрел на Николая Петровича. Он сидел и явно что-то прикидывал.

— В общем, я сам тебе помочь не могу, — сказал Николай Петрович. — А сделаем так. Отправлю я тебя к Ольге Валентиновне. Она у нас культурный сектор. И человек очень деловой, сразу тебе все объяснит — чего можно, а чего нельзя. Понял?

— Спасибо вам, Николай Петрович, — сказал я с огромным облегчением.

— Вот и дуй. В триста двадцать третью комнату. Я ей позвоню сейчас.

Николай Петрович снял трубку:

— Ольга Валентиновна? Приветствую! Тут такое дело... Да! Сейчас паренек к тебе подойдет, ты пообщайся. Да, нужно! — Николай Петрович махнул мне рукой — иди уже!

Закрывая дверь, я услышал:

— Петрова сын... Из горкома который.

Ольга Валентиновна оказалась полной грустной женщиной неопределяемого возраста. На столе перед ней стояла чашка остывающего кофе и почти пустая пачка печенья.

— Здравствуй, здравствуй, — гостеприимно поприветствовала она меня. — Звонил Николай. Алексей?

— Алексей! — подтвердил я. — Очень приятно.

— А мне-то как приятно, — вздохнула Ольга Валентиновна. — Значит, кинолюбители?

— Так точно! — отчеканил я.

— И аппарат этот есть... как его... видик-шмидик?

— Имеется аппарат. И фильмы имеются, — подтвердил я. И почему-то добавил: — Классика жанров! Хотим нести в народ искусство!

— И почему искусство для народа предполагается? — прищурилась Ольга Валентиновна.

— Недорого, — сказал я, потупив глаза. — По рублю с человека. Разве для настоящего искусства это цена?

Ольга Валентиновна задумчиво покивала головой:

— Да, для настоящего искусства по рублю — недорого. Ну ладно, Алексей... Поступим мы вот как. Вы же кинолюбители?

— Кинолюбители, — согласился я.

— Вот и прекрасно. Тогда припишем вас к клубу кинолюбителей, что в доме культуры медработников. И показывайте там свое кино сколько душе угодно. Как тебе такое решение?

— Полностью устраивает!

— Вот и отлично. Я позвоню там кому следует — выделяют вам какой-нибудь закуток. Только один уговор... Чтобы никаких там... ну, ты понимаешь? Запретных тем. Антисоветчины чтобы и близко не было. И разврата всякого. Понимаешь?

— Все понял! — сказал я с комсомольским задором. — Я не подведу, Ольга Валентиновна, ничего подобного мы не допустим!

— А вот мультики там... или кинокомедии... это всегда пожалуйста, сколько угодно!

— Хорошо, — сказал я, подумав, что те же «Зубастики» вполне пройдут за кинокомедию.

— Ну и с руководителем клуба нужно будет... понимаешь?

Уж в чем наши чиновники не изменились, так это в манере говорить. Передавать информацию с помощью недосказанностей, намеков и интонаций.

— Я все понял! — заверил я хозяйку кабинета.

— Ну вот и отлично. Сегодня уже поздно, а завтра дуй в ДК, в клуб кинолюбителей. Там будет их руководитель — Кузьмич. Он тебя в курс введет. Еще есть вопросы?

— Вопросов нет. Спасибо вам огромное, Ольга Валентиновна!

— Да ладно, — улыбнулась хозяйка кабинета. — По всему видно, что парень ты хороший, порядочный. Отцу привет передавай.

— Обязательно! — заверил я ее, а про себя подумал, что навряд ли отец дождетя переданного приветя.

Из здания облисполкома я вышел окрыленный. Решил такой сложный вопрос, да еще практически своими силами. Хоть тень папеньки и маячила за моей спиной, но разговаривал и договаривался я сам. В общем, я был на позитиве. Не терпелось рассказать товарищам о том, как удачно все срослось. ДК медработников — это не подвал в общаге, это очень приличное место, практически в центре, мы о таком фарте и не мечтали.

Из ближайшего автомата я набрал Витька, который выслушал мою победную речь и срочно потребовал зайти к нему.

Дома Витя выглядел усталым и хмурым.

— А я телек в ателье возил, — сказал он мрачно, — и вот что я тебе скажу, дорогой друг... Не тем мы занимаемся! Не тем!

— Рассказывай! — потребовал я.

— Знаешь, сколько мне мастер в ателье зарядил за работу? Вот угадай! — Витя кипел негодованием.

— Неужто четвертной потребовал, гад?

Витя грустно рассмеялся.

— Четвертной?! Полторы сотни, Лёша! Сто пятьдесят рублей! Как тебе?

— Не хило, — сказал я.

— И ведь что самое обидное — мы за свои бабки хоть минимально, но рискуем — при плохом раскладе и закрыть могут и грабануть. А этот хмырь в ателье делает по пятьсот колов в день, и ничем не рискует вообще!

— Так телек сделали или нет?

— Хрен там, — ухмыльнулся Витек, — у него очередь. Очередь, мать его, на три дня! Через три дня будет готово, но бабки вперед!

— Ну а что ты хотел? — сказал я примирительно. — Он же знает, что видик минимум две штуки тянет. Если две штуки нашел, то и еще полтора ста найдешь, не развалишься. У них, Витя, своя логика.

— Ладно, хрен с ним. — Витя начал потихоньку остывать. — А ты, я так понимаю, удачно сходил?

— Удачно! — подтвердил я. — Теперь мы члены клуба кинолюбителей. Все официально. Завтра пойдем оформляться.

— Да, — сказал Витек довольно. — ДК медиков это тема! Это то, что нужно. Сейчас бы отметить это дело. Но не будем. Некогда.

— А что, — удивился я, — у нас еще какие-то планы на сегодня.

— Вот у тебя точно планы, — отвечал Витек. — Сейчас дуй в «Софию» и договаривайся со Щербатым, чтобы по его линии все было ровно. Бабки есть?

— Где-то полтинник остался, — развел руками я.

Витек тяжело вздохнул, куда-то ушел и принес купюры.

— Вот тебе сто пятьдесят. Полтинник свой доложишь, как раз двести будет. Дашь

Щербатому и расскажешь, что к чему. Скажешь, что каждый месяц будем столько давать, а нужно только одно — чтобы все было тихо и спокойно. Больше двухсот рублей не предлагай. Неизвестно, как там еще дела пойдут. Разберешься, короче.

— Разберусь, — сказал я. В «Софию» идти не хотелось. И общаться с уголовниками тоже. Хотелось завалиться на кровать и забыться с книжкой. И вообще — я выпускник. Мне полагается думать о вступительных экзаменах и будущей профессии. Мне полагается думать о девушках, а не об этом всем...

— Чего сидим? — требовательный голос Витька привел меня в чувство. Порой меня удивляла настойчивость и целеустремленность моего товарища.

В «Софию» я приперся уже в начале девятого вечера. Там, как всегда, был аншлаг — шумно, людно и дымно. Я, не теряя времени, поднялся на второй этаж и отправился в уже знакомый мне укромный уголок у пальмы, где обычно заседала честная компания.

Компания оказалась в сборе, но в немного расширенном составе. Кроме уже знакомых мне Щербатого, Швили и Магадана, сидел еще один мужчина — худощавый коротко стриженный брюнет лет тридцати. Компанию джентльменам составляли три девушки.

— О, пацанчик! — узнал меня Магадан. — Ну чего ты не подходишь, давай-давай, за стол!

— Добрый вечер, — поприветствовал я присутствующих.

— Привет, — улыбнулся Саша. Он, похоже, был слегка выпивши. — Ну рассказывай, вернул тебе этот балбес часы?

— Вернул все, как договаривались, — сказал я. — На следующий же день. Благодарю!

— Да ладно... — Саша махнул рукой. — Этого Кузю закрыли уже менты. А у нас праздник сегодня! Товарищ вернулся... Из дальней и продолжительной командировки. Толян, прошу любить и жаловать.

— Алексей, — кивнул я коротко стриженному. Тот улыбнулся, продемонстрировав золотые фиксы.

— Мне бы поговорить с вами пару минут, — в полголоса обратился я к Щербатому, — по делу.

— По делу? — усмехнулся тот. — Ладно. Пойдем, покурим тогда.

Мы пошли в сторону бара.

— Ну рассказывай, что там у тебя за дело, — сказал Саша. — Опять, что ли, хулиганье обижает?

— Мы с друзьями видеосалон открываем, — сказал я. — В ДК медработников.

— Это как в общаге на востоке? — спросил Саша и в голосе его явно сквозила заинтересованность.

— Да. Только у нас все почти официально будет. Типа кружок кинолюбителей.

— Ну нормально, — улыбнулся Саша. — А от меня что нужно?

— Нужно, чтобы там порядок был, когда откроемся. Чтобы все было тихо, вы же понимаете...

— Чего ж непонятного, — сказал Саша, закуривая, — набежит шпана со всех окрестностей. Бабки платить не захотят, захотят на халяву смотреть видики ваши. А если слово против скажете, то... сам понимаешь. А нормальных зрителей распугают.

— Вот нам как раз нужно, чтобы этого не было. — Я протянул Щербатому конверт с деньгами. — Мы готовы каждый месяц десять процентов отдавать. Вам или кому скажете...

Щербатый спрятал конверт в карман пиджака и как-то грустно усмехнулся.

— Ну вы чего, пацаны? Проценты какие-то... Я ж не бухгалтер и не коммерсант. Не мое это. Вот ты пришел, внимание уделил, попросил помочь — мы помогли. Вот это наше. А чтобы охранять кого-то — мы не милиция. Но помочь вам нужно... — Щербатый задумался. Я выжидающе молчал.

— Сделаем так, — сказал Саша, — пришлю вам кого-нибудь из наших молодых, кому делать нечего. Пусть первое время посидит у вас на сеансах. Недельку-другую. Фильмы там посмотрит, а заодно и за порядком приглядит. А я скажу шпане, чтобы в вашем кинотеатре вели себя прилично, что люди вы нормальные, с нами общаетесь. Устраивает тебя такой расклад?

— Полностью устраивает, — сказал я с плохо скрываемой радостью. Ну вот сегодня прямо мой день, все получается!

— Тогда добазарились, — сказал Саша. — Только ты учти. Кое-что мы, конечно, можем. Но не все. Сейчас шпаны много, старших не слушают, понятия не имеют. Моего близкого отлупили недавно на танцах, хороший парень, на больничке теперь, сотрясение мозга, ребра поломаны. Ну отловили их, поступили по заслугам... но кому оно надо? Так что, никто ничего вам гарантировать не может, сам понимаешь. Тем более, у вас там бабло нормальное, много желающих найдется. Сколько поднимать собираетесь? Пару штук в месяц?

— Примерно так, — ответил я, отмечая, что Щербатый вычислил нашу потенциальную прибыль очень точно. Не бухгалтер вообще, ага!

— Ну вот. А большинство пацанов столько бабок и не видели никогда. Ходят, мелочь на пузырь сшибают. С кого кроссовки снимут, с кого штаны. Ну, короче, ты понял. А за проценты забудь. Захотите уделить по возможности — знаешь, где меня найти.

— Спасибо вам! — от души поблагодарил я Сашу.

— Спасибо скажешь прокурору, — пошутил он. — Все, расход. Пусть фартит вам в вашем бизнесе.

Из «Софии» я вышел радостный, но и слегка озадаченный. Получается, что не все так просто и Щербатый с его друзьями не гарантируют безопасность.

Придя домой, я отзвонился Вите. Тот очень обрадовался, что жулики не запросили процентов, но удовлетворились «благотворительными взносами».

— И так уже почти все деньги ухнули, — сетовал Витя. — Все, что нажито непосильным трудом... А ну как не взлетит наш видеосалон? Стремно чего-то...

— Взлетит, Витя, не может не взлететь! — говорил я. — Завтра всей честной компанией пойдем в ДК к Кузьмичу — записываться в кинолюбители.

— Еще как пойдем! — Настроение у Вити было боевое. — Только вот вопрос — нужно ли ему будет бабок давать? У нас почти ничего не осталось.

— Нахрен! — сказал я решительно. — За нас влиятельные люди звонили, сама Ольга Валентиновна! Я, правда, не знаю, кто она по должности, но тетка серьезная — сто процентов. Перетопчется Кузьмич. Максимум может рассчитывать на пару пузырей. Пару пузырей-то мы найдем, я надеюсь?

— Я батин бар разоряю потихоньку, — посетовал Витёк. — Хорошо, что у него память плохая — не помнит, чего у него там и сколько. Найдем пару пузырей, не проблема. Проблема в другом.

— Что еще за проблема? — насторожился я.

— С кассетами, елки-палки! Кассет у нас пять штук всего! И на неделю не хватит!

— Так подожди... — сказал я удивленно, — нам же Артур давал номер телефона какого-то чувака, который может с этим делом помочь?

— Давал! Завтра уже буду звонить! Тут дел столько, что не знаешь, за что хвататься. Крыша едет!

— А если хочешь, чтобы крыша не ехала — иди на завод, Витюша, — съязвил я.

— Иди на фиг, — сказал мне Витя и повесил трубку.

Я совсем было собрался спать, когда в коридоре зазвонил телефон. И почти сразу после этого в комнате появилась маменька:

— Тебя к телефону. Девушка.

Ну конечно, это была она. Марина.

— Привет, — сказала она, — не спишь еще?

— Не сплю, — ответил я. Ответил совсем не то, что нужно было. Но в этот вечер я уже почти ничего не соображал. Слишком много всего — переговоров, нервов и планов.

— Как у тебя дела? — спросила она.

Вопрос несправедливый. Я, например, понятия не имею, как у меня на самом деле дела. Наверное, хорошо. Но это не точно.

— Очень занят, наверное? Не звонишь... — Упрека в ее голосе не было. Была констатация факта.

— Я собирался, — соврал я (или не соврал? вполне возможно, что я действительно собирался), — но у нас тут кое-что намечается.

— По коммерческой части? — спросила она, и в голосе ее мне почудилась ирония. Вот почему такое несерьезное отношение к представителям малого бизнеса? Это, в конце концов, обидно.

— И по этой тоже, — сухо ответил я.

— А-а-а... Ну хорошо. Рада, что у тебя все в порядке.

— Марина, — сказал я в каком-то отчаянии, — подожди...

— Как будешь посвободнее — звони, — сказала она. И все. Короткие гудки.

Да что ж такое-то, воскликнул я про себя. То чувство, что возникло на даче у Вадика, слегка приглушенное в начавшейся суете, вновь навалилось и захлестнуло.

Нет, так нельзя, думал я. Нельзя мне сейчас лезть в отношения. Тем более, с девочкой... сколько ей там? Семнадцать?.. Ни в коем случае. Другие задачи стоят, масштабные и важные. Нужно как-то отвлечься... как-то... Здесь даже компьютерных игр нету! В отчаянии я включил радиоприемник.

«Не мечтал о счастье я таком, я о нем не знал.

Даже целый век вдвоем с тобой мне, наверно, мал.

Благодарен я судьбе своей за любовь, что нам дана.

Знаю, будешь мне нужна всегда одна лишь ты,

Лишь ты одна...», — пел Юрий Антонов.

Я выругался и выключил радио. Спал я в ту ночь на редкость крепко, без сновидений.

На следующий день после школы, при полном параде, при галстуках и комсомольских значках, направились мы в ДК медработников, искать Кузьмича и его клуб кинолюбителей.

Нашли быстро. Клуб оказался небольшой комнаткой, оклеенной несметным количеством киноафиш, от которых рябило в глазах. Там сильно пахло табаком и перегаром, на старинном письменном столе лежала охапка журналов «Советское кино», а под столом я заметил целую батарею пустых бутылок.

Кузьмич, главный кинолюбитель, оказался сонным похмельным пенсионером, который долго не мог понять, кто мы такие и чего хотим. Оживился он только тогда, когда Витя показал ему бутылку «Столичной». Память его волшебным образом прояснилась.

— О, ребята! — воскликнул Кузьмич. — От Вали? Валя звонила, да. Сейчас мы все организуем!

Он лихо выписал нам три членских билета — мы официально влились в кинолюбительское сообщество — и убежал куда-то.

— Закусь искать, — предположил Валерик. И ошибся. Через несколько минут Кузьмич вернулся с еще одним пенсионером — Васильичем, командирский голос и остатки выправки которого выдавали в нем бывшего то ли военного, то ли сотрудника каких-то органов.

— Сейчас выделим вам место под солнцем, — сказал Васильич. — Что там у вас, кино? По идеологической линии все в порядке?

Мы с Витей переглянулись, и Витя протянул Васильичу пакет с двумя поллитровками.

— Вот, — сказал Васильич удовлетворенно, — вижу, что все в порядке у вас по идеологической линии. Понимающие ребята.

— Славные ребята, — подтвердил Кузьмич. — Будут просвещать молодежь в плане культурных угроз имп... имп... империализма! — Сложное слово Кузьмич смог взять только с третьей попытки.

— Чтобы бить врага, нужно знать его оружие! — назидательно сказал Васильич. И вдруг неожиданно спросил: — Сколько за впуск будете брать?

— Рупь, — сказал Валерик.

— Недорого, — заметил Васильич, одарив Валерика косым взглядом. — Хозрасчет, значит. Это хорошо, это правильно.

— В духе новых веяний, — подтвердил Кузьмич. — Получается, ребята будут демонстрировать образцы зарубежного синематографа с последующей лекцией-разъяснением. Все понятно, ребята?

— Понятно, — сказали мы хором. Правда, мне было сомнительно, насчет лекций.

— В кассу ДК будете вносить полста рублей в месяц, — сказал Васильич. — Ну и магарыч, сами понимаете. Вопросы есть?

Вопросов у нас не было.

— А если вопросов нет, — сказал командирским тоном Васильич, то и пойдете обустроиваться потихоньку. Дело не ждет, — он кинул красноречивый взгляд на пакет с двумя поллитрами.

И мы пошли обустроиваться.

Глава 18

Мы начали обустриваться. Васильич отвел нас по лабиринтам ДК в какой-то аппендикс, где с помощью громадного ключа и нецензурной лексики открыл заедающий замок.

— Вот вам и место под солнцем! — торжественно объявил Васильич. Место под солнцем было чем-то вроде небольшого склада. Здесь хранились какие-то стенды, ведра, дворницкие метлы, бумаги, картины, фотографии, похвальные грамоты — чего там только не было. Пыли и паутины там тоже было в изобилии.

Я прикинул предстоящий объем работы и подумал, что нетрудовые доходы не такие уж и нетрудовые. Огромны плюсом был отдельный вход в наш видеозал — он располагался с торца здания, так что мы были практически автономны. Ключ от входной двери нам торжественно выдал Васильич.

— А стулья? Нам штук двадцать нужно. И тумбочку еще, — обнаглел Витя.

Васильич провел нас в какое-то мрачное полуподвальное помещение в недрах ДК, служившее свалкой мебели — поломанной и не очень, и сказал коротко, по-командирски:

— Выбирайте!

Тот вечер мы провели в праведных трудах. Тягали стулья, разбирали и выносили из нашего помещения хлам, мыли и чистили...

Обратно шли усталые, но довольные, в целом помещение было готово к приему зрителей.

— Значит, телек через два дня будет, — говорил Витёк с энтузиазмом. — Теперь самое главное — репертуар. Нашего только на неделю хватит. Нужно звонить этому Иванычу.

— Нужно еще будет родителям что-то говорить, — сказал я. — В видеосалоне все вечера торчать придется, какая-то отмазка нужна.

— А чего? — сказал Валерка. — Отмазка уже есть, нам ее Кузьмич выписал.

— В смысле? — не понял Витя.

— Да в том смысле, что мы теперь лекторы клуба кинолюбителей. На хозрасчетной основе. А чего? Школа считай закончилась. Вот, мы, как порядочные и ответственные молодые люди, нашли себе небольшую подработку. Для родителей прокатит.

Мы согласились с тем, что в словах Валерика есть резон.

Вечером у меня с родителями состоялся разговор на эту тему. Все прошло без проблем, даже более того — папенька был растроган.

— Это хорошо, что ты о работе задумался. Очень хорошо. Я сам, когда учился, вечерами вагоны разгружать ходил. Но только уговор — все это не за счет учебы!

Я торжественно пообещал, что учеба ни в коем случае не пострадает. Папенька милостиво кивнул и отпустил меня восвояси. При этом, он выглядел настолько усталым и как-то пришибленным, что я не удержался и спросил, как у него на работе дела. Папеньку немного удивило мое внимание.

— Не все просто, сын, — сказал папенька задумчиво, — большие сдвиги идут... Тектонические! *Он там* пытается всем понравиться... а так не бывает. *Его* сегодня превозносят, а завтра будут проклинять. Не глава, а какой-то артист разговорного жанра. Болтает, болтает... Никто на следующий день и не вспомнит, чего он там наболтал. Он и сам не помнит. Болтовня ради болтовни.

Я спросил мнение папеньки о кооперативах.

— Если они будут взаимодействовать с госсектором, то это будет катастрофа, — сказал папенька скорбно. — Ничего они не спасут, только быстрее всё угробят. Нам, старым большевикам, смотреть больно на все эти потуги... Мы жизнь положили на то, чтобы страну из говна и руин вытянуть...

Получилось не очень, отметил я про себя, но вслух, естественно, ничего не сказал. Вслух я осторожно сказал:

— Так может быть, если все изменится в ближайшее время, нужно присмотреться к этому всему? Кооперативам и прочему?

Папенька усмехнулся и безнадежно махнул рукой. Из чего я сделал вывод о том, что в целом мой папенька оценивает ситуацию верно, но при этом адаптироваться к ситуации нормально не может. То ли слишком сильны убеждения, то ли еще что-то... Так что, действовать мне придется без высочайшей поддержки. Вместе с моими товарищами, которые хоть и сообразительные (особенно Витя), но все же пацаны семнадцати лет отроду, с ветром в голове и почти без жизненного опыта.

На следующий день мы встретились с Иванычем — человеком, контролировавшим оборот видеокассет. Встреча длилась не больше двух минут, но Иваныч сумел произвести на нас впечатление. Это был крупный мужик средних лет, судя по телосложению — бывший спортсмен. Он подъехал на новенькой бежевой «восьмерке» и быстро ввел нас в курс дела.

— Вот список фильмов, пацаны. — Иваныч извлек из портфеля несколько соединенных скрепкой листов и протянул мне. — Только учтите, что конкретный фильм лучше заказывать за пару дней. В наличии может не быть. Условия такие: залог — двести пятьдесят, вносите сразу, он у меня остается. И день проката — чирик. Все ясно?

— Ясно... — выдохнули мы.

— Тогда все. Как надумаете — звоните, кассету вам привезут, куда скажете.

Я бегло просмотрел список. Там было... если не все, то очень многое. Начиная от лютого трэша «Мафия против ниндзя» и «Нашествия помидоров-убийц» до вполне пристойных «Однажды в Америке», «Крестный отец» и «Апокалипсис сегодня». Всего фильмов было две с половиной сотни. Мои друзья смотрели на список с каким-то религиозным чувством.

— Это сколько же у него кассет? — задумчиво проговорил Витёк.

— Больше сотни, — сказал я. — Ну вот, Витя, ассортиментом мы обеспечены.

— По чирику в день... — вздохнул Витёк. — Вот где наши главные расходы.

Еще несколько дней ушло на организацию и подготовку. Мы распродали остатки товара — импортные сигареты, зажигалки, часы и прочее барахло, и пока решили с перепродажей завязать, сосредоточившись на видеосалоне. Витёк забрал из телемастерской телек, который был благополучно переделан под импортный формат изображения.

И вот, момент истины наступил. Мы вывесили самодельную афишу, которая гласила:

«Видеозал "Мир кино" представляет: 18-00 — "Путь Дракона" (Брюс Ли, единоборства), 20-00 — "Кошмар на улице Вязов" (ужасы)». Вот такой незамысловатый креатив.

Само собой, никакой другой рекламы мы дать не могли. Но, о чудо! В первый же вечер набился полный зал. Вот она, волшебная сила сарафанного радио! Двадцати стульев нам не хватило, пришлось впихнуть еще четыре штуки и отказывать оставшимся желающим. Зрители заняли места, отдали по рублю и жадно окунулись в мир восточных единоборств.

Пришла в основном молодежь. Пацаны, примерно нашего возраста с горящими глазами,

забыв обо всем смотрели на скверное изображение и ловили каждое слово кустарного перевода. Было и несколько парочек — парни и девушки лет по двадцать-пять — тридцать. Все, затаив дыхание, смотрели за игрушечной финальной битвой Брюса Ли и Чака Норриса. Черт побери, в мое время снимали куда как натуралистичней! Жестче! На такой танец в двадцать первом веке никто и смотреть не стал бы! Но в восемьдесят седьмом смотрели, еще и как. Наша советская молодежь была до такой степени задолбана правильным, качественным и идеологически выверенным контентом, что готова была смотреть что угодно.

— Витя, — тихонько сказал я, — а ведь мы получаемся идеологические диверсанты. Чуждые советскому человеку ценности транслируем. Тебя как, совесть комсомольца не мучает?

Витя на мой троллинг отреагировал слабо.

— Иди на фиг, — просто сказал он, — ты видишь, как смотрят?

Я видел. Смотрели, позабыв обо всем на свете.

— А воспитывать их уже поздно, — сказал Витёк. — Их родители нихрена не воспитали, школа и комсомол тоже. Вот это, — Витя кивнул в сторону экрана, — другая жизнь, понимаешь? Другая. Они такой не видели никогда. И сейчас вот сидят, смотрят, за рубль. На эту другую жизнь, которую у них увидеть своими глазами шансов вообще нет. Ты понимаешь, какое говно вокруг? Как все всем надоело? До тошноты, до одури.

— Брюс Ли крутой, конечно, — сказал я невпопад, — но фильм отстойный. Сюжета нет. Драки, как танец. Но народ прется. И еще, Витёк... Народ не ценит то, что имеет.

— Ты что, гонишь? — сказал Витя. — Если тебя всю дорогу одной манной кашей кормить — вкусной кашей, очень хорошей! — то ты взвоешь через месяц! А через год на кусок соленого огурца молиться будешь. Так и здесь. Это, ясный перец, не шедевр, фильм с Брюсом. Не Феллини и не Гринуэй. — Витя блеснул киношными своими познаниями. — Нс этим ребятам, — Витя указал на зрителей, — впечатлений на неделю хватит, не меньше. И вот у меня законный вопрос, — глаза Вити зло блеснули. — Какого хера нельзя было сделать такого типа фильмов, но своих?

— Никак нельзя, — вздохнул я, — потому что пропаганда насилия. Воспитательной ценности нету, есть только вред.

— Не, ты знаешь, Лёха... — Витёк был зол и серьезен. — А люди вот не хотят, чтобы их воспитывали. Люди хотят вредного кино. Вредных книг. Знаешь, почему у наших коллег на рынке центральном Дюма продают?

— Почему?

— Тридцать рубликов. Тридцать! При госцене в три сорок. А Гарри Гаррисон вообще полтинник! А хрень, которая в книжном лежит, так она и даром никому не нужна.

— Тут ты прав, — согласился я с товарищем. — Вот если в нашем «Комсомольце» запустить хотя бы и этот фильм с Брюсом, то... чего там сейчас идет, не знаешь?

— «Забывтая мелодия для флейты», — сказал Витя и начал потихоньку ржать.

— Вот! — торжественно объявил я. — Фильм-то хороший, не знаешь?

— Предки ходили, говорят, что хороший!

— Так я и говорю — если «Путь дракона» и эту «Мелодию...» одновременно запустить, то на нее хрен кто пойдет. А значит, одновременно нельзя. И вообще «Путь дракона» запускать нельзя, а нужно запрещать, потому что нам с ним конкурировать нечем.

Витя не успел мне ответить, потому что фильм закончился. Публика потянулась к

выходу, но не вся — человек десять осталось, чтобы приобщиться к похождениям Фредди Крюгера. Зрители были под впечатлением, недовольных не было, все всем понравилось. Тех, кто не попал на сеанс, мы успокоили, объявив, что оба фильма завтра в это же время будут повторяться.

Валерик переставил кассету и началось легендарное и ужасное: «Раз-два, Фредди заберет тебя...».

В общем, первый день прошел успешно и нас сильно воодушевил. Заработали мы в тот вечер чуть больше пятидесяти рублей. Конечно, на троих это было не так уж и много, но ведь главное — перспектива. По выходным мы решили делать три сеанса, по будним дням — два, а работать — все семь дней в неделю. При полном зале в месяц мы заработали бы около тысячи шестисот рублей. Десять зарплат обычного советского инженера.

— Минус расходы, — сказал Витёк. — Кассеты будем брать напрокат, Сане Щербатому давать рублей двести, в кассу ДК полтинник и по мелочи еще набежит. Уборщицу нужно пригласить, елки-палки, не самим же полы мыть! Но в общем, примерно больше шуки нам останется. Не так и много, но лиха беда начало.

— А всей работы — собрать бабки, да кассеты переставить, — сказал радостно Валерик.

— Не факт еще, что каждый день полный зал будет, — сказал я осторожно.

— Нормально все будет! — Витя дышал оптимизмом. — Вот пару месяцев поработаем и еще один видик купим! Можно даже зал не открывать, просто по колхозам ездить, кино крутить...

Деньги договорились делить так — половину откладывать на будущее развитие, а оставшуюся половину делить на троих.

— Это рублей двести в месяц, — сказал Валерик. — У моей матери в архиве зарплата — девяносто.

— И это только начало, — сказал я.

По домам мы расходились радостные, не столько деньгам, сколько открывающимся перспективам.

На следующий день перед первым сеансом в салоне появился паренек — чуть старше нас, в линялой светлой кепке, с набитыми на пальцах перстнями.

— Привет, пацаны, — поздоровался он, — меня Федя зовут. Саша просил присмотреть за вашим хозяйством. Как у вас вообще? Все спокойно?

— Пока да, — сказал я, поприветствовав гостя, — да мы только открылись, еще не успели проблем нажить.

— Дурное дело не хитрое, — улыбаясь сказал Федя. — Район у нас сложный, всяких придурков хватает. Вы, если что, обращайтесь. Девятнадцатый дом, там у нас в подвале «контора», мы с пацанами почти все время там гасимся.

Федя по прозвищу Комар был интересным парнем. Всегда на позитиве, всегда улыбчив и приветлив. За все время нашего общения, я ни разу не слышал, чтобы Федя на кого-нибудь повысил голос, даже пьяным — а выпить Федя любил. Его услуги понадобились нам буквально через пару дней.

Да, спокойно проработать нам удалось всего четыре дня. За это время слава об открывшемся новом видеозале облетела все окрестности, а народ шел в таком количестве, что меркантильный Витя заговорил о том, чтобы поднять цену просмотра. Хотя бы на полтинник.

Я призвал Витю включить здравый смысл. Рубль — стандартная такса за просмотр. Ни у кого вопросов не вызывает. А если цену поднять, люди могут и возмутиться. Какой-нибудь обиженный фанат Шварценеггера напишет, например, в газету. Одним словом, нужно придерживаться золотого правила «работает — не лезь». Убедить Витю удалось с трудом — когда речь шла о прибыли, он полностью терял чувство меры. В общем, все было хорошо, прибыль стабильной, а перспективы — радужными.

В тот день я пришел в видеозал первым — нужно было помыть полы, протереть пыль и вообще — подготовиться к сеансам. У нас был анонсирован «Терминатор» и «Полицейский из Беверли-Хиллз», так что полный зал был обеспечен. Но убраться мне спокойно не дали. В зал ввалилась толпа — человек семь-восемь — парней, примерно моего возраста и старше.

— У нас сеанс в шесть часов начинается, пацаны, — сказал я, стараясь говорить по возможности спокойно и доброжелательно. Швабру, которой я только что мыл пол, выпускать из рук не стал.

— Слышь, ты, черт, — обратился ко мне один из пришельцев — малорослый наглый гоблин с прыщавой физиономией, — твой, походу, салон?

— Мой и друзей.

— Нормально, — заржал прыщавый. — У нас на районе открылся, пацанов в курс не поставил. Работает тут, бабло снимает. Вы оборзели вообще?

— Мы кого нужно в курс поставили, — сказал я, сжимая швабру. Сейчас нужно осторожно. Без резких движений.

— Это блатных, что ли, из «Софии»? — насмешливо сказал один из парней, самый здоровый на вид. — Так мы на них болт ложили. Район наш и всегда был наш. На блатной педали у нас не проедешь. У нас здесь своя движуха. Понял, нет?

— А чего ты мне это говоришь? — спросил я здоровяка. — Вот прям сейчас поехали, сам им все расскажешь.

— Ты не борзей, — повысил тон здоровяк, — мы, если что, быстро обломаем.

В голове у меня щелкнуло. Похоже, выбило предохранитель, отвечающий за безопасность и дипломатию. Страх, который возник при появлении незваных гостей, прошел. Вместо него появился какой-то веселый интерес.

— А вы смелые парни, — сказал я с саркастической улыбкой, — вдесятером одного не боитесь! Там еще, наверное, на улице резерв стоит?

— Чего-о? — возмутился прыщавый. — Да я тебя сейчас сам обломаю...

— погоди, — сказал один из парней, до этого молчавший. — Нужно по справедливости решить. А то он, — парень кивнул на меня, — потом скажет, что пришли и толпой отбуцали. Тебя как звать?

— Алексей, — ответил я.

— Слушай, Алексей, — парень подошел ко мне и дружески хлопнул меня по плечу. — Тебе что, впадлу пару раз в неделю сделать сеансы для пацанов бесплатные. Ну и уделить там с ваших куражей на пузырь-другой? Положено так, понимаешь? Вы бабки делаете, мы за район стоим.

— А не согласен — башку отобьем, еще и видик отнимем, — добавил прыщавый. — И работать все равно здесь не будешь, нам пох и блатные, и менты.

Я пожал плечами.

— У меня компаньоны — два человека. Я без них не могу ничего сам решить. А вы, парни, вообще кто? Как мне партнерам сказать?

— Мы с Краснознаменки, — гордо сказал здоровяк. — А вы теперь думайте. Мы завтра подойдем в это же время.

Незваные гости удалились, а я остался ждать своих партнеров и думать. Как же не хватало мне в этот момент мобильного телефона!

Группировка с Краснознаменки была хорошо известна, отголоски ее славы докатились даже до моего времени, а сейчас, в восемьдесят седьмом, она переживала расцвет. Только я не понимал одного — каким образом ДК медиков попало в сферу их влияния? Улица Краснознаменская — длинная и извивающаяся, проходящая почти через весь город, лежала сильно восточнее. Или краснознаменские до того обнаглели, что проникли не в свой район?

В те славные годы в городе орудовали около десятка молодежных группировок. Кроме «краснознаменских» были хорошо известны «центровые», «восточные», «шанхайские» и «заводские». Власти и милиция привычно закрывали глаза на происходящее, поскольку в нашем передовом обществе такой проблемы, как молодежная преступность, не могло быть в принципе. Время от времени, конечно, деятельность группировок попадала в поле зрения газет — когда кого-нибудь убивали или калечили. Нельзя сказать, что подобное случалось часто, но все же случалось — пацаны дрались жестоко, не только кулаками, но и дубинами, цепями, шпакетинами, а то и ножами. «Краснознаменские», которые заявили ко мне в тот день, имели репутацию беспредельщиков, враждовали со всеми остальными группировками, не вступая даже во временные коалиции и не признавали криминальную систему ценностей, в отличие от тех же «шанхайских», на районе у которых множество мужчин побывали в СИЗО и зонах.

Заявились Витёк с Валериком, с видиком и кассетой, и я рассказал им интересные новости.

— Начинаются чудеса... — мрачно сказал Витёк. — Ну что, какие будут мнения, товарищи коммерсанты?

— Хрен им моржовый, а не сеансы, — сказал я. — И не давать ничего, пусть пасутся. Если каждому давать...

В тот момент я был зол и готов к любым боевым действиям.

— Кровать может не выдержать, — согласился со мной Валерик. — Я согласен, ничего им не давать, потому что в итоге оборзуют и отнимут все.

— Согласен, — сказал Витя. — Тогда будем как-то отбиваться. Ты вот что, Лёха... иди ищи этого Федю Комара. Завтра они в это же время обещали появиться?

— В это же, — подтвердил я.

— Ну и всё. Пусть подходит и переговорит с ними.

Дипломатические способности Федя у меня вызывали сомнения, но другого выхода не было.

Девятнадцатый дом я нашел быстро — это была панельная пятиэтажка — убогая, сырая и плохо пахнущая. А доносящиеся из подвала звуки музыки свидетельствовали о том, что Федя, скорее всего, присутствует на месте.

Мне повезло, Федя действительно был на месте. Правда, был он не очень трезв, но, судя по всему, это было его нормальное состояние. В подвале кроме Федя было еще человек десять — разных возрастов и степеней опьянения. Несколько сдвинутых вместе и покрытых газетой ящиков из-под овощей заменяли стол. На этом импровизированном столе гордо возвышались несколько бутылок «Плодово-ягодного», порезанные хлеб и лук, а также — пустая банка консервов «Килька в томате».

— Какие люди и без охраны, — радостно улыбнулся Комар. — Только недавно

виделись и вот опять... Да свой это, — успокоил он обитателей подвала, которые с неприязнью меня рассматривали. Рассказывай, что стряслось.

Я рассказал, стараясь говорить быстро и по сути.

— Краснознаменка... — сказал Комар с пьяной задумчивостью. — Ну совсем малолетки охренели, берегов не видят. Территория их! Ты им сказал, что с людьми работаешь?

— Сказал. Говорят, что болт ложили на это все.

— Ого-го! — радостно рассмеялся Федя. — Вот это оперились щеглы. Ладно. Завтра пойдем, будем разговаривать. Они когда подойдут?

— В половину шестого, — сказал я.

— Ну и все. Порешаем вашу проблему, не тушуйся!

Оптимизм Феди передался и мне.

— Пару пузырей прихвати завтра, — сказал мне Федя на прощание. — Пригодится, по любому.

Я вернулся в видеозал, когда «Терминатор» уже закончился. Восставшие из пепла ядерного огня были повержены, а переполненные впечатлениями зрители выходили наружу.

— Пообщался? — требовательно спросил меня Витя.

— Пообщался, — сказал я. — Говорит, что завтра подойдет, будет разговаривать с этими «краснознаменскими».

— Мы вот думаем, — сказал Витек задумчиво, — может быть завтра боксеров подтянуть из Валеркиной секции? Для страховки. Вдруг не получится договориться?

— Я — всегда пожалуйста, — пожал плечами Валерка. — Человек пять могу собрать, а больше и не нужно. Кого там бить — шпана малолетняя...

— Бабок им сколько нужно будет дать? — деловито спросил Витя.

Валерка довольно усмехнулся.

— Бабок не нужно. На такси только если. У нас же солидарность, вы чего? Если кого отлупить, то собираемся без всякого.

— Ну как-то отблагодарить нужно... — сказал Витёк с сомнением.

— Зарядим им сеанс «Рокки» или «Карате-кид». Как раз перед основным сеансом, — предложил я.

— Точно! — просиял Витёк. — Лучше им дополнительный сеанс устроим, чем всяким козлам. Они и дальше пригодиться могут!

На том и договорились.

По домам возвращались на адреналине.

— Что же это за страна? — возмущался Витёк. — Что же это за такая удивительная страна, где ты даже ментов не можешь вызвать, чтобы шпану приструнить? Я удивляюсь — почему они до сих пор в обком не пришли, эти «краснознаменские» и прочие — секретарю по лысине, буфет обнести... А чего? Кто бы им помешал?

— Витя, — сказал я устало, — ты хочешь, чтобы и на елку залезть, и не поцарапаться. Так не бывает.

— Да какая елка к такой-то матери, — воскликнул Витёк. — Я хочу денег. Понимаешь? Простых советских денег, для удовлетворения своих скромных потребностей. Вот что в этом ужасного, ты можешь мне объяснить?

Я усмехнулся, вспомнив свои споры еще в «той» жизни о том, как жилось в СССР.

— Тебе, Витя, мне, а также всем прочим гражданам государство наше гарантирует работу. Рублей на двести. Или тебе мало?

— Мне — мало! — с нажимом ответил Витёк. — И кому угодно мало. Потому и прут с заводов и фабрик все, что гвоздем не прибито. И никто это не считает чем-то зазорным, все считают, что убытки компенсируют.

— Да, наш человек не ворует. Он компенсирует убытки, — согласился я.

— А если двести рэ не хватает, то можно на Север поехать, там зарплаты большие, — легкомысленно заметил Валерик, чем окончательно вывел Витю из себя.

— На Север?! Почему не на юг? Не в Антарктиду? Не в космос? Ну идиотизм же — чтобы какие-то мало-мальские бабки заработать, нужно к белым медведям ехать.

— В космос тоже можно, — согласился Валерка, — космонавтам, говорят, «Волгу» дают без очереди.

Витя с досадой сплюнул и произнес несколько ругательств.

— И потом они эту «Волгу» кавказцам по двойной цене перепродают! — воскликнул он патетически. — А я не хочу. Не хочу «Волгу» без очереди. Или у космонавта перекупать. Я хочу пойти и купить, честно заработав бабки. Почему везде можно, а у нас нельзя?

— А везде другая проблема, Вить, — сказал я. — Тачки есть, а бабок нет. Тоже дефицит.

— Ты дофига умный, — раздраженно сказал Витёк. — Ты в загранке не был ни разу, вот и нечего. А я общаюсь с теми, кто оттуда не вылезает. Они рассказывают...

Как интересно, думал я. Заграница для советского человека почти недоступна. А значит, представление о ней — сплошной миф. И высшее счастье — попасть туда.

— Ты, Витя, хочешь денег, — сказал я. — Это, конечно, прекрасно. Но ты живешь в обществе, где провозглашены совершенно другие ценности. Любой школьный учитель скажет тебе, что хотеть нужно не денег. А хотеть нужно работать на общее благо и приносить пользу обществу. И видишь какая штука — твои интересы вступают в противоречие с общественными.

— Хрен там они вступают, — не сдавался Витя. — Все хотят бабок побольше, а тряндят о труде и всеобщем благе. Вон, посмотрите, мужик идет с работы. — Витя кивнул в сторону мужика, который неуверенно и пьяно шел нам навстречу. — С завода идет, сто процентов! И шатается не от счастья, что столько пользы обществу принес, шатается от того, что с кентами по бригаде на троих сообразили после работы. И нажрались они не потому что избыток радости от созидательного труда! Нажрались они потому что беспросветность и говно кругом.

— А может у него сын родился, — поддел я Витька, — может этот мужик — ударник производства и в заводской самодеятельности участвует.

— Ага, — сказал Витя саркастически, — таких вот треть примерно, если не половина. Каждый день у них сыновья рождаются, крестины и все такое. Где только берут — непонятно, сухой закон на дворе!

— И что же, — заинтересованно спросил я, — ты считаешь, что этот мужик, который пьяненький домой возвращается, он тоже бабок хочет?

Витя задумался.

— Не знаю, — сказал он мрачно. — Может уже и не хочет. Но только, Лёха, если человек бабок не хочет, то это уже все. Край. Дальше ехать некуда. И ведь таких много, которые вообще ничего не хотят. И это страшно же. — Витя посмотрел на меня. — А сам-то ты чего хочешь?

— Витя, — сказал я, — друг мой дорогой, — ты спрашиваешь у человека в семнадцать

лет, чего он хочет. Ты вот прямо как наша классная. Или мой батя. Совесть имей. Откуда я нахрен знаю, чего я хочу? Это ты у нас один такой весь целеустремленный и деловой, все прочие-то — обычные люди.

— Вы это... — прервал нашу дискуссию Валерик. — Мне своих с секции завтра подтягивать или нет?

На следующий день, в видеозал к четырем вечера подтянулись Валеркины друзья-боксеры — это были спортивные парни с набитыми кулаками, все старше нас, некоторые уже после армии.

Мы поставили им классику — «Рокки» со Сталлоне, но боксеров «Рокки» почему-то не впечатлил, они смотрели его как хорошую комедию и ржали так, что снаружи было слышно.

— А чего — уютно у вас тут, — сказал один из боксеров, самый старший. Его звали Сергей («можно просто Серёга»), он был уже после армии, откуда пришел старшиной запаса.

Был он большим любителем пообщаться, и в процессе просмотра рассказывал мне истории из своей жизни.

— ... и вот, отгулял я дембель, все как полагается... Себя в порядок привел, надел форму, значки, комсомольский значок нацепил, как идиот последний, и пошел в райком комсомола. Пришел и говорю: «Вот я весь такой замечательный, старшина запаса, по боксу разряд, мне бы с молодежью поработать по спортивной линии...». А они там на меня смотрят и улыбаются — мальчик, ты чего пришел сюда? У тебя, говорят, опыт организационной работы недостаточный... И пришлось на завод. А дома жена — перед армией женился...

Около четырех вечера подтянулся и Федя Комар. Как обычно, на позитиве и слегка выпивши. Оглядев собранное нами боксерское воинство, он весело сказал:

— Ну вы, парни, даете! Ни хрена себе, банду собрали. Это вы правильно, может пригодиться. Но лучше, чтобы не пригодилось, так что будем сначала разговаривать, а бить уже потом. Только говорить я буду. А то они прицепятся к слову какому-нибудь, начнутся качели...

«Краснознаменские» подошли к половине шестого, примерно в том же составе, что и вчера. Семеро парней явно хулиганской внешности ввалились в видеозал, но, обнаружив, что в зале уже сидит около десятка человек, из которых больше половины — явные спортсмены, вчерашней наглости не проявляли.

Увидев незваных, но ожидаемых гостей, слово сразу взял Федя Комар.

— О, пацаны, — добродушно улыбнулся он, — с Краснознаменки, что ли? Что-то я вас не узнаю никого. Где Кот, Руся, Рыжий, Гера? Где все старшие, с кем разговаривать?

— Со мной, — вышел вчерашний парень, который пытался играть роль «добротного гангстера», — меня Коля зовут. Рыба дразнят.

— А я Федя Комар, — представился Федя. — Слышал, наверное?

«Добрый гангстер» Коля неопределенно мотнул головой.

— Ну что, будем разговаривать? — спросил Федя. — Рассказывайте, чего хотели.

— А че хотели... — хмыкнул Коля-Рыба. — Попросили вот у него, — он кивнул на меня, — чтобы пацанам пару раз в неделю кино посмотреть. Ниче такого. Не у всех бабок полные карманы, а он по рублю за вход заряжает. Мы просто попросили, а он полез в это самое... Чего тут разговаривать — темы не вижу. Че ему, впадлу пару фильмов пацанам поставить?

— Он тебе сказал, что с людьми работает? — спросил Комар, и из голоса его пропало дружелюбие. — Сказал, что не один?

— Не помню, — махнул рукой Рыба. — Какая разница, один — не один. Район наш. Мы пришли, попросили по-нормальному, а он отморозился, еще и вас привел. И чего ты мне хочешь сказать, что мы не правы?

— Свой район, — жестко сказал Федя, — бывает у участковых ментов. И у врачей еще. А люди работают там, где захотят. И еще. Мой товарищ, словам которого у меня нет оснований не доверять, — Федя показал на меня, — сказал, что вы вчера нехорошо отзывались об уважаемых в городе людях. Болт на них ложили, типа. Было такое или нет?

— Да гонит твой товарищ, — выскочил вперед вчерашний прыщавый гоблин. — Интригу подводит, чтобы нормальных пацанов лбами столкнуть. Вы за кого вписываетесь вообще, он барыга, на пацанах бабки делает! И кенты его барыги.

— Гонит, значит, — сказал Комар, глядя в пол. — А ты, Коля, подтверждаешь, что такого не было?

— Не помню, — мрачно сказал Коля.

— Тогда давай поступим так, — сказал Комар, — сейчас берем вас, его, ваших старших и едем к людям. И там выясняем, кто, чего и про кого говорил. Согласен?

— Да ну нахрен, — сказал Коля угрюмо. — Еще не хватало головняка из-за каких-то барыг. Пусть живут, нам похрен. Пусть подавятся своими бабками.

— И вообще, — Федя пристально посмотрел на оппонента, — я смотрю, что некоторые здесь начинают борзеть. И пора уже воспитательный час проводить, если в школе пионервожатые вас не воспитывают ни хера. Вас ставили в курс, что «сборы» под запретом?

«Сборами» у нас тогда называли массовые драки, в которых иногда участвовало до нескольких сотен пацанов. После каждой такой акции больничные травматологии наполнялись парнями с переломами и сотрясениями мозга. В худшем случае, со «сборов» везли в морг, к счастью, такие исходы случались довольно редко. В «Сборах» принимали участие в основном пацаны из «пролетарских» районов и рабочих семей. Никто из моих одноклассников подобными вещами не занимался.

— Ставили, — огрызнулся Коля. — Только как это получается, наших пацанов лупят, а мы ответить не можем? Не, такое не катит. Вы сначала решите с «центровыми» и «шанхайскими».

— Ох пацаны, пацаны, — покачал головой Федя. — Порядка не знаете, старших не слушаете... А Пузо сидит? — вдруг безо всякого перехода спросил Федя.

— Сидит, — сказал Рыба, с удивлением.

— Сидит! — передразнил его Федя. — Порешил пацана, ни за что... А ему говорили чтобы себя нормально вел. Тоже вот, как вы, не слушал никого. Теперь уедет лет на семь, а там плохо... Здесь, на воле не сахар, а там вообще... Думайте, пацаны.

Пузо был одним из авторитетов у «краснознаменских». Сейчас он сидел под следствием за убийство во время очередных «сборов». Позже Комар объяснил нам, что там дело темное, убивал он или нет — не известно, просто слишком надоел и милиции, и преступному миру этот парень семнадцати лет.

— Ладно, че, пойдем тогда, — сказал Рыба неохотно.

— Давайте, давайте! — к Феде будто по волшебству вернулось дружелюбие и хорошее расположение духа. — Старшим привет передавайте. И вот это, — Федя протянул «краснознаменским» пакет с двумя бутылками водки, которые Витек сегодня утром купил у таксиста.

«Краснознаменские» приняли подношение и мрачно удалились.

— Во, видали? — весело сказал Федя. — Так что, работайте спокойно. Пока, — многозначительно добавил он. — Это ж балбесы, с ними раз и навсегда договориться не получится. Сегодня эти приперлись, завтра другие прибегут.

— Будем решать проблемы по мере их поступления, — сказал я.

— Вы заходите, если что, — сказал нам Федя на прощание.

— Уф-ф... — выдохнул Витя, когда дверь за Федей закрылась. — Кажется, отбились.

Да, на этот раз мы действительно отбились.

Что искренне удивляло меня на первых порах моей жизни в восемьдесят седьмом году, так это умение советских людей выражать свои мысли. Разговаривать. Даже далеко не самые развитые советские люди умели это делать лучше большинства моих знакомых из двадцать первого века. Тот же Федя Комар — отнюдь не доцент и не артист разговорного жанра, но он умел общаться и делал это довольно успешно. Почему эта способность пришла в упадок к моему времени — для меня загадка. То ли мобильные телефоны с СМС-ками виноваты, то ли Твиттер с Тик-током, транслирующие огрызки мыслей...

А затем были выпускные экзамены в школе, которые я, к счастью, не сдавал, предъявив врачебное предписание. Оценки за четверть пошли как экзаменационные, так что, я получил очень даже приличный аттестат. Была торжественная линейка, был выпускной, было напутственное слово классной руководительницы, во время которого и сама учительница, и многие девушки нашего класса сильно расчувствовались. Вот, у меня и моих одноклассников скоро выпускной, а по факту, я их и не знаю толком, я чужой среди них, нормально сойтись получилось только с несколькими, фамилии остальных я едва запомнил.

Именно в такие моменты я чувствовал себя очень чужим в этом месте. Самозванцем. Я получаю аттестат, предназначенный не мне. Слушаю предназначенные не мне слова. Дома у меня родители, которые вовсе не родители. И будущее мое — это чужое будущее, которое я украд. Я пользуюсь чужой жизнью. Никакого кайфа от этого я не испытывал, скажу честно. А иногда это было и вовсе невыносимо — жить в чужом мире.

А в мире творилось странное — простой немецкий пилот-любитель Матиос Руст сажает самолет на Красной площади, без каких-либо проблем преодолев эшелонированную советскую ПВО. В той же Москве почти легально собирается «Память», активисты которой вещают о сионистском заговоре. А в Новосибире — рок-фестиваль. А Горбачев — на комсомольском съезде. А сверхзвуковой ЯК-141 успешно летает. Как и сверхмощная «Энергия».

И вроде бы все неплохо, но почему-то очереди становятся больше, а народ в них злее, ругают Горбачева, Рыжкова и сионистов. Очень надеются на инопланетян, которые все больше входят в моду. Все видят НЛО и обсуждают экстрасенсов, и уже появились первые астрологи, и Джуна уже кого-то лечит с непонятным результатом...

Почему-то появляется очень много сумасшедших, самых разных и повсюду — в транспорте, магазинах, рынках и даже государственных учреждениях. Это и неопрятные бабушки с горящими глазами, костерящие перестройку, партию и правительство, и совсем молодые люди — чаще всего с религиозным уклоном, будущие жертвы тоталитарных сект.

Мой папенька, узнав о высадке Руста на Красной площади, не выдержал. Сильно выпил, хотя ему с язвой и гипертонией было категорически противопоказано. И еще я первый раз услышал от него крепкие нецензурные выражения.

— Позор... — шептал он, сидя за столом и читая газету. — На весь мир... Так опозориться... Столько лет работы...

Я, кажется, начал лучше понимать своего папеньку. Конечно, ни в какие коммунистические идеалы он не верил, поскольку был человеком в высшей степени практическим и здравомыслящим. А верил он в силу и мощь своей корпорации — КПСС. И вне этой корпорации себя не представлял, как и многие его коллеги, для которых самым

страшным наказанием было исключение из партии.

Наш видеозал работает. Почти процветает. Мы зарабатываем пятьдесят рублей в день, что очень неплохо для семнадцатилетних пацанов. На остальной бизнес забили — некогда, да и нет особого смысла вкладываться, поскольку кооперативам официально разрешено производство одежды и обуви. Впрочем, иногда мы приторговываем сигаретами, прямо в видеосалоне, по старой памяти. «Мальборо» и «Кэмел» для желающих. И немецкое пиво, которое стало почему-то намного сложнее доставать. Шпана нам пока не докучает, видимо доводы Феди Комара оказались весомыми и убедительными. Валеркины друзья-боксеры по выходным приходят к нам посмотреть фильмы на халяву. Боксеры рады, больше всего им почему-то заходят не фильмы о единоборствах, но ужастики с Джейсоном и Фредди.

В кармане у меня всегда около сотни. Черт его знает — зачем. В ресторане на червонец можно обожраться, а на четвертной устроить загул.

Мне нужны деньги. Но не так, как Вите, который молится на купюры. Мне нужны деньги потому, что мое знание будущего без ресурса не стоит ничего, а деньги — это самый эффективный ресурс из существующих на этой планете. Впрочем, это не совсем справедливо для Советского Союза образца восьмидесят седьмого года. Деньги у людей были, пусть и не очень большие, проблема была их потратить.

А еще я часто думал о своей семье. Той, которая действительно моя. Отец и мать еще не познакомились, они живут далеко, в небольшом сибирском городке, она — учительница русского языка, он — инженер. Познакомятся они в следующем году, а еще через год я появлюсь на свет. Или не появлюсь? Я изо всех сил старался гнать от себя такие мысли, но они все равно лезли в голову и буквально сводили меня с ума...

С каким удовольствием я уехал бы куда-нибудь на несколько месяцев! Так, чтобы спокойно и тихо посидеть и разобраться, если не во всем, то хотя бы в чем-то. Но куда уедешь? Семнадцать лет, выпуск из школы, активная жизнь — вокруг все бурлит и меняется.

А потом наступил выпускной. К нему готовились основательно — маменька повезла меня к портному-армянину, шить костюм, и уже через неделю я стал счастливым обладателем роскошной серой тройки.

Перед выпускным я позвонил Марине. Сам не знаю — почему. Что-то я к ней чувствовал, что-то особенное. Не любовь, нет, оно было более подростковое, болезненное и хрупкое.

— Привет, — сказала она весело. — А я думала, что все. Уже не позвонишь.

— Пошли гулять! — предложил я лихо.

Она как-то сразу согласилась. В тот день стояла прекрасная погода — конец мая, когда уже достаточно тепло, но еще не жарко, городские клумбы расцвели тюльпанами, а городские фонтаны извергали водяные столбы.

Мы гуляем по парку и болтаем о пустяках.

— Буду поступать на педагогический, — говорит она. — Родители против, но мне все равно. Музыка — не мое, я ее вообще терпеть не могу. У нас дом наполнен музыкой всегда, сколько я себя помню. Я уж сбежать готова... куда угодно, хоть на БАМ, хоть в общежитие...

— Это правильно, — отвечаю я. — Если не лежит душа, то зачем...

Совсем не то я хочу ей сказать, но продолжаю говорить о пустяках.

— А я на экономический, — говорю я. — Мой отец говорит так: экономика это всегда экономика! Закончу и пойду на завод, экономистом.

Мы смеемся.

— А как ваш бизнес? — спрашивает она. — Процветает?

Я пожимаю плечами.

— Хочешь, пойдём посмотрим?

До видеосалона минут пятнадцать ходьбы. На хозяйстве Витёк с Валеркой, готовят сеанс «Назад в будущее» — очень символический фильм, максимально в тему.

— Ну пойдём, — говорит она с удивлением.

Видеосалон уже окружает небольшая толпа, ожидающая сеанса. Я открываю дверь, и мы проходим внутрь.

— О, какие люди! — Витёк с Валеркой улыбаются.

Мы садимся перед телеком.

— Так это ваш бизнес? — спрашивает она с улыбкой. — «Мир кино» — название сами придумывали?

— Название как название, — пожимаю плечами я. — Разве в названии дело? Люди хотят посмотреть фильмы, и мы их людям показываем. Что, скажешь, опять наживаемся на временных трудностях? Ну не хочет Госкино показывать то, что всем интересно! А люди вот, — я махнул в сторону двери, — стоят, ждут сеанса.

Она ничего не отвечает, просто улыбается. Видеозал тем временем заполняется людьми, оставшиеся без мест — недовольны. Их успокаивает Витёк — завтра все будет повторяться! Затем свет гаснет и мы погружаемся в приключения Дока и Марти. Я видел его несколько раз и в приличном качестве, но смотрю снова с огромным удовольствием. Тогда еще умели снимать хорошие фильмы.

После сеанса мы снова прогуливаемся.

— Понравился фильм? — спрашиваю я.

— Интересно, — говорит она. — И идея, и сюжет... А вот если бы ты оказался в прошлом, вот как этот Марти? Что изменил бы тогда?

Я вздрагиваю от этого вопроса.

— Сложно сказать. Вообще, большой вопрос — можно ли что-то менять? Ты представляешь, какая это ответственность? Допустим, я смогу предотвратить какую-то катастрофу. Крушение поезда, например. И люди, которые должны были погибнуть — не погибнут. И один из тех, кто не погибнет, оказывается врачом, который придумает жуткий вирус, убивающий процентов девяносто носителей...

— Ну, нет, — говорит она. — Если в таком духе рассуждать, то и тонущего человека спасти нельзя... Ребенка из-под колес вытаскивать.

— Это совсем другое, — говорю я. — Даже в этом фильме Марти менял будущее только своих близких, а не стран и народов. Он не побежал убивать, я не знаю... создателей ядерных бомб! Он и понятия не имел, где их искать!

— Мне понравилось, — улыбается она, — как он сыграл рок-н-рол в прошлом. Музыка своего времени. И народ сначала веселился, а потом просто обалдел. А ты бы хотел послушать музыку будущего?

Ох, Марина, ты сама не знаешь, о чем говоришь, думаю я. Одно дело там еще «Hi-Fi» или Земфира... Но вот, например, Мишаня Круг или Валя Карнавал. Или этот татуированный сног до головы парень... вечно забываю, как его... тоже музыка будущего, и не сказать, чтобы такая уж прекрасная.

— Я думаю, — говорю я осторожно, — что на музыку будущего мыотреагируем также, как в киноотреагировали на музыку Марти. А может быть еще и хуже.

— А я бы хотела, — говорит она. — И не только музыку будущего, но и вообще — знать, чего и как произойдет. Это же очень интересно! Лет через двадцать, наверное, на Марс полетим. А через тридцать и еще дальше. Рак победим и многие болезни. И войн наверняка не будет уже. Так интересно!

У меня внутри опять выбивает предохранитель.

— Чрез два года, — говорю я скучно, — советский прокат порвет фильм о валютной проститутке. В это же время начнутся национальные конфликты — армяне начнут резать азербайджанцев, узбеки — турок-месхетинцев, а грузины — абхазцев. Еще через четыре года все развалится. Они, конечно, попытаются все удержать в девяносто первом, но ничего не выйдет, Союза не будет.

— А Горбачев? — спрашивает она растерянно и, кажется, даже испуганно.

— Пойдет пиццу рекламировать. Куда ж еще. А потом начнется такое, что и представить сейчас сложно. И на Марс мы не полетим. Только роботов запустим. И рак не победим полностью, еще и куча новых болезней появится.

— Ты шутишь, — говорит она испуганно, — очень плохая шутка, не смешная совсем. Зачем ты так?

Я моментально остываю.

— Извини, — говорю я, — забудь, пожалуйста, действительно плохая шутка.

— Мне пора домой, — говорит она.

И я иду провожать ее домой. Мы молчим. Я, конечно, полный идиот. Сорвался, не выдержал. Вывалил на ни в чем не повинного человека черт знает что...

У дверей подъезда она говорит почему-то шепотом:

— Ты правда считаешь, что так будет?

— Нет, — говорю я, — нет, конечно. Это все нервы. Стресс. Экзамены, поступление, крыша едет. Ты не обращай на меня внимания, пожалуйста. Я не хотел...

Она качает головой.

— Нет. Сейчас ты врешь. А тогда ты правду говорил. Скажи, неужели ничего хорошего не будет? Сплошной мрак?

— Будет хорошее, — говорю я. — Веришь?

— Верю, — отвечает она. — Расскажи! Я ж не усну, если не узнаю.

— Например, — говорю я, — всю нашу районную библиотеку можно будет засунуть в устройство, размером с книжку. И с него же читать. И в это же устройство — всю любимую музыку и фильмов с десятков. И с него же — смотреть и слушать. И даже звонить, хоть на другой конец земного шара! В любом магазине — полста сортов колбасы. Бананы и ананасы круглый год. Качество, правда, так себе... А в любом кафе — итальянская пицца и японские суши.

— Суши? — переспрашивает она. — Я читала в какой-то книге... Но не пробовала, конечно. И никто, наверное, у нас не пробовал.

— Редкая дрянь, на самом деле, — говорю я, не переваривающий азиатскую кухню. — Но многим нравится. Вообще, ресторанов и кофеен будет много, на любой вкус. И магазинов одежды — тоже на любой вкус. Еще можно будет за границу полететь. Хоть в Тайланд на пляж, хоть в Бразилию на карнавал. Откроется много спортивных центров. Не такие, как сейчас «качалки», а с беговыми дорожками, кучей тренажеров, люди будут ходить после работы. И появятся компьютерные игры. Они уже есть, но очень простенькие, а научатся делать так, что это будет интереснее и красивее реальности. И многие люди будут жить там.

И фильмы будут в нормальном качестве, а не такое, как мы сейчас смотрели.

— Еще! — говорит она.

— Машин будет много, — вспоминаю я, — почти в каждой семье будет автомобиль, а то и два. И научатся делать машины на электричестве, без бензина.

— А инопланетяне, экстрасенсы и все такое?

— Лет пять все с ума посходят, и все сойдет на нет, — говорю я.

Она смотрит на меня и глаза ее расширены от удивления и ужаса.

— Я не спрашиваю, откуда ты все это знаешь, — говорит она. — Не спрашиваю. Но я вижу, что ты не врешь. Значит ты или псих, или...

— Я — псих! — честно признаюсь я.

Она качает головой. Не верит.

— Ни один псих никогда не признается, что он псих!

Я смеюсь.

— А я хитрый псих. Я специально признаюсь, чтобы меня не заподозрили.

— А кто там сейчас правит в будущем? — спрашивает она. — Генеральный секретарь или...

— Генеральный секретарь сейчас последний по счету, — говорю я. — Больше их не будет. Правит президент. Фамилия тебе ни о чем не скажет, так что...

— А после Горбачева кто будет? — Ее глаза горят любопытством.

— Сейчас он партийный деятель, высокого ранга, но не очень известный. Фамилия тебе тоже ничего не скажет. Скоро он начнет себя вести очень активно, так что, все его узнают и сильно полюбят. А потом возненавидят.

— Все, не могу больше, — говорит она. — У меня острое информационное отравление. Только я не понимаю, — она смотрит на меня с изумлением и жалостью, — если ты все это знаешь, то как же с этим живешь? Это же невозможно, просто так со всем этим жить?

Я молча машу рукой. Действительно, жить со всем этим сложно, но приходится.

— Я все же надеюсь, что ты меня разыграл, — говорит она.

Мы прощаемся.

— Я не помню, я уже говорил тебе, что ты мне нравишься? — спрашиваю я.

— Говорил, — она улыбается и целует меня на прощание.

Я ухожу.

Голова после этого разговора была пустая и легкая. Прошел, называется, сеанс терапии. Выговорился. Все же, надеюсь, что она восприняла мои излияния не слишком серьезно.

А выпускной мы отгуляли очень даже хорошо — с застольем, торжественными фото и встречей рассвета. Все было прилично — никто даже не ужрался в хлам, пропустили по паре бокалов «Советского шампанского» и на этом все. После встречи рассвета каждый вкратце рассказал о планах на будущее, и все это было наполнено оптимизмом и жизнерадостностью, невысказанными для моего времени, но вполне нормальными для восьмидесят седьмого. Все же, несмотря на мажорское свое положение, одноклассники мои были людьми, в общем, хорошими, у них горели глаза, и они очень торопились в новую взрослую жизнь, которую видели исключительно в радужных красках.

Несколько выделялся на их фоне Витя Пахомов, мой друг и компаньон, у которого была не голова, а вычислительная машина и который на будущее смотрел без розовых очков, ориентируясь исключительно на материальные цели.

Прочие же ребята были преисполнены оптимизма. Даже я немного заразился их

состоянием, будущее перестало быть для меня чем-то ужасным, но представлялось своего рода квестом, который нужно пройти, выполнив положенные задания.

Так, вместе со всеми своими одноклассниками, я входил в новую взрослую жизнь.

Глава 21

В один прекрасный день к нам в видеозал перед сеансом заявился знакомый нам неформал Петрович с каким-то волосатым и бородатым парнем лет восемнадцати.

— Здорово, пацаны! — радостно приветствовал он нас. — Ну ни фига себе, у вас тут хозяйство! Про ваш видеозал уже весь город знает. Че, как, нормально дела идут, футболками больше не барыжите?

— С футболками завязали, — сказал я. — Сейчас мы несем культуру в массы. Демонстрируем кинозрителю лучшие образцы... Ну вы поняли?

Неформалы заржали.

— «Эммануэль», небось, народу заряжаете?

— Нет, Петрович, — строго сказал я. — Никаких Эммануэлей. У нас все прилично.

Петрович почесал пышную шевелюру.

— Мы к вам вообще по этому делу.

— По какому? — не понял я.

— Ну вот, как ты говоришь — нести культуру в народ.

— Вот это, — Петрович кивнул на своего бородатого спутника, — Андрюха. Лес кличут.

Мы церемонно раскланялись.

— И мы че пришли... У Андрюхи — шикарнейшая коллекция записей. Лучшая в городе. Полтыщи кассет, можешь себе представить?

— Так... — сказал я выжидательно, почувствовав, что дело пахнет внезапной выгодой.

— У него половина записей — хэви металл. Так там вообще все, что можно найти. Но есть и куча попсы импортной — «Модерн толкинг», «Европа», Мадонна, «Пет Шоп Бойс» — все на свете. Наша звукозапись в Доме быта — нервно курит бамбук! Плюс, все новинки Андрюхе брательник двоюродный из самой Москвы загоняет, как только там появляется.

— И чего вы хотите? — спросил я, в принципе, понимая, чего они хотят.

— Хотим свою звукозапись замутить, — сказал Петрович и глаза его загорелись. — А чего? Приятное с полезным. Сейчас бабки все делают. Дело-то сто пудов выгодное!

— А че в Дом быта не пошли в звукозапись, не предложили свои услуги? — поинтересовался я.

— Ходили, — мрачно сказал Андрюха Лес. — Там такой урод сидит. Сходу нас послал, говорит, что не нуждается и у него нормально все. Конченный какой-то.

— У вас же видеозал только по вечерам работает, — сказал Петрович. — А днем можно вполне музыкой заниматься. У Андрюхи все кассеты — первые копии, народ пойдет толпой, только табличку повесить — «Звукозапись».

— Разумно, — сказал я задумчиво. — А сами чего не хотите заняться?

— А как? — развел руками Петрович. — Это надо по-любому в какую-то контору влезать. А с нами никто и разговаривать не захочет...

— Волосатые, бородатые... — протянул я задумчиво.

— Ага, — сказал Андрей весело. — Один у нас вообще поинтересовался, не наркоманы ли мы?

— А вы че сказали? — улыбнулся я.

— Мы больше по синьке! — заявил Петрович.

— Ладно, — сказал я, — теперь давайте серьезно. — Бизнес-план у вас есть какой-то? Как работать предполагаете?

— Плана у нас нет, — сказал Петрович с деланной грустью. — Ни бизнес, ни обычного. Мы ж таки не наркоманы! А работать, дружище, мы предполагаем ударно! По тройку за сторону «МК-шки», а если импортная кассета — то пятера. У вас тут вокруг ДК три школь — все комсомольцы прибегут «Айрон Мэйдэн» записывать. Вообще — вот. — Петрович достал из потертого портфеля тетрадь. — Смотри сам!

Я полистал тетрадь. Там каллиграфическим почерком были записаны названия групп и альбомов и фамилии исполнителей. Некоторые группы, которые я знал по одной-двум песням были представлены полными собраниями дисков.

— Круто? — с гордостью спросил Петрович.

— Впечатляет, — согласился я. — Теперь давай по аппаратуре... Чего у вас есть?

— А по аппаратуре не густо, — сказал печально Петрович. — У Андрюхи вот «Маяк-215», новый, пишущий. И больше нет ни хрена. Надо бы еще пару аппаратов, для верности, чтобы весь возможный спрос удовлетворить.

Так, подумал я. Придется для общего дела пожертвовать свой личный двухкассетный «Шарп». И у Витька целый музыкальный центр немецкий имеется, тоже внесет свою лепту.

— Заказы принимать-выдавать и писать вы будете?

— Мы, — подтвердил Петрович. — Нам сейчас делать нечего. Я сутки через двое курьером. Андрюха на овощебазе числится, грузчиком, по благу пристроился, целый день свободен.

— А прибыль как будем ломать? — задал я главный вопрос.

— По справедливости! — заверили меня неформалы. — Попролам. Даже если десять кассет в день писать — минимум шестьдесят рублей, нам и вам по тридцатке. А я сто пудов уверен. Что будет больше десятка выходить.

— Все понял, — сказал я. — Давайте я с пацанами поговорю, если они не возражают, то замутим звукозапись. Лично мне эта тема нравится. Аппаратуру дополнительную найдем, не проблема. Думаю, будем работать.

Мы пожали руки и расстались, вполне довольные друг другом.

Партнеры выразили полное согласие участвовать в предложенном проекте.

— Нормально! — радовался Витя. — Из ничего, на пустом месте тридцатка в день — минимум! Вот это я понимаю!

— Нужно еще чтобы тема взлетела, — сказал я осторожно.

Но Витя весь пылал оптимизмом.

— Взлетит, ясный перец! Я в эту звукозапись в Доме быта столько бабла перетягал! Пару сотен, если за все время посчитать — не меньше! А теперь конкурировать будем.

— Еще нужно Васильича в курс поставить, — сказал я. Получить хотя бы формальное согласие руководства ДК было необходимо.

Васильич удовлетворился двумя дополнительными поллитрами и твердым обещанием, что все будет тихо и спокойно.

— Где кино, там и музыка, — объяснил ему я. — Расширяем просветительную работу...

— Среди трудящихся масс, — ехидно подсказал Валерик.

— Ну... расширяйте, — согласился мучимый бесконечным похмельем Васильич. — Только, если что — мое дело сторона. Сами понимаете.

Мы заверили владыку ДК, что понимаем все.

А мне в голову пришла еще одна бизнес-комбинация. Как и все прочие товары, магнитофонные кассеты в славном восемьдесят седьмом году в свободной продаже отсутствовали — были в дефиците. На барахолке у наших коллег обычная шестидесятиминутная кассета «МК-60» или «МК-шка», как мы ее нежно называли продавалась рублей за семь-восемь, при стоимости в госторговле — четыре рубля. Импортные кассеты — «Sony», «TDK» или «BASF» стоили сильно дороже — рубле двадцать-двадцать пять. Очевидно, что при работе звукозаписи спрос на чистые кассеты неминуемо возникнет, а значит — нужно его удовлетворить.

И вот в этом мне должна была помочь маменька.

— Мам, — спросил я вечером того же дня, — ты с Валерием Александровичем еще общаешься? Который главный по торговле.

— Да, конечно, — удивленно посмотрела на меня маменька. — А что ты хотел, почему спрашиваешь?

— Да мы с друзьями хотели кассет магнитофонных прикупить, — развел руками я. — А в «Радиотоварах» пусто, хоть шаром покати. Говорят, что нет и неизвестно когда будут.

Маменька улыбнулась.

— Хорошо. Будут вам кассеты. Я сейчас позвоню...

Она сняла трубку, набрала номер и понеслось:

— Валерий Александрович? Да-да... Спасибо! Ой, ну что вы... Я хотела вот по какому вопросу... Тут сын с товарищами хочет кассет прикупить. Для магнитофона, да. А в магазине говорят — нету. Что? В любое время? Ой, спасибо вам большое... Не знаю, как и... Ну что вы...

Светская беседа продолжалась еще минут десять, но главное было выполнено — завтра я должен был подойти в радиотовары и назвать старшему продавцу свою фамилию.

Я так и поступил. На следующий день, взяв весь имеющийся запас денег, я отправился в «Радиотовары». Ассоримент этого магазина был максимально убог — несколько радиоприемников и какие-то, судя по всему, неликвидные, радиодетали в витринах, более не было ничего. Мордатый мужик за прилавком посмотрел на меня со скукой, но тут же оживился, когда я назвал фамилию и сказал волшебное: «Вам должны были позвонить».

— Звонили, звонили, — закивал мужик. — От товарища Герца, как же, предупредили. Пойдемте, молодой человек.

Мы прошли в святая святых любого магазина конца восьмидесятых — в подсобку. Там царил интимный полумрак и пахло почему-то копченой колбасой.

— Вот сюда, молодой человек, — вел меня по лабиринту из коробок и ящиков продавец. — Вас кассеты интересуют? Имеются «МК-60», недавно только приехали, прямо с завода. Вам сколько? Штучек пять-десять?

— Я бы взял сотню, — твердо сказал я.

Продавец икнул и ошарашенно уставился на меня:

— Сотню? Это получается — сто штук кассет? Сто кассет?

— Да, — подтвердил я, — думаю, сотни хватит. А что, какие-нибудь проблемы?

— Да нет... — продавец посмотрел на меня с плохо скрываемой ненавистью. Кажется, этой своей покупкой я наносу ему порядочный ущерб. Вместо того, чтобы с наценкой уйти налево, сто кассет по госцене придется продавать мне. Ну а как ты хотел, дружище? Мы вот работаем в гораздо более сложных условиях, и то не жалуемся.

— Нет проблем, — сказал продавец. — Тем более, что от товарища Герца звонили. Вы

же Петров?

— Петров, — подтвердил я. На несчастного властелина радиотоваров жалко было смотреть. Ничего, дядя, ты свое наверстаешь. И ведь как интересно — преступник и спекулянт все равно получаюсь я, а этот дяденька ведь и ничего криминального не делает! Ну продает оптом товар прямо со склада третьим лицам, подумаешь! Ну получает небольшое вознаграждение за это (но, увы!.. не сегодня). И ведь наверняка план перевыполняет, такими-то темпами продаж, наверняка у начальства на хорошем счету, грамоты получает, пользуется авторитетом в коллективе...

Несчастный продавец, на лице которого отразилась вся мировая скорбь, потащил картонный ящик в торговый зал. Долго и медленно пересчитывал он злосчастные кассеты, похоже, внутренне оплакивая каждую из них. Пересчитав, он грустно сказал мне:

— Четыреста рублей, молодой человек.

И покачал головой укоризненно, как будто я совершил нехороший, подлежащий осуждению проступок.

Я лихо отсчитал четыре сотни и забрал ящик.

— Приятно было иметь с вами дело, — сказал я на прощание. — Еще как-нибудь к вам зайду!

Продавец возмущенно вскинулся, но тут же потух:

— Заходите, молодой человек... — сказал он меланхолично.

Да, сегодня явно был не день этого дядьки. Я же, довольный проделанной комбинацией, поймал такси и отправился в видеосалон.

Через несколько дней мы запустили студию звукозаписи. Петрович оказался прав — все окрестные комсомольцы моментально приперлись записывать «Айрон Мейден», так что три магнитофона работали без передышки, а деньги буквально потекли — в день выходило рублей сто, что было даже больше нашей прибыли от видеосалона в самый удачный день. Конечно, из этих ста рублей половину забирали Петрович с Андреем, но они-то и делали почти всю работу — общались с клиентами, записывали музыку, получали деньги. Мы предоставляли помещение, два магнитофона и «крышу» в виде клуба любителей кино, в члены которого мы оперативно записали наших новых компаньонов. Наши друзья-неформалы были очень рады заработкам и открывающимся перспективам.

С приходом более-менее серьезных денег в нашем коллективе возникла некоторая напряженность. Источником ее стал, конечно же, Витя, который в один прекрасный день излил мне душу на тему того, что пользы от Валерика намного меньше, чем он получает денег.

— Витя, — сказал я товарищу, — ты же сам его привел. Так что, какие проблемы?

— Привел, да, — вздохнул Витёк, — но тогда же совершенно другая ситуация была. И бизнес другой.

— Если бы не его друзья-боксеры, то не известно, как бы с «краснознаменскими» все вышло, — попытался я урезонить Витька. — Федя мог сам ту тему и не вывезти.

— Да, фигня, — отмахнулся Витёк. — Ничего бы они не сделали...

Я посоветовал Вите не жадничать, а думать лучше о развитии, и он тут же переключился, сказал, что как только наберем достаточно бабок будем открывать второй видеозал, и вот тогда уже пойдут нормальные деньги и можно будет развернуться по-настоящему.

Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает... Буквально через два дня

после этого разговора Витю сильно избили, прямо возле видеосалона, когда он шел домой после последнего сеанса. Били долго и злобно — вырубали прямым в подбородок, а потом — лежачего молотили ногами.

— «Краснознаменские», — сказал мне Витя, когда я на следующий день навестил его дома.

По большому счету, он легко отделался — ушибы и синяки, но без сотрясений и переломов.

— Ну, черти, бандой на одного. — Витёк с трудом шевелил разбитыми губами. — Нужно этот вопрос окончательно решать, Лёха! А то всех нас по одному перегасят!

От Вити я отправился напрямиком к Феде Комару, которого нашел в обычном месте — в подвале.

— Во как, — удивился Федя, выслушав мою сбивчиво рассказанную историю. — Я смотрю, они не понимают ни хрена. Сегодня к восьми вечера подтягивайся в парк возле «Универсама», мы тоже подойдем. Будем разбираться.

— Может боксеров позвать, тех, что в прошлый раз были? — спросил я.

— А биатлонистов у тебя нет? — пошутил Федя. И тут же серьезно добавил: — Сами разберемся. Вот бери вашего третьего и подходите.

Парк возле универсама считался традиционной точкой сбора «краснознаменских», появляться там вечером подростку или даже взрослому мужчине, живущему в другом районе, было небезопасно.

Мы встретились у входа в парк. С Федей было еще четверо — из которых двое вполне взрослые мужики. Мрачные физиономии и татуированные руки выдавали в них профессиональных уголовников. Один Федя был, как всегда, на позитиве.

«Краснознаменские» были на месте. Много, человек двадцать, в основном пацаны лет пятнадцать-шестнадцать, но были и ребята явно постарше. Простые советские подростки и молодежь. Они расположились на нескольких сдвинутых вместе лавочках и было у них весело — гитара, смех, клубы сигаретного дыма и несколько водочных бутылок, уже пустых.

Наша делегация приблизилась к обитателям парка.

— Здорово, пацаны! — поздоровался Федя.

— Оба-на! Комар пришел! Ты чего пришел, Комар? — спросил один из парней, явно нетрезвый.

— Да качать он пришел, Рыжий. За барыг, — ответил здоровяк, которого я узнал — он приходил к нам в видеосалон.

— Да ладно! — делано изумился Рыжий. — Че, в натуре, Комар? За барыг мазу потянули?

— Не качать, а спрашивать. И не за барыг, а за беспредел, — сказал Федя спокойно. — Ты, Рыжий, вообще берега попутал. Мы же разговаривали с вашим Рыбой и все ему пояснили. Даже мировую выставили.

— А че пояснили? — сказал появившийся откуда-то из тени деревьев Рыба с небольшой группкой пацанов. — Напомни, Комар, о чем разговор был.

— Давай, расскажи, Комар, — присоединился Рыжий.

Комар с усмешкой посмотрел на Рыбу:

— А чего, не помнишь? Разговор был о том, чтобы пацанов из видеосалона не трогать. А вы вчера избili ни за что вот их друга, — Федя кивнул на нас. — За это ответить нужно, Рыба. Кто делал, говорите.

— А-а-а... — протянул Рыба. — Так то мы насчет видеосалона добазарились, что пусть крутят кино, мы не спорим. Насчет видеосалона был уговор. Так они еще звукозапись открыли. А за звукозапись, Комар, уговора не было, ты не гони.

— В натуре, — поддержал приятеля Рыжий, — Рыба правильно базарит — открыли звукозапись, бабки зарабатывают на пацанах, еще и двух чертей каких-то волосатых посадили. Ты им скажи — у нас по району так не ходят, еще раз увидим, вообще убьем.

— Еще раз, — сказал Федя с нажимом, — кто делал? Лучше сами сейчас говорите. Калечить не будем, отвечаю.

Над парком повисло угрюмое молчание. Было уже минут двадцать девятого, вокруг почти никого, одинокие прохожие, из тех, кто решил пройти через парк, спешат домой, стараясь не глядеть в сторону нашей компании. Их явно больше. К тому же — малолетки, не соблюдающие неписанные уличные законы, будут бить и после первой крови, и лежачих. Я почувствовал прилив адреналина.

— Смотри, чтобы тебя не искалечили! — выкрикнул кто-то из агрессивных малолеток. Федя понимающе кивнул. Кажется, он все для себя решил.

— Ну тогда, Рыжий, ты за своих ответишь, — сказал Федя. — Ты же старший. Порядок наш знаешь, так что...

Федя сунул руку в карман спортивных штанов, и тут же, как по команде, краснознаменная банда бросилась на нас. И тут что-то произошло с моим сознанием, время как бы замедлилось, а чувства обострились, так что я стал видеть происходящее в мельчайших подробностях.

Я вижу, как Валерик пробивает «двоечку» парню в спортивном костюме, и тот валится — нокаут. А рядом Федя бьет длинного парня под дых — очень резко, молниеносно, парень сгибается и хватается за живот. А вот одного из Фединых друзей повалили и пинают ногами, а второй отбивается взявшейя невесть откуда палкой отседающих на него пацанов, а третьему чем-то попали по лбу, он утирает стекающую на глаза кровь и отмахивается громадными татуированными кулачицами. А вот Валерик попал кому-то в подбородок, кажется Рыбе, но в тусклом свете фонарей и общем мельтешении — не разобрать кому. Но удар красивый. Как в кино. А вот кто-то бьет меня... меня... я дрался в последний раз классе в седьмом и уже совсем не помню, вот так, на улице. Какой-то парень бьет меня ногой, целясь в живот, но я успеваю увернуться — удар приходится вскользь по бедру. Больно. Их больше, но это преимущество является и недостатком — в драке они мешают друг другу. Мы сбиваемся в кучу и пробуем отбиваться. Мне несколько раз чувствительно прилетает, я тоже кого-то бью, все это длится, может быть, секунд тридцать, но кажется, что прошло полчаса, не меньше... А потом сознание сжимается в какую-то светлую точку, и я просто в ярости машу руками, куда-то, кажется, попадая, но больше и чаще попадают по мне... Мимоходом я удивляюсь, что все еще на ногах... Рядом Валерик — бьется со здоровенным толстым парнем, который пропускает удар за ударом, но почему-то не падает... А потом я чувствую что-то горячее и влажное на левом предплечье. Не больно, отмечаю я с удивлением. А рядом валится на землю Федя Комар.

— Валим! — раздается откуда-то слева, и наши оппоненты поспешно бегут в разные стороны, унося поверженных в бою товарищей. Что же, формально поле боя остается за нами, а значит — мы победили.

Я осмотрел руку — рукав «олимпийки» разрезан и кровь весело бежит.

— Живой? — тяжело дыша спрашивает меня Валерик. — Ну ни хрена себе...

— Живой, — отвечаю я. Друзья пытаются поднять Федю Комара — тот стонет и матерится.

— У него кровь... — говорит один из татуированных мужиков.

Действительно, у Феде кровь, он зажимает рукой рану в животе, но кровь все равно бежит сквозь пальцы.

— «Скорую» нужно! — кричит Валерик. — Где здесь телефон, кто-нибудь знает?

Мы растерянно смотрим друг на друга, никто не знает, где здесь телефон.

В этот кульминационный момент появился наряд ДНД — несколько мужиков с красными повязками. Где вы были три минуты тому назад, спрашивается? Дружинники рассматривали нас с изумлением, словно потеряли дар речи.

— Ни хрена себе! — Первым пришел в себя мужик лет сорока. — Вы тут дрались, что ли?

— Да ты смотри, тут кровь у одного! И у другого!

— Да вы че, охренели, мужики? Не видите — человек кровью истекает? Врача срочно надо!

— Беги, Петро, звони в «скорую»! — скомандовал один из дружинников. И Петро, самый молодой на вид, убежал. — Да не трогайте его, не трогайте, пусть лежит! А тебя как, сильно? — взволнованно обратился он ко мне.

— Не знаю, — сказал я честно. У меня кружилась голова и порезанная рука уже начинала довольно порядочно болеть.

— Вы че, друг с другом, что ли дрались? Ну ни фига себе, два ножевых! — изумлялся дружинник.

— С хулиганами, — объяснил Валерик, который, кажется, пострадал меньше всех. — Просто шли через парк, а тут хулиганы...

— Просто шли через парк, а тут хулиганы! — говорю я громко, чтобы все слышали.

— Хулиганы, — подтверждает один из татуированных Фединых кентов. — Напали на пацанов, а мы мимо идем, полезли отбивать!

Федя шепотом матерится. Наверное, в адрес сбежавших хулиганов.

«Скорая» приехала довольно быстро, минут через семь. И еще через пару минут приехала милиция.

Нас с Федей, который к тому времени уже начал терять сознание, увезли в больницу. Повезло, безразлично думал я по дороге. Могло быть сильно хуже.

Мне действительно повезло. Дежурный врач осмотрел мою рану — она оказалась не большой и не глубокой, затем мне вкололи что-то обезболивающее, наложили несколько швов.

А потом появились маменька и папенька. И были они вне себя.

— Да в порядке все, — успокаивал их дежурный врач. — Необходимости в госпитализации нет. На перевязку ходит, все подживет и снимем швы. Ему поспать нужно, в себя прийти. Показан покой и отсутствие волнений!

— Ножевое ранение! — маменька была бледна и напугана. — Они же могли... могли...

Врач принес кружку воды, накапал туда чего-то остро пахнущего и вручил маменьке.

— Из милиции с вами завтра свяжутся, надо полагать, — сказал доктор. — Ножевое ранение, они обязаны снять показания.

— Я сам с ними свяжусь, — ледяным тоном сказал папенька.

По дороге домой — мы ехали на такси — родители молчали. Дома меня, как полагается, накормили, напоили чаем и уложили спать, не задавая лишних вопросов.

— Болит? — сочувственно спросила маменька, указав на руку.

— Нормально, — махнул здоровой рукой я.

— Нет, Володя, ну как же так... маменька с недоумением смотрела на отца. — Ребята просто шли по парку вечером, и тут такое... Один там вообще в тяжелом состоянии, мне врач сказал... как же так, они просто шли вечером?..

Так, подумал я, значит Федя Комар в тяжелом состоянии. Оно и понятно — ножевое в живот, не шутки. Что же, надеюсь, что этот неунывающий парень выкарабкается. И еще подумалось мне, что видеосалонные дела могут всплыть при тщательном разбирательстве. Впрочем, с этим я поделаться ничего не мог, оставалось махнуть рукой и положиться на судьбу.

— Вообще по улицам ходить нельзя, — продолжала маменька, — хуже, чем после

войны!

— Разберемся, — прервал ее испуганную скороговорку папенька. Он явно был под впечатлением от произошедшего.

А я завалился спать и спал крепко, до утра, хоть рука и норовила разболеться как следует.

Наутро папенька действительно начал разбираться.

— Получается так, что просто шли через парк и никого не трогали? — спрашивает он меня.

— Просто шли и никого не трогали, — подтверждаю я. — Мы и еще несколько мужиков взрослых. А этих там было человек двадцать, как бы мы их тронули с Валеркой вдвоем?

— И они на вас напали? — Папенька испытывающе смотрит на меня.

— Напали, — подтверждаю я, — они пьяные были, наверное. Прямо там пили, милиция должна была пустые бутылки найти.

— А эти взрослые, значит, полезли вас защищать?

— Выходит так, — говорю я. — Если бы не они, то я и не знаю, что было бы. Забили бы просто. А одному там крепко досталось... Ножом в живот.

— Ясно, — говорит папенька. — Хорошо, Алексей. Тогда будем звонить.

Он берет трубку и медленно набирает номер.

— Николай? Да, здравствуй. Уже слышал? Доложили? И что думаешь? — Некоторое время папенька молчит, а лицо его краснеет, что явный признак приближающейся вспышки. — А я тебе скажу, Николай, что у тебя бардак! Бардак! В темное время суток по городу не пройти. Шпана с ножами, что это за Чикаго такое?! Кто там у тебя за общественную безопасность отвечает? Давай-ка его сегодня к нам, к двенадцати ноль-ноль! С отчетом о проделанной работе — профилактика преступности в молодежной среде! Бардак! — переходит на повышенный тон папенька. — Чтобы приняли меры и отчитались, три дня срока! Чтобы все виновные были наказаны! Что? Дружинники твои пришли, только когда все закончилось! Вообще мышей ловить перестали! Все! Разбирайтесь!

Папенька шумно выдохнул.

— Вот так... — сказал он, глядя в стол. — А ты, Алексей, ступай на перевязку. Давай, поправляйся. С милиционерами тебе объясняться не придется.

И я пошел на перевязку, предварительно позвонив Витьку и Валерке. Обоих дома не оказалось.

После больницы я поспешил в видеосалон.

Оба моих товарища были уже там — потрепанные и побитые, но не сломленные.

— Давай рассказывай! — таким приветствием встретил меня Витя.

— А чего особо рассказывать? — пожал плечами я. — Батя сегодня давал разгон милицейскому начальству. Что с преступностью хреново борются. А я чего? Шел через парк с товарищем, — я кивнул на Валерика, — налетела шпана, побила, порезала. Мы защищались, но их было больше! — пафосно закончил я.

— Я то же самое говорил, — кивнул Валерик. — Но вообще, ребята, я вам так скажу... лично мне такой ценой бабки не нужны. Что с этим Федей? Я как вспомню, сколько из него кровищи натекло... так трясет до сих пор.

— Вроде живой, — сказал я. — Известно, что в тяжелом состоянии, а больше ничего не известно. Надо бы как-то узнать...

— Если начнут разбираться, то залетим все, — мрачно сказал Витя. — Могут всплыть

видеосалонные дела. Может закрыться на несколько дней, как считаете?

Ну, если Витя готов пожертвовать потенциальной прибылью, подумал я, то дело действительно серьезное.

— Витя, — сказал я, — логика вещей подсказывает, что менты будут работать так, чтобы меня не касаться. А значит, и видеосалона тоже. А если закроемся — наоборот, внимание привлечем. Работаем — значит ничего за собой не чувствуем. Логично?

— Логично, — говорит Витёк. Он выглядит притихшим и растерянным, а я ловлю себя на мысли, что мне это нравится.

— Тогда будем работать, — продолжает Витек. — Тогда нужно за кассетой ехать, я ж не знал — ехать или нет. Иваныч говорит, что новый фильм пришел, «Хищник» со Шварцем...

— «Хищник» это хорошо, — говорю я одобрительно. — А перед ним какую-нибудь комедию зарядить — «Полицейскую академию». Только не карате и не бокс...

— Набоксировался? — интересуется Валерик.

Мы ржем — долго и громко, перекрывая играющую музыку — пока мы занимаемся стратегическим планированием Петрович и Андрюха во всю переписывают кассеты. В наши дела не лезут вообще, отмечаю я про себя. Ни единого лишнего вопроса, хорошие, все же, ребята... а может быть просто — «меньше знаешь, крепче спишь...».

Одним словом, мы приходим в себя.

Через пару дней к нам в видеосалон заглянул перед сеансом сам Саша Щербатый.

— Привет, пацаны! — весело поздоровался он. — Ну что, залечили боевые раны?

Пацаны — Витя и Валерик, — сдержанно поздоровались. Они лично не были знакомы с Сашей и не могли понять, как с ним себя вести.

— Пойдем, покурим, — сказал мне Саша.

Мы вышли на улицу.

— Заживает рука? — спросил он меня после непродолжительного молчания.

— Все в порядке. Мы вот за Федю беспокоимся. Как он там, вы не знаете?

Саша развел руками.

— Жить будет, говорят доктора. Вовремя привезли. Еще бы несколько минут и... Ну ладно, чего там. В нашей жизни это бывает, — Саша пристально посмотрел на меня. — Менты всю «основу» «краснознаменских» приняли, — сказал он. — В СИЗО отдыхают. Ломают их там жестко, шьют все подряд, все нераскрытое, что есть.

Я молчал. Не мог понять, куда он клонит.

— И правильно делают, — со злостью в голосе добавил Саша, — Хоть «малолеток» принято беречь, но эти уже совсем берега попутали. Мало того, что старших не слушали, так еще и на людей руку подняли. За это наказывать нужно.

— Я правильно понимаю, что проблемы больше нет? — спросил я.

— Правильно, — подтвердил Саша. — «Краснознаменские» — всё. А ты не знаешь, — он вновь пристально посмотрел на меня, — отчего менты за них так резво взялись?

— Я покачал головой.

— Нет. Не знаю.

— Ну и ладно, — улыбнулся Саша. — Вообще, как сказано в мудрой книге — «знания рождают скорбь». Чем больше человек знает, тем он грустнее. Я вот тоже не знаю, отчего менты вдруг работать начали, и знать не хочу.

— Нужно будет к Феде сходить в больницу, — сказал я.

Саша многозначительно поднял указательный палец.

— Не нужно пока к нему ходить, беспокоить лишний раз. Пусть поправится человек. Да и сам ты поправляйся. Успеете еще пообщаться! Понял?

— Понял, — сказал я. Хотя, понял на самом деле не очень много.

— Ну тогда давай, пойду я, — сказал Саша. — Работайте спокойно, заходите при случае.

Мы попрощались, и Сашин «Форд Скорпио» укатил.

— Ну, чего там было, до чего договорились? — накинулся на меня с расспросами Витёк.

— Говорит, что всю «основу» «краснознаменских» закрыли, — сказал я задумчиво. — И еще говорит, что проблема решена.

— Ну ништяк! — обрадовался Витя. — Тогда работаем спокойно! Так?

— Так... — сказал я. — Слышь, Вить... мне коробку конфет достать нужно. И бутылку шампанского. А то по магазинам я задолбусь их искать.

— После сеанса ко мне зайдем — я тебе выдам. У матери полный шкаф этого добра, — сказал Витёк. — А тебе зачем?

— Надо, Вить... — сказал я. — Есть такое слово — надо.

— Надо так надо... — пожал плечами Витёк.

На следующий день я отправился в больницу. Не только на перевязку, но и навестить Федю Комара. Я не знал его фамилию, это был минус. Но за пачку «Мальборо» первый попавшийся медбрат куда-то сбегал, и через десять минут я знал полный расклад. Фамилия у Феде оказалась очень простая — Комаров. Лежит он на третьем этаже. В хирургическом. Посетителей ему не разрешают.

— Но если очень хочется, то можно, — сказал медбрат, многозначительно на меня посмотрев.

— Все, понял, — сказал я. К пачке «Мальборо» добавились еще пять рублей, и медбрат увлек меня за собой куда-то по больничным лабиринтам.

— Стой здесь! — сказал он мне, указав почему-то на подоконник, а сам скрылся за какой-то дверью.

У подоконника я простоял недолго, буквально через минуту медбрат вынырнул, подхватил меня под руку и потащил уже в другой кабинет. Там сидела очень тучная женщина в белом халате.

— Вот! — сказал медбрат тучной женщине, указывая на меня.

— Вот, — сказал я, поставив перед письменным столом пакет с конфетами и шампанским.

— К Комарову? — скучно спросила тучная женщина. — Минут десять хватит?

— Вполне, — заверил я.

— Ну тогда выдай ему халат какой-нибудь, — сказала она медбрату, — и идите. Только быстро.

Через несколько минут я стоял перед дверями палаты.

— Я его предупредил о посетителе, — сказал медбрат, — вроде чувствует себя неплохо, поговорить сможете. Но не больше десяти минут, как Анжела Петровна сказала. Все, иди!

— О, здорово, пацанчик! — приветствовал меня Федя, все такой же жизнерадостный, как и всегда. — А я лежу как барин! Один в палате! Телек у меня, — он кивнул на стоящий на тумбочке портативный телевизор. — Все удобства! Курорт!

— Как рана? — спросил я.

Федя пренебрежительно скривился.

— Это разве рана? Людям полчерепа сносило, и то продолжали жить... Заживет как на собаке! Нормально все.

— У тебя были... из милиции? — спросил я, понижая голос.

— Менты? Ясен пень! В кои-то веки терпилой быть пришлось, — Федя рассмеялся. — А я чего? Все как там на месте придумали! Шли по парку, тут хулиганы... Никого не знаю, опознать не смогу, бог с ними со всеми... Сам-то ты как? Руку лечишь?

— Лечу, — сказал я. — Слушай, Федя... Тут к нам в салон вчера Щербатый приезжал лично.

— А... — сказал Федя бесцветным голосом.

— И поговорили мы вроде бы нормально, но... Как-то я не очень понял. Почему он не хотел, чтобы я к тебе в больницу приезжал? Может я не знаю чего-нибудь? Ты мне можешь объяснить?

Федя усмехнулся.

— Ну значит не хочет Саня, чтобы ты со мной общался.

— Почему? — не понял я.

Федя замолчал. А потом сказал мне:

— Ну зачем тебе все эти интриги, пацанчик? Живи себе спокойно и ни о чем не парься. «Краснознаменных» всех закрыли?

— Саша сказал, что всех, — подтвердил я.

Федя весело засмеялся, но тут же схватился за живот и побледнел.

— Ладно, — сказал он. — Поставлю тебя в курс. Слушай внимательно.

Я напряженно слушал.

— Ты думаешь, что это Саша помог тебе с «краснознаменскими» вопрос решить? — весело прищурился на меня Федя. — Хрен там. Это ты ему с ними помог вопрос решить. Понял, нет?

— Ничего не понял, — честно сказал я.

— Все как дважды два — четыре! — сказал Федя. — Ты что, думаешь, что когда ты к нему пришел в первый раз, он за тебя не пробил? Да даже я знаю, хоть и не пробивал ничего, что батя твой — шишка партийная. А Саня обо всем знал в тот же день.

— Все равно не понимаю, — сказал я.

Голова от всего этого шла кругом.

— Саня прекрасно знал, что если вы салон откроете, то «краснознаменские» по любому набегут. И он мог бы им сказать, чтобы они вас не трогали. И они бы послушали... — Федя немного помолчал. — Ну, как... скорее всего, послушали бы. Они старших вообще не особо слушают. Мог, но не сделал, понимаешь? А сам я этот рамс не вытянул.

— Значит, Саша знал, что эта ситуация возникнет?

— Конечно, знал, — подтвердил Федя. — И еще он знал, что твой батя шишка партийная. Сане нужно было с «краснознаменскими» разобраться руками ментов. Сам он им приказать не может. Получается, что нужен кто-то, кто может. Вот как твой батя.

— Теперь понял, — сказал я. — А что, у него с «краснознаменскими» конфликт?

— Рамсы все время возникают, — подтвердил Федя. — Эти дебилы малолетние старших слушать не хотят. А значит, нужно кого-то из них резать, чтобы в чувство привести. А резать — это значит в зону, тут не отвертишься. В зону ж никто уже не хочет, — Федя тихонько рассмеялся. — Ему в «Софию» бабки уже в чемоданах прет ваш брат спекулянт, по хатам и карманам лазить не нужно, все и так в порядке! Но дело не только в этом...

— А что еще? — спросил я.

— Через полгода Володя Седой освобождается. Русика с «Краснознаменки» старший брат. Вот приедет Володя в город и сразу вокруг него банда — рыл двести! Тут Сане по любому нужно было что-то думать, потому что два медведя в одной берлоге — сам понимаешь...

— Конкуренция... — сказал я задумчиво.

— Во-во! — согласился Федя. — А так — Седой выходит, а брательник закрыт и банды никакой нет. Так что, это ты ему помог решить вопрос, хоть и сам не в курсе был. А не он тебе. Такие дела, пацанчик.

— А ты мне почему все это рассказываешь? — спросил я Федю.

Федя развел руками.

— А Саня мне не начальник. У нас, пацанчик, начальства нет. Да и не люблю я, когда людьми, как шарами на бильярде... Понимаешь?

— Понимаю, — сказал я.

Теперь я действительно начинал понимать.

— Нет, ты не подумай, — сказал Федя, — Саня нормальный парень. Только продуманный очень. Шахматист — сразу на два-три хода вперед смотрит. Потому и на свободе давно. А мы постоянно за всякую херню... — Федя улыбнулся. — То год, то два, то пятера... Не продуманные. Так что, с Саней нужно ухо остро держать.

— Будем держать, — сказал я. — Он, наверное, потому и не хотел, чтобы я с тобой виделся. Подозревал, что ты мне глаза раскроешь.

— Вы же сами в эту коммерцию полезли, — сказал Федя примерительно. — Хотели бы спокойной жизни, так спокойно бы учились-работали... Так или не так?

— Все так, Федя, — подтвердил я.

— Ну вот и думайте...

Я оставил Феде пятьдесят рублей «на бинты» и поспешил покинуть палату — в дверь уже дважды заглядывал медбрат и красноречивыми жестами призывал меня закругляться.

Я шел по улице и думал. Какие страсти кипят, оказывается, в нашем небольшом провинциальном городе. Прямо «Игра престолов»... Как, оказывается, непросто быть первопроходцем...

А вокруг был май, самый его конец — тюльпаны на клумбах, фонтаны, киоски с мороженым, уличные «поливалки», народ у автоматов с газировкой и бочек с квасом и пивом. И было ощущение бесконечной свободы и бесконечных возможностей — у обычного человека это бывает раз в жизни, в юности, когда перед тобой все дороги и ты можешь буквально все, а у меня уже во второй раз. Все же, не так уж плохо жить вторую, альтернативную жизнь, совсем не плохо... Но накопившееся напряжение сказывалось, хотелось расслабиться и обо всем забыть...

— А пойдете-ка, дорогие друзья, отмечать благоприятное разрешение всех дел?.. — сказал я собравшимся в видеосалоне компаньонам.

— А работа? Сеансы вечерние заявлены, народ же придет, — скептически сказал Витя.

— Работа, Витя, постоять может, — ответил я. — Ты стахановец какой-то, ударник капиталистического труда! Надо же когда-нибудь и отдыхать нормальным людям? Семь дней в неделю работаем, без перерывов и выходных!

— А чего? — сказал Валерик. — Вы идите, а я тут сам управлюсь. Пить-то мне все равно нельзя, соревнования скоро.

— На «Подснежник» можем сходить, — предложил Петрович. — Только бухло нужно будет найти...

— Найдем! — сказал я. — Народу необходим отдых! Народ хочет на «Подснежник»!

И мы пошли на «Подснежник» — я, Витёк и Петрович. По пути, в «Софии» взяли две бутылки шампанского и какого-то портвейна.

— Мало... — посетовал Петрович.

— Мы ж не алкаши, — укоризненно ответил ему Витя.

На «Подснежнике» все было как обычно — богемно-неформальная тусовка с радостью приняла нас, и все завертелось...

Народ пил кофе, шампанское, простую водку и какие-то настойки неизвестного происхождения, которые я так и не рискнул попробовать... Народ обсуждал музыку — волосатые парни чуть не подрались, выясняя, кто лучше — «Running Wild» или «Helloween». А кто-то врубил «Улицу роз» «Арии», и я очень удивился тому, что этот хит уже вышел. «Арию» слушали с каким-то религиозным чувством, а дослушав, начали рассказывать, что вот же, могут парни, что нужно собирать группу и делать дело (спиртное в эти минуты улетучивалось с поразительной быстротой!), что ребята по всей стране ездят и вся страна кайфует, а мы сидим, как эти... За будущие свершения было произнесено еще несколько очень хороших, прочувствованных тостов, а потом несколько ребят, откушавших неведомую настойку, вдруг очень резко засобирались куда-то по срочному делу и очень быстро пошли в

сторону общественного сортира, который удобно располагался в пределах прямой видимости... Впрочем, они быстро вернулись, бледные и притихшие.

Какой-то волосатый и бородатый мудрец лет двадцати начал читать лекцию на тему «Выйдет ли советский рок на международный уровень?». Мне, конечно, очень хотелось вставить что-нибудь саркастически-непрощенное, но я сумел удержаться. Глаза у ребят горели (то ли от выпитого, то ли от энтузиазма), и они были совершенно уверены, что советский рок не только выйдет на международный уровень, но и приживется там.

За соседним столиком кому-то гадали на Таро, а через столик лохматые художники шумно обсуждали какой-то рисунок. Было шумно, как-то по-хорошему весело — «Подснежник» слегка выпадал из советской действительности и, наверное, поэтому мне здесь так нравилось... Я ведь тоже выпал из своей действительности.

Еще обсуждали Горбачева (неформалы были настроены по отношению к нему как-то снисходительно-добродушно), «Детей Арбата», Солженицына и прочие культурные феномены эпохи. Интересно, пьяно подумал я, сколько из присутствующих побежит завтра в «контору», чтобы уведомить начальство о настроениях и разговорах в неформальской среде — «довожу до вашего сведения...». Но думать об этом не хотелось, хотелось расслабиться...

Только кто же мне даст? Полусумасшедшая местная ясновидящая, страдающая алкоголизмом, подкралась ко мне сзади и сообщила заговорщицким шепотом на ухо, что знает, сколько мне лет.

— Подумаешь, большой секрет... — беспечно сказал я. — Семнадцать мне, мадам.

— Нет! — заявила ясновидящая. — Где там — семнадцать?! Не семнадцать, не ври!

— А сколько? — удивился я.

— Пятьдесят один! — сказала она торжествующе. — Ты — старше меня!

Неформалы заржали, а я даже немного протрезвел.

Действительно, если сложить мой возраст из «прошлой» жизни — тридцать четыре года и возраст из этой жизни — семнадцать лет, то получалось ровно пятьдесят один. Мне стало жутковато.

— Я тебя помню, — заявила ясновидящая, — я тебя когда в прошлый раз видела, то у меня третий глаз чесался.

— Да брось, — сказал Петрович, — вот, прими лучше пятьдесят капель... — Петрович протянул ей фужер с вином. Ясновидящая выпила, но продолжила неодобрительно смотреть на меня и даже грозить пальцем. Ей категорически не нравилось, что мне пятьдесят один год.

А потом мы отправились по домам. Витя сетовал, что живем мы практически в тундре, как эскимосы. Этой аналогией он намекал на отсутствие цивилизованных видов отдыха для состоятельных граждан.

— Сейчас бы завалиться в клуб! — мечтал Витя. — Поиграть на рулетке, потанцевать с приятными барышнями... А затем промчаться по ночному городу на «Мерседесе». А у нас чего? Тундра!

— Успеешь еще наиграться и натанцеваться, — отвечал я.

— Нет, старик, — Витя сокрушенно качал головой. — Ты «Золотого теленка» читал?! Там миллионер Корейко. Миллионер!

— На НЭПе поднялся, — подтвердил я.

— Так он живет как монах. Бабки светить, во-первых, опасно, а во-вторых, и негде особо. В тундре некуда тратить бабки, старик! А раз так, то на кой хрен их зарабатывать?!

Зачем это все тогда?! Чтобы напиться и забыться в кругу этих клошаров?!

— Тоже мне, Герцог Люксембургский нашелся, — вяло отбивался я. Хотелось спать. Да и порезанная рука тоже давала о себе знать.

— Я не хочу как Корейко, — Витя почти плакал. — Я хочу... хочу, чтобы зал приемов... чтобы люди в смокингах и вечерних платьях... чтобы...

— И это говорит простой советский комсомолец, — притворно вздыхал я. — Что за мещанство, Витя?! Что за упадничество? Фильмов про красивую жизнь насмотрелся?..

— Должна же быть где-то, — говорил Витя со слезами в голосе, — должна же быть где-то нормальная человеческая жизнь. Без всего этого. — Он раскинул руки, будто пытаясь обхватить окружающие пространства.

— Будет тебе и «Мерседес» и казино. — Я пьян и доволен жизнью.

— Точно? — Витя внимательно посмотрел на меня.

— Точно! И Канарские острова еще. Тенериф. И Барселона. И карнавал в Рио. Чтс захочешь...

— Понял, — сказал Витя грустно. — Ты издеваешься, Лёха. Над несчастьем моим смеешься. Нет же никаких Канарских островов, Тенерифов всяких. Их не бывает. Их иногда показывают по телеку в программе «Клуб путешественников». Ненавижу эту программу!

— Почему? — спросил я.

— Потому что они там показывают то, чего мы никогда не увидим. Для меня «Звездные войны» и «Клуб путешественников» это почти одно и то же. И зачем тогда бабки, спрашивается? В магазинах нет ни хрена...

— Ты пьян, Витя, — сказал я, — тебе нужно отоспаться, ты несешь вздор.

— Нет никакой Барселоны, — твердил Витя с пьяным упрямством, — и Эйфелевой башни нет, и Лос... Лос-Анджелеса! Это инопланетяне присылают нам сигареты и фильмы с другой планеты, чтобы... чтобы посмеяться над нами! Есть только киоск «Союзпечать»! (мы как раз проходили мимо закрытого киоска) Есть вот эта урна! Есть гопники на районе и зассанный подъезд! У вас, Лёха, зассанный подъезд?

— У нас нормальный подъезд, — сказал я твердо.

— Номенклатурный, — рассмеялся Витя, — цветочки, занавесочки, соседи — ответственные работники... А вот у меня соседи — богема, торговля и пролетариат!

Я еле утихомирил разбушевавшегося Витю, и отправился домой.

Мне не давала покоя эта тетка. Полусумасшедшая ясновидящая. Слишком точно она угадала мой «настоящий возраст». А ведь угадать такое нельзя, можно только знать. Нужно выяснить, подумал я. Разузнать точно, что она знает. И откуда. И кто она вообще такая.

На следующий день я, сразу после перевязки, отправился в «Подснежник». Там я нашел уфолога Колю — мужика неопределенного возраста, похожего на школьного учителя, слегка опустившегося, но все еще сохранившего положенное благообразие. Как и полагается уфологам в обеденное время, Коля мучился похмельем. Выпить у него не было, денег, впрочем, тоже. Инопланетяне тоже почему-то все не прилетали, хотя уже давно пора было. По вышеуказанным причинам Коля был мрачен и немногословен. Без особой надежды он попросил меня о небольшой ссуде в три рубля, и каково же было его удивление, когда эти три рубля я ему без лишних разговоров протянул. Коля хотел немедленно бежать и искать, но я сказал:

— Погоди. Эту тетку рыжую, ясновидящую, с понтом — знаешь?

— Катюху-то? — удивился Коля. — Катюху тут все знают. И ничего она не «с понтом»,

дар божий у человека. — В этом месте Коля перекрестился на пивную бочку. — Дар! Только нет пророка в своем отечестве! Положили ее злые люди в дурку и там кололи всякой дрянью, хотели дар божий заглушить! И ничего не получилось у них, злодеев, — кукуха у Катюхи подтекает немного после их лечения, но что-то она предсказывает время от времени. — Коля тяжело вздохнул. — Я ей предлагал в Спортлото играть — большие деньги! Можно рублей триста выиграть и поехать на курорт — в Алушту! Не хочет, говорит — грех!

— А она работает где-то? — спросил я.

— Какой там! — махнул рукой Коля. — Пенсия по инвалидности.

— А живет где?

— Живет... — Коля наморщил лоб и вдруг просиял: — Да возле магазина же! Возле магазина и живет, пойдем скорее, я тебе покажу, вместе и зайдем — к Катюхе, а потом в магазин! Мы ж у нее на хате собираемся часто!

— А как она вообще? — спросил я. — Реально психическая?

— Отличная баба! — заявил Коля. — Все время у нее собираемся... Беседуем! Информацией делимся. И она всегда это — закусить сообразит! Никогда отказа нет. Хорошая баба! И не психическая, а залеченная — дар в ней убивали. Несчастливая очень.

— На самом деле кому-то что-то предсказывала? — не отставал я от Коли.

Мы быстро шли в сторону магазина.

— Да, в свое время... Еще до дурдома — к ней со всей области ездили. Гремела Катюха! Но тут кто-то во власти спохватился — как так, мракобесие под носом? Вот Катюху и того... Вообще, посадить хотели за мошенничество. Говорят, что жена какого-то крупного чина заступилась... не посадили, только в дурдом отправили... Да вот же подъезд ее!

Мы стояли у подъезда панельной пятиэтажки.

— Пойдем быстрее! — торопил меня Коля. Похоже, что полученные три рубля не давали ему покоя.

— А сейчас она... предсказывает? — спросил я, когда мы поднимались по лестнице.

— Бывает, но редко... — Коля сокрушенно покачал головой. — Выпивает Катюха сильно, чего уж там. Редкий день трезвая. Все возле «Подснежника» трется, там народ простой, не злой, не обидят, еще и поднесут иногда... Ты, парень, не обижай ее. Все, пришли!

Коля громко постучал в дверь:

— Катюха! Открывай, свои!

Дверь гостеприимно открылась и нас впустили внутрь.

— Вот! — торжественно сказал Коля. — Катерина, привел к тебе молодого человека, поговорить хочет! Отличный парень, я тебе скажу. Одним словом, вы тут общайтесь, а мне бежать нужно — дела срочные!

Уфолог Коля церемонно раскланялся и исчез.

— Здравствуйте, — сказал я.

Она безразлично смотрела на меня. Женщина средних лет, в выцветшем сером халате, непричесанная и ненакрашенная и вообще — давно махнувшая на себя рукой. Она кивнула, приглашая проходить в комнату. Комната была под стать хозяйке — еще не бомжатник, но уверенно на пути к этому. Кровать с неубранной постелью. Следы вчерашнего пиршества на столе. Грязный пол. Какой-то засаленный ковер на стене. Пахло табаком, спиртным и еще чем-то неприятным, химическим.

Хозяйка была трезва и мрачна. Похоже, с дикого похмелья. Из-под кровати вылез

громадный и жирный черный кот, слегка меня напугав. Было в этом всем что-то булгаковское. Какая-то чертовщина.

— А я знала, что ты придешь, — сказала она мрачно и закурила «Беломорину». — Еще вчера знала. И вот, пришел. Спросить чего-то хотел? Ну спрашивай.

Я перевел дыхание. Почему-то было страшно, но не так, как тогда, в парке, не было адреналина и возбуждения. Было просто жутко, так что хотелось сбежать отсюда и больше никогда не вспоминать об этой Катерине. Но я уже был здесь...

— Вы вчера сказали, что мне пятьдесят один год, — начал я. — Почему вы так решили? Она пожала плечами.

— Не помню. Пьяная была. *О н о* приходит, только когда пьяная, трезвой уже не приходит.

— Что, оно? — не понял я.

Катерина долго не отвечала. Сидела и думала о чем-то своем, словно забыв о моем существовании.

— Ну это... Как же объяснить тебе?.. Как будто ходишь все время без очков. Все размыто, сложно рассмотреть. Но иногда, когда выпьешь, то как будто очки появляются. И становится отчетливо видно. Но не все. Какие-то отдельные вещи... — сказала она задумчиво. — Я вот тебя вчера запомнила. И что еще встретимся, тоже запомнила. А что увидела — не помню. Это как сон.

— И вчера оно было? Эти «очки» появились? — спросил я.

— Наверное, — кивнула она. — Я угадала чего-то?

— Почти угадали, — сказал я. — И мне интересно — как это происходит?

Она махнула рукой.

— Тебя как звать-то?

— Алексей, — сказал я.

— А меня Катерина. Или Екатерина Петровна, называй как хочешь... Ты же комсомолец, наверное, Алексей? Сейчас в такое не верят. Зачем тебе оно?

— Комсомолец, — согласился я. — Но вы не правы. Сейчас в такое как раз и начинают верить. НЛО, «снежный человек», «Бермудский треугольник», Ванга, Джуна... У всех уже на слуху, а дальше будет еще больше.

Она тяжело вздохнула и ушла на кухню — греметь посудой. А вернувшись, сообщила мне:

— Похмелиться нужно, Алексей. А нечем... Не люблю я на трезвую голову об этих вещах говорить. Тяжело.

— Давайте все же поговорим. — Я был настойчив.

— Ну давай поговорим... — Она устало опустилась в кресло. — Ванга, Джуна и прочее — я слышала... Это не то. Понимаешь? Может быть там есть что-то, совсем немного... Но навряд ли... — Она покачала головой.

— Почему? — спросил я.

— О настоящем ты не услышишь никогда. Потому что настоящее прячется. Или его прячут. — Она тяжело вздохнула и замолчала.

— Я слышал, что вас в больницу упекли... в психиатрическую... — сказал я, и она усмехнулась.

— Об этом тебе и толкую. У меня было это... настоящее. Его люди боятся, понимаешь? Боятся, но все равно приходят, потому что любопытные, хотят знать то, чего им знать и не нужно вовсе. А я вижу.

— От страха, значит, вас... в больницу?

Она грустно рассмеялась.

— Нет, Алексей. Не только со страха. Это же власть. Это власть огромная, больше, чем

у разных генералов и секретарей. Когда все вокруг слепые, а ты видишь!

— «В мире слепых одноглазый — король», — откуда-то вспомнил я афоризм.

— Точно! — просияла она. — Это ты очень верно сказал, Алексей, в точку попал. И какая же власть потерпит рядом с собой другую власть? Никакая и не потерпит.

— Они же атеисты все — наши власти, — удивился я. — Ни во что такое не верят.

— Не верят, — согласилась она охотно. — Не верят, но чувствуют, и делают не по разуму, а по чувству. И те, которые что-то могут... они прячутся. По селам глухим, в тайге или еще где. А те, которые прятаться не хотят — никогда не показывают никому. Просто живут и все. Но только, мучаются тогда очень сильно. *Э т о* их изнутри мучает. — Она помрачнела.

— Скоро о ведьмах и экстрасенсах будут писать в газетах, — сказал я. — И по телевизору показывать.

— Ты-то откуда знаешь? — усмехнулась она. — Ты же не такой, я бы почувствовала...

— Я — знаю, — сказал я твердо.

Она долго и пытливо рассматривала меня.

— Вижу, что знаешь, — сказала она с удивлением в голосе, — но вот откуда...

— Я сам еще не разобрался — откуда, — ответил я уклончиво. Исповедоваться этой тетке с замашками бывшей ведьмы не входило в мои планы.

— Ну, разбирайся, — сказала она. — Значит, говоришь, что ведьмам и колдунам волю дадут? Ох, горе-горюшко...

— Отчего же? — не понял я.

— Сбегутся жулики до денег и славы жадные, начнут народ охмурять... А тем, у кого в самом деле *о н о* есть, придется еще больше прятаться...

Она опять замолчала надолго.

— Послушайте, Екатерина Петровна, — сказал я осторожно, — я вам хочу предложить одну вещь. У меня есть информация о некоторых событиях, которые в будущем произойдут. Информация точная, но откуда — я вам сказать не могу. Но меня никто и слушать не будет. А вот вас — послушают. Вы известны, да еще и пострадали за это. Мы миллионам людей помочь можем.

Конечно, это было рискованно — говорить с бывшей пациенткой психбольницы о таких вещах. Но, с другой стороны, даже если она и расскажет кому-то, то кто ей поверит сейчас, когда она в таком состоянии? И вообще, у меня интуиция. Рациональность иногда нужно посылать к чертовой матери и доверять интуиции. Я поверил, что эта спивающаяся тетка меня не подведет и не подставит.

— Жаль, все же, что похмелиться нету... — сказала она и закашлялась. — Голова болит. Тяжело. А будущее... его многие чувствуют, Алексей. Вот как слепые солнце не видят, а чувствуют. От этого и пьянство, и все прочее. А таким как я — и захочешь не увидеть, так попробуй, не увидь, когда оно от горизонта до горизонта.

— И что же вы видите? — спросил я.

— Да разлетится все на куски. Жизни, страна, власть эта.

Она заговорила тревожным шепотом:

— Ко мне же приходили в больницу, приходили. Двое. Оттуда. Уговаривали, что освободят тут же, если я соглашусь... к ним. Сказали, что санаторий есть специальный, для таких как я, на полном обеспечении, только подписать бумагу и все. Что я феномен, который изучать нужно. А я испугалась сильно. Смотрю на них, а они страшные, как

мертвые внутри. И ничего не подписала — больше со страху. А они посмотрели на меня, как на психическую, сказали: «Ну, лечись тогда» и ушли... Они там, наверное, чувствуют, или может быть даже знают, что разлетится все, разрушится, но сделать ничего не могут, потому что они там многие такие — как мертвецы внутри. Меня же вообще посадить хотели, но спасла меня одна дама, прокурорша спасла! Она ко мне когда-то пришла за мужа узнать, а я вижу болезнь у нее тяжелая — только-только начинается. Сразу ей сказала об этом, а она мне поверила, хоть и партийная и сама — следователь. И спасли ее врачи, сказали, что вовремя обратилась. Она ко мне приходила потом, благодарила, и от тюрьмы она спасла. Хотя... может в тюрьме бы и лучше было?

— Так давайте делать чего-то, — сказал я с внезапным ожесточением. — Не пить всякую дрянь, а пытаться людям помочь, у которых все плохо, а дальше и еще хуже будет. Если все правильно сделаем, то через год о вас будут писать местные газеты, а через два — союзные. Мы многих сможем спасти и страшные вещи предотвратить.

Она тряхнула пустой пачкой «Беломора», пошарила по неубранной постели, выудила откуда-то из-под подушки пачку «Ватры» и закурила. Мы долго молчали. А потом она сказала:

— Иди, Алексей. Пора тебе, а я не могу уже, устала. Приходи потом, через неделю приходи или дней через десять. Тогда мы поговорим еще, а сейчас я не могу больше. Тяжело.

— До свидания, — сказал я.

Я шел и думал о том, что иметь свою ясновидящую в конце восьмидесятых годов в СССР — это серьезный ресурс. Это реальный ресурс влияния. Буквально несколько месяцев остается до взрыва паранормальщины в СМИ — и «Труд», и «Правда» и «Комсомолка» будут писать об НЛО и экстрасенсах, «Молебском треугольнике» и Ордене колдунов... и полезут шарлатаны, это Екатерина Петровна верно заметила, я уж не знаю, насколько она ясновидящая, но тетка не глупая — определено. И вот, если у меня будет ясновидящая, гадалка или ведьма, дающая сбывающиеся прогнозы, то... Это будет серьезно. Это будет гораздо серьезнее всех видеосалонов и студий звукозаписи. Другой вопрос — а что мы действительно можем сделать? Можем ли мы реально повлиять на будущее? Динамичны ли будущие события, или наоборот — они «прибиты гвоздями» к нашей реальности, так что изменить ничего не получится? Касается ли это любых событий, или только некоторых? Голова от всего этого пухла и шла кругом.

Дома я вооружился ручкой, тетрадью, громадной чашкой кофе и начал мозговой штурм. Итак, есть события, о которых я знаю точно.

Например — землетрясение в Армении. Это восемьдесят восьмой год, кажется, самый его конец. Я помню названия городов, наиболее пострадавших — Ленинакан и Спитак. Вопрос — что мы можем? Дать информацию, которая будет услышана. Цель — спасение людей, конечно. Тысяч жизней. Задача — сделать так, чтобы информация была услышана.

Прежде всего нужно сделать так, чтобы Екатерина Петровна прекратила свои алкогольные увлечения. Затем, вернуть ей практику. Пусть предсказывает будущее простым советским домохозяйкам, тем более, что она что-то такое действительно может. В дурдом ее сейчас не потащат, времена не те. Но нужно что-то еще... Что-то промежуточное, важное, какой-то определенно сбывшийся прогноз, который заставил бы людей относиться серьезно к любой ее информации, что-то такое...

— Алексей! — вдруг раздался строгий голос. На пороге моей комнаты стоял папенька.

— Пойдем, поговорим, — сказал он тоном, не предполагающим возражений. И

царственно удалился. Я последовал за ним, в кабинет.

Небрежным жестом папенька приказал мне садиться. Я повиновался. Что же еще случилось?

— Звонили из милиции, — сказал папенька. — Не сочти за труд, объясни мне, кто такая Евсеева?

Я с удивлением посмотрел на папеньку.

— Евсеева? Понятия не имею. В первый раз слышу.

— Тогда почему наш телефон у нее в записной книжке? — сказал папенька недоверчиво.

Я развел руками.

— Ни о какой Евсеевой я не имею представления!

Папенька, похоже, поверил мне. Нужно отметить, что он был неплохим психологом.

— Странно, — сказал он. — Звонят из милиции, говорят — телефон найден в записной книжке, среди прочих... — Папенька выдохнул, как мне показалось, с облегчением. — Интересуются, при каких обстоятельствах мог попасть к ней наш телефон, а я понятия не имею... Я, знаешь ли, с семнадцатилетними девицами не дружу!

— А что случилось-то? — спросил я настороженно.

Папенька помолчал немного.

— Плохое дело случилось, — сказал он мрачно. — Ударили эту... как ее?... Евсееву, ножом. И пытались, в общем... Одним словом, плохо там все, милиция работает. Ну я им объяснил, что мы, естественно, никакого отношения к этому иметь не можем. И подумал, может ты ее знаешь откуда-то?

— А как ее зовут, не спросил? — Я, кажется, начинал что-то понимать, что-то такое, чего понимать не хотелось... Совсем не хотелось.

Папенька посмотрел на какую-то бумажку. Он всегда все записывал, не полагаясь на подводящую память. Привычка.

— Евсеева Марина Александровна.

У меня перед глазами мелькнуло что-то красное, а сердце дико заколотилось в груди. Марина!

— Так ты ее не знаешь? — спросил папенька.

— Кажется, знаю, — ответил я, стараясь говорить по возможности спокойно. — Это моей одноклассницы Инны подруга.

— Вы с ней... общались? — папенька слегка запнулся, подбирая нужное слово.

— Виделись несколько раз, — сказал я сдавленным голосом. — Она... жива?

— В тяжелом состоянии, — сказал папенька мрачно. — Тогда нужно перезвонить в милицию, чтобы они с тобой побеседовали. Может поможешь чем.

— Да, конечно, — сказал я растерянно.

— Ты не беспокойся, — сказал папенька. — К тебе вопросов не будет, это не первый случай в городе. Мне Николай сказал, что завелся какой-то сумасшедший маньяк! А наша милиция его отловить не может, — папенька осуждающе покачал головой, — все имитируют бурную деятельность, а одного психа поймать не могут! Дармоеды! — Папенька был очень зол. — И вообще, я тебе скажу, Алексей, что часто с тобой всякие вещи стали случаться. То тебя порезала какая-то шпана, мать чуть с ума не сошла! То вот твою знакомую теперь, чуть не до смерти! То под машину ты попадаешь! Как-то очень много всего за последние несколько недель! С чего бы?

Я молчал. Не знал, что отвечать, все слова как-то потерялись, складываться в связные предложения отказывались.

— Ладно, иди, — сказал папенька, проявив милость. — И хорошенько подумай о происходящем!

Я пошел в свою комнату. Молча, хотя очень хотелось орать что есть силы, что такого не может быть, не может! Нужно было что-то делать, но что, я не знал, внутри моего сознания как будто что-то замкнуло. Хоть было уже поздно, я позвонил Инке Копытиной. Однокласснице, той самой, что познакомила нас.

— Уже знаешь? — спросила она взволнованно.

— Да, только сказали. Можешь рассказать, что известно?

Инка всхлипнула.

— Ой, Лёш, это же ужас... Она вечером домой возвращалась. Сама возвращалась, с дня рождения, у девчонки из ее школы день рождения был... Через пустырь шла... А он там... Я не могу, Лёш, я реву целый день.

— В какой она больнице?

— Вроде в третьей... Ко мне уже приезжали из милиции, спрашивали, кто, чего... А что я знаю? Я ж не знаю ничего.

— Это вчера случилось?

— Да, вчера вечером. Еще повезло, что какие-то мужики шли и спугнули... ну, этого. Если бы не эти мужики, то... Страшно, Лёш!

— Значит, в третьей больнице... — сказал я.

— Только к ней не пускают никого, да она и без сознания, вроде бы... — Копытина снова начала всхлипывать.

— Успокойся, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал по возможности твердо.

— Не могу я успокоиться! Я теперь из дома выйти боюсь! А у вас же... ну это... вы встречались, да?

— Виделись несколько раз, — сказал я чистую правду.

— Она мне рассказывала, — подтвердила Инка. — Ты ей нравился, вообще-то. То есть, нравишься! А меня родители теперь вообще из дома не выпускают!

— Будем надеяться на лучшее, — сказал я твердо. — Все, давай, успокаивайся! Поймают этого гада, никуда не денутся!

На следующий день со мной проводил беседу какой-то уставший и помятый мужик в штатском — следователь. Беседа проходила в городском отделе милиции.

Мужик этот, кажется, в первые же минуты понял, что толку от меня мало и беседовал со мной формально, старался беседу по возможности быстрее закруглить. Заинтересовала его моя забинтованная рука, особенно когда я сказал, что получил ранение в драке с хулиганами. Но, задав несколько вопросов, он понял, что руку мою забинтованную к делу не пришить, и отпустил меня с миром.

— Осторожнее нужно сейчас, — сказал он мне на прощание. — Вся мразь повылезала, не успеваем отлавливать...

— А это не первый случай уже? — спросил я с видом простачка.

Следователь одарил меня тяжелым взглядом.

— Случаев у нас всяких хватает. Иди, парень. И смотри, осторожнее. Отцу кланяйся, — добавил он с легкой усмешкой.

Похоже, он решил, что я ничего не знаю и ничем помочь не могу. И он ошибся, этот

помятый и уставший следователь. Кое-что я все-таки знал. И помочь мог, но только мог ли следователь принять мою помощь — это был большой вопрос.

Маньяк действительно был в нашем городе. Как раз в это самое время, второй половине восьмидесятых годов. И поймали его примерно году в девяностом. И смотрел я об этом деле документальный фильм, снятый нашим местным телевидением. Конечно, процентов девяносто содержимого этого фильма я успешно забыл, но кое-что помнил. Кое-что важное. Да, он действительно убил несколько женщин разных возрастов. И его долго не могли поймать. А оказался он вполне примерным семьянином. Электриком со станкостроительного. В общаге станкостроительного он и жил, там его и повязали. Ни имени-фамилии, ни внешнего вида его я не помнил, но и того, что помнил было уже немало. Если, конечно, найдется кто-то, кто захочет меня выслушать.

Я попытался пробиться в третью больницу, чтобы узнать хоть что-то, но почему-то медицинский персонал на контакт идти отказывался.

— Кем больной приходиться? — строго спросила меня величественная врач с башнеподобной прической.

— Знакомый, — сказал я.

— Прием за-пре-щен! — отчеканила докторша с таким удовольствием, что я понял — любые попытки как-то прорваться будут тщетны.

— Вы хоть скажите, как она себя чувствует?

— Жива, — неохотно сказала докторша. — Все, иди. Некогда с вами здесь.

Я покинул больницу мрачным, но полным решимости. Предстояло действовать.

После больницы я сразу отправился в видеосалон и сказал нашим, что в ближайшие день-два не появлюсь. Витя пытался расспрашивать, но я отмахнулся. Помочь он мне все равно ничем не может...

Ко всему прочему, меня преследовала одна мысль... дурацкая и фантастичная, но... разве не фантастично то, что происходило со мною в последние недели? Я думал о том, что может быть моя вина есть в случившемся с Мариной. Я рассказал ей о будущем. Немного, но кое-что рассказал, не сдержался... И, может быть, какой-то невидимый вселенский механизм решил, что она не имеет права этого знать. И что нужно, чтобы ее не было. А маньяк просто орудие. На его месте могло быть что угодно. Автомобиль с отказавшими тормозами. Кирпич, случайно свалившийся с крыши. Как в «Миллиарде лет до конца света», которую читал давно-давно — некоторые вещи людям знать нельзя, есть закрытые сферы, и когда лезешь в них, то против тебя ополчается вся вселенная. Хотелось бы мне, чтоб эти мои фантазии остались только фантазиями...

Я пошел к Екатерине Петровне, моей недавней знакомой — пьющей бывшей ясновидящей. К моему удивлению, она оказалась, во-первых, дома, во-вторых, трезвая, и в-третьих, квартира ее носила признаки некоторой даже уборки.

— Пришел, — просто констатировала она.

— Да, пришел, — выдохнул я, — пройти разрешите?

— Проходи.

Кажется, трезвая и не похмельная Екатерина Петровна большой словоохотливостью не отличалась.

— Рассказывай, — сказала она, усевшись на стуле у окна.

Я рассказывал. О Маринке. О том, как на нее напал маньяк и как она сейчас лежит в больнице. Рассказывал горячо и сбивчиво.

— А от меня ты чего хочешь? — безразлично спросила она, глядя в окно.

— Я знаю, где его искать, — сказал я. — Знаю, где он живет. А в лицо не знаю, только адрес и то приблизительно. Может быть, вы поможете?

— Как же я тебе помогу? — спросила она.

— Может быть, вы сможете увидеть... его? Он же должен отличаться от других людей?

— Давай чаю попьем, — сказала она. И ушла заваривать чай, долго возилась, наверное, минут пятнадцать, а потом пришла с двумя чашками. Все же Екатерина Петровна была явно не в настроении сегодня, хоть и трезвая. А может быть именно по этой причине.

— Алексей, — сказала она, — меня, за то, что я людям помогала, в дурдоме держали, через такое пропускали, что вспомнить сейчас страшно. И вот там, в дурдоме, я часто думала — если удастся мне выйти, то и пальцем больше не пошевелю, чтобы там помочь кому-то, предупредить, посоветовать. Зарок дала. Хоть ядерная война, хоть что! Пусть лучше сгорит все, но пользоваться *этим* не буду. Да я уже и не могу почти ничего, только спяну иногда, они ж меня лечили от этого! Сыну родному не помогу. Пусть живут как хотят.

— Он же не остановится, — сказал я с отчаянием. — Он же будет снова и снова убивать. Еще годы будет убивать, пока его не поймают.

— Вот и пусть ловят, — сказала она с внезапной злостью. — Милиция и еще кто... А я тут ни при чем.

— Значит, пусть он и дальше убивает? Пусть и дальше насилует? — Я тоже начинал злиться.

Она пожала плечами.

— Я же говорила, что почти ничего не могу. Теперь я такая же слепая, как и все. Почти такая же.

Она замолчала и отвернулась к окну. Я тоже молчал. Говорить было нечего. Наверное, было очень жестоко с моей стороны, требовать чего-то от этой несчастной тетки. Ей и так в жизни досталось порядочно, а тут я еще с новыми испытаниями.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда я пойду, наверное. Я не должен был вас беспокоить, простите.

А она посмотрела на меня и вдруг на какую-то секунду мелькнуло что-то в ее взгляде, что-то дикое и веселое, обжигающее, ведьминское, мелькнуло и тут же исчезло, но мне все равно стал жутковато.

— И где он живет? — спросила она.

— В станкостроительной общаге, — сказал я быстро. — Это на сто процентов.

Она усмехнулась.

— Не врешь. Знаешь то, чего тебе знать не полагается. Или просто уверен, что знаешь? У психов так бывает, я видела. Один царем себя считает, другой архангелом. И все уверенны. Может ты псих, Алексей?

Я вздрогнул. Кто-то уже задавал мне такой вопрос. Марина!

— Может быть, — сказал я устало. — А может и нет, я не знаю. Я знаю, что с вашей помощью могу остановить этого... И сделать это быстро, так что он не успеет никого больше... — Я говорил сбивчиво и, наверное, действительно был похож на психа.

— Станкостроительная общага... — сказала она задумчиво. — Давай, Алексей, еще чай пить. С работы домой они после пяти пойдут. Времени куча.

Я затаил дыхание.

— И заметь, — сказала она, — я не спрашиваю тебя, откуда ты все это знаешь? И то, что вчера наговорил, и что сегодня. А я для себя решила так — пусть будет как будет. Если получится так, как ты говорил — помочь отвести беду, людей от гибели спасти, то пусть так и будет. Не получится — что же, значит не судьба. Но я думаю, что ты не просто так ко мне пришел.

Мы сидим на скамейке, сколоченной из каких-то дощечек, возле общежития станкостроительного завода. Не очень удобно, но зато дает полный стратегический обзор местности, общага и все подходы к ней как на ладони, а возвращающиеся с завода проходят практически мимо нас.

Мы сидим. Люди вокруг не обращают на нас никакого внимания. Простые советские люди, возвращающиеся с работы. Вот тетка с битком набитой тяжелой авоськой бредет домой. Вот трое мужиков — у одного трехлитровая банка пива, а у другого пиво налито в полиэтиленовый пакет. Мужики веселы и расслаблены, впереди вечер отдыха. Вот какой-то похожий на студента очкарик с «дипломатом», затянутый в дешевые индийские джинсы, которые явно ему не по размеру, спешит куда-то. Вот пенсионеры, они никуда не спешат, чинно занимают столик во дворе общаги. На столике появляется домино — сейчас начнется вечерний турнир. Вот семья — муж, жена и пацан лет двенадцати. У пацана невеселый вид, судя по всему, где-то накосячил и получил по заслугам.

Екатерина Петровна сидит рядом со мной. Вроде бы расслабленно, но у меня время от

времени возникает ощущение, что я сижу рядом не с человеком, а с трансформаторной будкой. Что-то такое чувствуется, то ли тихое, на грани слышимости, жужжание, то ли вибрация... Я пытаюсь заговорить с ней, но она отвечает просто и коротко:

— Не мешай.

Я не мешаю. Я смотрю по сторонам и думаю, как это странно, что убийцей может оказаться совершенно любой. Например, этот тучный и усатый дядька с портфелем и в шляпе, похожий на директора школы. Шляпа и плащ в такую жару? Точно маньяк. Или вот этот подвыпивший мужичок, шатающийся, но веселый... Все-таки, это ужасно, подозревать всех.

А вот пошел и народ с работы — группами и поодиночке, мужчины и женщины, трезвые и не очень, тихие и шумные, но все спешащие домой — в эту длинную пятиэтажную общагу, что растянулась на весь квартал, сейчас зажгутся окна, включатся телевизоры, из холодильников извлекут борщи и макароны по-флотски...

Я вопросительно смотрю на Екатерину Петровну — неужели ничего? Она раздраженно грозит мне пальцем, кажется, ей нехорошо. А основная волна возвращающихся уже прошла, идут небольшие группки по два-три человека, или отдельные люди. Конечно, он мог задержаться где-то, банально пойти в магазин или еще зайти куда-то с приятелями... А Екатерине Петровне определенно нехорошо — она шумно сморкается в не первой свежести платок. Я вижу, что платок алый от крови.

— С вами все в порядке? — спрашиваю я испуганно. Дурацкий вопрос. Да, с ней не все в порядке. Она, впрочем, не обращает на меня внимания. Та невидимая вибрация, которую я то ли чувствую, то ли слышу, явно становится сильнее, и я удивляюсь, как проходящие мимо люди не чувствуют ничего такого...

Проходит группка школьников. Мамаша с коляской. Бабушка в платке. Все не то. Вот солидный мужик с бакенбардами. Мимо. Вот невзрачный дядька в легкой кепке и спортивном костюме... Екатерина Петровна поворачивается ко мне. В лице ее ни кровинки, но зато левый глаз налит кровью, она дрожит и голос ее дрожит.

— Вот этот, — говорит она.

Я подумал, что она потеряет сознания, но нет, не теряет, бессильно откидывается на доски и закрывает глаза. Невзрачный дядька в легкой кепке потихоньку идет к своему подъезду. Совершенно обычный человек, без когтей и клыков возвращается домой, честно отработав смену. Наверное, план перевыполняет на процент-другой в месяц. Эта мысль кажется мне настолько безумной, что я едва сдерживаю смех.

— Я сейчас, — говорю я Екатерине Петровне. Она бессильно кивает, а я срываюсь с насиженного места и иду за ним.

Он заходит в подъезд. Отлично. Теперь я знаю намного больше, но, конечно, еще недостаточно...

На пустыре, который когда-то был детской площадкой, маются трое пацанов, лет по двенадцать. Я решительно подхожу к ним.

— Привет, пацаны! Мужика, который в подъезд сейчас заходил, видели?

Пацаны смотрят на меня с подозрением, а тот, который кажется постарше, пожимает плечами.

Нужно налаживать контакт. Я протягиваю ему упаковку жвачки и говорю:

— Мужик в светлой кепке и спортивном костюме.

Жвачка исчезает в кармане курточки.

— Ну видели, — говорит тот, который постарше.

— Его случайно не Славик зовут? — спрашиваю я. — На одного моего знакомого похож.

— Не, не Славик, — говорит один из пацанов. — Это дядя Володя с нашего подъезда. На третьем этаже живет.

Этого пацана я тоже одариваю жвачкой.

— Слесарем на заводе работает, не знаешь? — спрашиваю я.

— Электрик он, с моим батей в одной бригаде, — говорит пацан.

— Значит не мой знакомый... — говорю я задумчиво. — Обознался. Ладно, пока.

Я возвращаюсь к Екатерине Петровне. Выглядит она, прямо скажем, так себе.

— Как вы? — спрашиваю я.

— Жить буду, — отвечает она.

Я провожаю ее до дома, хоть она и протестует.

— И что дальше? — спрашивает она, когда я довожу ее до подъезда.

— Буду думать, — говорю я.

Подумать действительно есть над чем. Она усмехается и уходит, а я иду домой и думаю. Думаю о том, как, в общем-то, удачно все срослось. Думаю об этом мужике в светлой кепке, об электрике Володе. Наверное, смотрит телевизор, расслабляется после работы. И о том, что мне делать с полученной информацией.

Вариантов на самом деле не так уж и много. Я могу написать анонимку в милицию. Насколько я понимаю, версий у следствия не слишком много, будут хвататься за любую соломинку, так что — должны отреагировать. С другой стороны, вполне возможно, что таких анонимок бдительные советские люди настрочили уже не один десяток. Слухи о маньяке гуляют уже давно. Я могу попробовать остановить его сам. Не факт, что справлюсь, не факт, что меня после этого не поймают. Сложный вариант. Еще один вариант — пойти в «Софию» к уголовникам. Они точно знают о нападениях на женщин, да и ответственные за оперативную обстановку сто процентов напрягли их по поводу — поделиться информацией, если та вдруг появится.

Вполне себе разумно — через уголовников слить нашего маньяка милиционерам. Кажется, все. Других вариантов у меня не было. Недолго думая, я отправился в «Софию».

В «Софии» как всегда дым стоял коромыслом. Народу было много, но из знакомых мне нашелся только Андрей Магадан, да и тот был сильно выпивши.

— Здорово, пацан! — приветствовал он меня. — Как жизнь молодая?

— Мне бы с Сашей поговорить... — сказал я. Щербатый в этой ситуации мог помочь.

— А Сани нет... — развел руками Магадан. — Саня в отъезде, по делам. А че ты хотел?

— Беда у меня случилась... — сказал я упавшим голосом.

— Опять хулиганы? — понимающе улыбнулся Магадан.

Я махнул рукой.

— Да если бы... Девчонку мою порезали вчера. Какой-то псих.

— Погоди, — посерьезнел Магадан, — это на «Красных партизан» случай?

— Да, — подтвердил я. — На пустыре...

Магадан развел руками.

— Ну так а че ты хочешь? Ты что, думаешь, что мы в курсе, кто это? Эту тварь менты уже год ищут, найти не могут. Так что, пацанчик, извини, пока предъявлять некому. Вот если бы знать — кто... — Магадан мрачно усмехнулся.

— Я думаю, что знаю — кто, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более уверенно.

— Да ну... То ты придумал себе, пацанчик. Девчонку твою порезали, вот ты и поплыл. Бывает! Ты лучше отдохни сходи. Я же вижу — на нервах весь. А откуда знаешь?

— Не могу сказать, — сказал я твердо. — Сказать не могу, но сильно подозреваю.

— Да завязывай, — Магадан уже начал раздражаться. — Менты землю носом роют и хоть бы хрен. Никто не знает ничего, тихарится где-то этот псих. Завязывай лучше пустой базар. Да и пьяный я, сам видишь, не могу такие вопросы решать!

— Саша когда приедет? — спросил я.

— Он не отчитывается. — Магадан пожал плечами.

Из «Софии» я выходил мрачным и почти отчаявшимся. Хорошо, думал я. Пусть так. Значит, придется самому. Все придется делать самому...

Той ночью я почти не спал. Думал.

Прорваться в больницу к Марине было сложно, но я все же справился. Мне разрешили увидеть ее буквально на минуту и стоило это недешево. Выглядела она скверно, очень скверно, но была жива и могла разговаривать.

— Ну зачем ты пришел... — сказала она, и я поразился, насколько слаб ее голос.

— Меня пустили на минутку, — торопливо сказал я. — Как ты себя чувствуешь?..

Она усмехнулась горько.

— Сам видишь же. Но было хуже. Ты не приходи пока, я сама тебе позвоню, как выйду.

— Хорошо, — сказал я. — Я хотел тебя спросить одну вещь, очень быстро. Скажи мне, у того человека... который на тебя напал... на нем была светлая кепка?

Она ошарашенно посмотрела на меня.

— Была, — сказала она шепотом. — Светлая кепка, я рассказала все следователю, как только в себя пришла. А откуда ты...

— Неважно! — сказал я. — Ты, главное, поправляйся, все хорошо будет!

Я встретил его после работы, по пути с завода домой, и мне здорово повезло, что он не любил компании, а предпочитал возвращаться один. И в этот раз тоже он возвращался один, в неизменной своей светлой кепке, электрик Володя со станкостроительного завода. Кажется, он был в хорошем настроении.

Я просто стоял и ждал, а он шел мимо, насвистывал что-то себе под нос и радовался жизни.

— Владимир, — окликнул я его.

Он остановился и обернулся, осмотрел меня и было в этом что-то напряженное, нервное.

— Я тебя не знаю, парень, — то ли сказал, то ли спросил он.

— Неважно. Зато я тебя хорошо знаю.

Проклятый голос выдавал меня. Должен был звучать твердо и уверенно, а звучал прерывисто и сдавленно. Адреналин зашкаливал, сердце колотилось — все как полагается...

Он растерялся, но сказал строго:

— Не тыкай старшим, а то...

— Убьешь, как тех девчонок? — спросил я.

Он определенно испугался. Кажется, он был почти в панике.

— Да ты кто такой?! Каких девчонок, ты чего? Кто ты такой?!

Его паника придала мне спокойствия.

— Пошли, отойдем, — сказал я, кивнув в сторону старого заброшенного сквера.

Он пошел, оглядываясь по сторонам украдкой, похоже, он пытался справиться с нахлынувшей паникой, но это не очень получалось.

— Ты кто такой? — снова спросил он, когда мы оказались в безлюдном месте. — Ты же не из милиции? Чего тебе от меня надо?

Я огляделся по сторонам. Уютный скверик. Порядочно зарос бурьяном, несколько разломанных скамеек и пустые бутылки возле них. Обидно будет остаться тут навсегда.

— Я все про тебя знаю, — сказал я, отчетливо проговаривая каждое слово. — И скажу тебе, Володя, что ты в безвыходном положении.

А ведь он на самом деле жалок, подумал я. Это не Ганнибал Лектор, это что-то мелкое и убогое, жалкое и опасное одновременно.

— Ты кто такой? — снова спросил он. Похоже, мужика заклинило.

— Про все случаи, когда ты нападал на девушек, я знаю, — сказал я. Блефовал, конечно. Знал я только про один. — В последний раз это было на пустыре, на «Красных партизан». Девушку ты ножом ударил, но выжила. И опознает тебя, Володя. Вот где-то завтра-послезавтра товарищ прокурор ордер на твой арест выпишет, а потом — опознание, быстрый и справедливый суд и расстрел. Как высшая форма социальной защиты, Володя.

Он молчал. Кажется, он мне поверил.

А потом он спросил:

— Чего ты хочешь?

— Я, Володя, хочу, чтобы тебя не было, — честно ответил я. — И здесь у нас есть два варианта. Может быть, тебе сейчас всякие глупости в голову лезут — в бега там податься? Я тебе сразу говорю — глупости это все. Ты не шпион и не рецидивист, чтобы месяцами на нелегальном положении жить. Не сможешь ты так. Ни денег у тебя, ни опыта, ни связей, ни ксивы фальшивой — ничего. На первом же вокзале тебя повяжут. Пустышка ты. Только и умел, что девчонок резать. Зачем, кстати?

По его лицу пробежала судорога боли и отвращения.

— Не твое дело!.. — выдохнул он. Сами, суки, виноваты... Сами! А ты... ты кто вообще такой?

— Наша песня хороша, начинай сначала... — вздохнул я. — Тебе, Володя, не обо мне, а о себе думать нужно.

Он стоял. Смотрел на меня. Наверняка, он знал, что ищут и будут искать дальше. Наверняка он представлял, как за ним приходят. Но то, что произошло сейчас, он представить не мог. А потом я увидел, что растерянность в его глазах сменилась отчаянной решимостью, и понял, что сейчас произойдет.

Он оказался довольно быстрым, чем нимало удивил меня. Я даже не успел разглядеть, как он вытащил нож. Как будто, нож просто оказался в его руке.

— Ну, парень... — протянул он угрожающе. — Много знаешь, много... Сейчас мы с тобой...

Он рванулся ко мне, снова удивив меня быстротой, но реализовать свое явное преимущество в скорости он не смог. Из зарослей бурьяна высочили Валерка и его друг-боксер Серёга. Валерка махнул деревянной дубинкой, напоминающей бейсбольную битку, и вот, наш маньяк держится за ушибленную руку, а нож его валяется на земле.

Бледный от сдерживаемой злости Серёга пробивает ему прямой в челюсть, и он валится с жалобным стоном.

— Нокаут, — констатировал Валерик. — Ты его не зашиб, Серёга?

— Вроде нет, — Серёга с сомнением посмотрел на лежащее тело.

Маньяк Володя снова простонал что-то жалобно.

— Во, говорю ж, не зашиб! — обрадовался Серёга. — А вообще, у меня в башке не укладывается... Это он, что ли, неуловимый маньяк? Гроза всего города, вот это чмо?

— А ты Фредди Крюгера ожидал увидеть или Джейсона? — улыбнулся я. — Нет, дружище, в реальной жизни они вот такие...

— Так давай его прям здесь загасим, — предложил Серёга. — Чего я, зря лопату пер, что ли? Зароем за бурьянами, да и все. Ментов еще отвлекать по пустякам.

— Слышь, жертва аборта, — обратился я к лежащему Володе, который уже пришел в себя, но вида не подавал. — Есть предложение, прямо здесь тебя кончить. Как ты относишься к такой перспективе? Серёга вон и лопату принес.

Серёга действительно сбегал куда-то в кусты и принес штыковую лопату. Вот черт, я-то думал, что он просто жути нагонял.

Володя издал несколько протестующих звуков. Помирать вот прям щас на заброшенном

пустыре он отчего-то не горел желанием.

— Не хочет, слышите? — сказал я. — Что же, вполне разумно. Тогда, Володя, у нас к тебе другое предложение. Вот тебе бумага и ручка и пиши о своих делах. Только обо всех, чтобы без обмана. Тогда еще проживешь какое-то время, пока суд да дело. А там уж, как государство решит. Подходит тебе?

Володя издал несколько звуков, которые свидетельствовали о том, что этот вариант его устраивает больше предыдущего.

— Ну, тогда поднимайся и пиши, — сказал я.

На этот раз он был полностью сломлен и деморализован.

С чистосердечным признанием мы мучались минут сорок, не меньше. Маньяк нам попался на удивление бестолковый, точные даты вспомнить затруднялся, даже количество эпизодов точно назвать не мог. То ли пять, то ли шесть. И вообще, спотыкался на каждом слове, жаловался на боль в руке и головокружение и всячески капризничал.

— Ну вот, а теперь — число и подпись, — скомандовал Серёга.

Маньяк Володя поставил число и подпись. По-моему, он был немного не в себе, произошедшее, похоже, повредило его и без того не слишком нормальное сознание.

— Ну всё, парни, — сказал я, — теперь вы его в ближайший опорный пункт сопроводите.

Я отправился в видеосалон, который уже стал нашей базой, а Валерик с Серёгой повели нашего Джека-Потрошителя сдавать с рук на руки правоохранительным органам.

В видеосалоне шла комедия с Джекки Чаном, за главного был Витя. Когда я пришел, он предложил выйти пообщаться, похоже, что у него накопилось множество вопросов. Меньше всего на свете после пережитого хотелось мне сейчас общаться, но деваться было некуда.

— Лёха, а ты можешь объяснить, что происходит? — спросил Витя.

Много всего происходит, ой много, столько, что и не разгребешь, хотел сказать я. Но не сказал.

— Сейчас пацаны приедут, все в подробностях объяснят, — сказал я. — Поймали одного типа. Я выследил, а они задержать помогли. Ментам уже сдали, наверное.

— А тебе это зачем? — спросил Витя.

— Что? — не понял я.

— Да вот это все. Выслеживать кого-то. Задерживать. Ты ж не мент, в конце концов. Не дружинник. Мы вообще по другую сторону баррикад, если ты забыл. Своих проблем, что ли, мало?

— Вить, — сказал я жалобно, — устал дико. Давай потом, а?

— Ну, давай потом, — сказал Витёк.

Он был насторожен. Происходило непонятное, а непонятного Витя терпеть не мог.

Где-то через полчаса подъехали пацаны — возбужденные и довольные.

— Ты бы видел дежурного мента, Лёха! — захлебываясь от радости рассказывал Валерик.

— Сказали все как договаривались? — спросил я.

— Чин чином! — подтвердил Серёга. — Сказали, что напал с ножом в парке, ну и получил слегка по балде. И что при себе у него бумага любопытная нашлась — чистосердечное признание.

— Мент, когда нож увидел, так и офигел от счастья, — смеялся Валерка. — А как до бумаги дело дошло, так я думал, что его от радости кондрашка стукнет! Только не покажется

ли им подозрительным, что такой матерый маньячище с чистосердечным признанием в кармане разгуливает?

— Да похрен, что им там покажется, — сказал я. — Это уже не наши проблемы. Теперь они с него не слезут, пока не расколют полностью. Ваши личности устанавливали?

— Лично я представился Петром Сергеевичем Ивановым, — сказал Серёга с улыбкой. — Никто не звонил, не проверял. Там, когда они бумагу увидели, сбежались всем отделением, давай начальству звонить — не до нас стало! Ну, мы ноги в руки и слиняли под шумок.

— Думаю, они даже рады, что вы слиняли, — сказал я.

— Ну да, — подтвердил Серёга. — В этом деле дополнительные помощники им помеха. А так, напишут, что сами поймали опасного преступника. Это ж звездочки и повышения сразу! Фартануло ребятам сегодня.

— Да пофиг, — сказал Валерик, — пусть радуются, че там... Главное, что дело сделали.

— Это главное, — подтвердил я.

Нет, никакой удовлетворенности не было. Радости тоже не было. Была усталость — невыносимая, нечеловеческая. Хотелось отключиться. Хотелось не думать ни о чем вообще. Лечь на дно, как подводная лодка и не передавать позывных.

Этим же вечером ко мне в комнату зашел папенька в очень хорошем расположении духа.

— Вот, Алексей, — сказал он торжественно, — только с тобой поговорили об этом... психопате, что порезал твою... м-м-м... знакомую! И что ты думаешь? Сегодня задержали!

— Не может быть! — искренне изумился я, изо всех сил сдерживая подступающий истерический смех.

— Сто процентов! — объявил папенька. — Сидит, показания дает. Мне Николай только что позвонил. У них там уже банкет по этому поводу, но это ничего, пусть празднуют, заслужили!

— Большие молодцы! — подтвердил я.

— Умеют работать, когда захотят, — сказал папенька. — Тут и поощрить можно, я полагаю. И по нашей линии, и по их, милицейской! Поощрение, Алексей, большое дело! Если, конечно, заслуженно.

— Тут уж точно заслужили, — подтвердил я.

— Восемь эпизодов устанавливают... — папенька помрачнел. — Какая, все же, мразь с нами по одним улицам ходит!

— И что с ним будет теперь? — наивно спросил я.

— Ну, что... Если признают вменяемым, то высшая мера, конечно. Все по заслугам. А если невменяем — специальное лечебное учреждение. Я слышал, что там хуже тюрьмы и хуже, чем... Хуже, чем что угодно. А ты подруге своей можешь предать — пусть спокойно по улицам ходит. Моя милиция меня бережет!

— Передам, — пообещал я.

Обещания я не выполнил. Сразу после выписки перепуганные родители отправили Марину в Ленинград к родне. Там она и поступила в один из педагогических институтов. Мы больше никогда не виделись и не общались.

Никогда я не видел больше и Федю Комара. Он быстро вышел из больницы и буквально через пару дней был арестован за соучастие в какой-то краже. Лично мне подобная быстрота показалась подозрительной, мало верилось, что, не успев выписаться, Федя побежал

обносить квартиры, скорее всего тут были какие-то интриги внутри преступного мира. Создалось впечатление, что Саша Щербатый сильно не хотел, чтобы Федя задержался на воле, слишком независимым был этот позитивный, всегда улыбающийся парень.

Маньяка, как и сказал мой папенька, судили и приговорили к расстрелу. К счастью, наши персоны в этом деле так и не всплыли. Похоже, что милиция действительно не нуждалась в помощниках по этому делу и присвоила все лавры себе. На здоровье, как говорится.

А потом у меня были вступительные экзамены в институт, которые я, конечно же, сдал очень хорошо, в том числе и благодаря помощи папенькиного приятеля — проректора. Экономический факультет, в группе три парня и двадцать девчонок, что еще нужно для счастья семнадцатилетнему студенту? Поступили большинство моих одноклассников. Валерка — в институт физической культуры, Витёк — в торгово-экономический вместе с Тариком Кикорашвили. Вадик Мушинский уехал в Москву, в МГУ, а Юлька Голубева — пассия Валерика — тоже в Москву, в ГИТИС, на театральный.

Видеосалон и звукозапись работали без особых проблем, прибыль шла, в неделю выходило рублей двести на человека, так что все наши насущные потребности в деньгах были удовлетворены. Другое дело, что купить за эти деньги можно было все меньше и меньше — товары исчезали с полок, те же продукты шли с черного хода магазинов в кооперативные кафе, сеть которых организовал приятель моей маменьки Валерий Александрович Герцин, продолжавший руководить городской торговлей. Валерий Александрович был почти официальным миллионером, и — о чудо! — у различных органов от ОБХСС до КГБ не было к нему совершенно никаких вопросов.

И, в общем-то, все было прекрасно и удивительно, я привык к новому телу и новому времени, а в будущее смотрел уверенно и с оптимизмом. Это было очень странное ощущение — все катилось под откос с нарастающей скоростью, а ты сидишь, смотришь по сторонам и любишь пейзажем, который мелькает вокруг. Сидишь, и тебе интересно. Мне было интересно жить в восемьдесят седьмом. Я вспоминал о своей жизни в двадцать первом веке... иногда. Все реже и реже. Но я рассчитывал туда вернуться, в конце концов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net